

**Российская академия наук
Сибирское отделение
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ**

2022 г., том 29, № 3

СОДЕРЖАНИЕ

КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА

Журова Л.И. Апокрифические сюжеты в обличительной практике Максима Грека	5
Демидова Л.Д. Две редакции Челобитной инока Авраамия (1670 г.): к вопросу о соотношении текстов	12
Панич Т.В. Об участии Афанасия Холмогорского в делах Петра Артемьева и Григория Скибинского	20
Гурьянова Н.С. О догматическом богословии у старообрядцев	26
Галашева Т.Н. «В намеренный свой путь»: записная книжка турина купца А.И. Коновалова (1749–1770-е гг.)	34
Чернова И.С. Особенности формирования профессии «журналист» в Сибири во второй половине XIX – начале XX в.	44
Гончарук И.А. Издательские стратегии на книжном рынке Дальнего Востока России на рубеже XX–XXI вв.	51

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Забелин А.В. Символические особенности строительной программы Ивана III	62
Самдан А.А. Позиция Усинского пограничного начальника А.Х. Чакирова по «урянхайскому вопросу» в 1907–1912 гг.	75
Фельдман М.А. К вопросу о степени влияния хозяйственной элиты на экономический курс Советского государства в годы Второй пятилетки	85

К 65-ЛЕТИЮ СО РАН

Запороженко Г.М. Повседневная жизнь новосибирского Академгородка в эго-документах «сибирских академин»	92
Артемьева Е.Б., Лютов С.Н., Посадсков А.Л., Куперштох Н.А. Становление и развитие учреждений науки в Сибири и формирование системы их информационного обеспечения	103

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Кабачков А.Н. Научная конференция «Эго-документы: межисточниковые диалоги о России первой половины XX века в историко-литературном контексте» (Екатеринбург, 14–17 сентября 2021 г.)	112
Поздравляем Вадима Марковича Рынкova с юбилеем!	118

**ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ»**

Издается с января 1994 г.
Выходит четыре раза в год

У ч р е д и т е л и: **Сибирское отделение РАН;
Институт истории СО РАН**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Чл.-кор. РАН *В.А. Ламин* (председатель совета, Новосибирск), академик РАН, профессор *В.В. Алексеев* (Екатеринбург), академик РАН, *Б.В. Базаров* (Улан-Удэ), канд. ист. наук *В.В. Данилович* (Минск), доктор, профессор *Дашидэндэв* (Улан-Батор, Монголия), академик РАН, профессор *А.П. Деревянко* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *В. Дённингхаус* (Германия), д-р ист. наук *А.С. Зуев* (Новосибирск), д-р ист. наук *В.А. Ильиных* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *О.Н. Катионов* (Новосибирск), доктор, профессор *Л. Виола* (Торонто, Канада), доктор *К. Мацузато* (Токио, Япония), академик РАН, профессор *В.И. Молодин* (Новосибирск), доктор, профессор *А. Патнаик* (Нью-Дели, Индия), д-р ист. наук *И.В. Побережников* (Екатеринбург), *Я. Садовски* (Краков, Польша), чл.-кор. РАН *А.В. Сиренов* (Санкт-Петербург), д-р ист. наук, профессор *Е.Б. Сыдыков* (Нур-Султан, Республика Казахстан), д-р ист. наук, профессор *Н.А. Томилов* (Омск), доктор, профессор *С. Чаттерджи* (Калькутта, Индия), д-р ист. наук, профессор *М.В. Шиловский* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *В.И. Шишкин*, д-р ист. наук *А.Х. Элерт* (Новосибирск), д-р философии *М. Юнге* (Германия)

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор д-р ист. наук *О.Н. Шелегина*
Ответственный секретарь канд. ист. наук *С.Н. Андреевков*

Канд. ист. наук *Д.А. Ананьев*, д-р ист. наук *И.В. Быстрова*, д-р ист. наук *Н.С. Гурьянова* (зам. гл. редактора), д-р ист. наук *Ж.А. Ермекбай*, д-р ист. наук *Г.М. Запорожченко*, д-р ист. наук *В.А. Зверев*, д-р ист. наук *В.И. Исаев*, д-р ист. наук *В.А. Исунов*, канд. ист. наук *Н.А. Куперитох*, д-р ист. наук *Л.В. Курас*, д-р ист. наук *И.В. Лизунова*, д-р ист. наук *Л.Н.Мазур*, д-р ист. наук *А.Ю. Майничева*, д-р ист. наук *Н.П. Матханова*, канд. ист. наук *Т.И.Морозова*, д-р ист. наук *С.А. Некрылов*, д-р ист. наук *С.П. Нестеров*, д-р ист. наук *В.Н. Разгон*, д-р ист. наук *Т.А. Сабурова*, канд. ист. наук *А.И. Савин* (зам. гл. редактора), д-р ист. наук *Л.Н.Славина*, д-р филол. наук *Е.М. Юхименко*

Адрес редакции: 630090 Новосибирск, ул. Николаева, 8,
Институт истории СО РАН, к. 311, тел. (7–383) 330–24–31
<http://www.hssiberia.info>; <http://www.sibran.ru>
gumnauki@gmail.com
Зав. редакцией *Смирнова Вера Ивановна*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ 23.03.2021 г. ПИ № ФС 77-80-483

Редакция журнала «Гуманитарные науки в Сибири» признает международные принципы научной публикации этики и заявляет об отсутствии злоупотреблений служебным положением

Редактор *В.И. Смирнова*
Компьютерная верстка и макет *Н.М. Райзвих*
Художественный редактор *Е.Н. Сентябова*

Выход в свет 30.09.22. Формат 60×84 1/8. Цифровая печать.
Усл. печ. л. 15,0. Уч.-изд. л. 15,0. Тираж 500 экз. Цена свободная. Заказ № 000.

Сибирское отделение РАН
630090 Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева, 17
Отпечатано в Сибирском отделении РАН
630090 Новосибирск, Морской проспект, 2
Тел. 330-84-60, e-mail: e.lyannaya@sb-ras.ru

**Russian Academy of Sciences
Siberian Branch
HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA**

2022, vol. 29, N 3

CONTENTS

BOOK LITERATURE

Zhurova L. The apocryphal stories in the condemnatory practices of Maximus the Greek	5
Demidova L.D. Two versions of the Petitionary by Monk Avraamii (1670): on the issue of texts' correlation	12
Panich T. V. On Afanasy Kholmogorsky participation in cases of Peter Artemyev and Grigory Skibinsky	20
Gurianova N.S. Dogmatic theology of the Old Believers	26
Galasheva T. N. «To my intentional way»: a notebook of Andrey Konovalov, the Merchant of Turinsk (1749–1770s)	34
Chernova I.S. The specifics of the formation of the “journalist” profession in Siberia in the second half of the XIX – early XX century	44
Goncharuk I.A. Publishing strategies in the Russian Far East book market at the turn of the XX–XXI centuries.	51

NATIONAL HISTORY

Zabelin A.V. The symbolic features of Ivan III's building program.	62
Samdan A.A. The position of the last Usinsk border chief A.H. Chakirov on the “Uriankhai issue” in 1907–1912.	75
Feldman M.A. On the issue of the degree of the economic elite effect on the Soviet state economic course during the Second five-year plan.	85

TO THE 65TH ANNIVERSARY OF SB RAS

Zaporozhchenko G.M. Everyday life of Novosibirsk Akademgorodok in the ego-documents of the «Siberian Academies» (1958 – late 1960s).	92
Artemyeva E.B., Kupershtokh N.A., Lyutov S.N. Establishment and development of scientific institutions in Siberia and forming their information support system	103

SCIENTIFIC LIFE

Kabatskov A.N. “Ego-documents: inter-source dialogues about Russia in the first half of the 20th century in a historical and literary context.” (Scientific conference, Yekaterinburg September 14–17, 2021).	112
September 5, 2022 Director of the Institute of History SB RAS Vadim Markovich Rynkov turns 50 years old.	118

**ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC JOURNAL
“GUMANITARNYIE NAUKI V SIBIRI”
 (“HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA”)**

Published since January 1994
Publication frequency: 4 issues per year

**Founders: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences**

EDITORIAL COUNCIL

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *V.A. Lamin* (Chairman of the Board, Novosibirsk), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.V. Alekseyev* (Yekaterinburg), Academician of the Russian Academy of Sciences *B.V. Bazarov* (Ulan-Ude), Candidate of historical Sciences *V.V. Danilovich* (Minsk, Belarus), Doctor of Philosophy *N.B. Dashdende* (Ulaanbaatar, Mongolia), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *A.P. Derevyanko* (Novosibirsk), Doctor, Professor *V. Döninghaus* (Germany), Doctor of historical Sciences *A.Kh. Elert* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences *V.A. Ilyinykh* (Novosibirsk), Doctor *M. Junge* (Germany), Doctor of historical Sciences, Professor *O.N. Kationov* (Novosibirsk), Doctor of Philosophy, Professor *L. Viola* (Toronto, Canada), Doctor, Professor *K. Matsuzato* (Sapporo, Japan), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.I. Molodin* (Novosibirsk), Doctor, Professor *A. Patnaik* (New Dehli, India), Doctor of historical Sciences *I.V. Poberezhnikov* (Yekaterinburg), Doctor of historical Sciences *Jakub Sadowski* (Krakow, Poland), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *A.V. Sirenov* (St. Petersburg), Doctor of historical Sciences, Professor *Ye.B. Sydykov* (Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan), Doctor of historical Sciences, Professor *N.A. Tomilov* (Omsk), Doctor *S. Chatterjee* (Kolkata, India), Doctor of historical Sciences, Professor *M.V. Shilovskiy* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences, Professor *V.I. Shishkin* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences, Professor *A.S. Zuev* (Novosibirsk)

EDITORIAL BOARD

Chief editor – Doctor of historical Sciences *O.N. Shelegina*
Executive secretary – Candidate of historical Sciences *S.N. Andreenkov*

Candidate of historical Sciences *D.A. Ananyev*, Doctor of historical Sciences *I.V. Bystrova*, Doctor of historical Sciences, Professor *N.S. Guryanova* (deputy chief editor), Doctor of historical Sciences, Professor *J.A. Yermekbay*, Doctor of historical Sciences *G.M. Zaporozhchenko*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.A. Zverev*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.I. Isaev*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.A. Isupov*, Candidate of historical Sciences *N.A. Kupershtokh*, Doctor of historical Sciences *L.V. Kuras*, Doctor of historical Sciences *I.V. Lizunova*, Doctor of historical Sciences, Professor *L.N. Mazur*, Doctor of historical Sciences *A.Yu. Maynicheva*, Doctor of historical Sciences *N.P. Matkhanova*, Candidate of historical Sciences *T.I. Morozova*, Doctor of historical Sciences, Professor *S.A. Nekrylov*, Doctor of historical Sciences *S.P. Nesterov*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.N. Razgon*, Doctor of historical Sciences *T.A. Saburova*, Candidate of historical Sciences *A.I. Savin* (deputy chief editor), Doctor of historical Sciences, Professor *L.N. Slavina*, Doctor of philological Sciences *Ye.M. Yukhimenko*

E d i t o r i a l a d d r e s s: Institute of History, SB RAS, office 311, 8 Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090 Russia
tel. 7-383-330-24-31
<http://www.hssiberia.info>; <http://www.sibran.ru>
gumnauki@gmail.com
Editorial staff manager: Vera I. Smirnova

The Journal is registered by the Ministry of Press and Information of the Russian Federation on June 17, 1993, N 0110807
The editorial staff of the Journal “Humanitarian Sciences in Siberia” is committed to the international ethical guidelines for scientific publications and declares that it does not abuse its power.

The Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
2 Morskoy Pr., Novosibirsk, 630090 Russia

КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА

DOI: 10.15372/HSS20220301
УДК 821.161'01'(470)"15"

Л.И. ЖУРОВА

АПОКРИФИЧЕСКИЕ СЮЖЕТЫ В ОБЛИЧИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ МАКСИМА ГРЕКА

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

Основная цель настоящего исследования – определить место и роль сочинений Максима Грека, направленных против апокрифических сказаний, в его рукописном наследии. Решение задач – выявить списки текстов, провести текстологический анализ, описать рукописную традицию – позволяет раскрыть особенности обличительной практики публициста. Изложены результаты изучения трех сочинений Максима Грека, не вошедших в состав прижизненных авторских кодексов. Установлено расхождение в трактовке Максимом Греком сюжета о ниспосланной Господом грамоте, представленного в сочинении-миниатюре «Ответ о небесной грамоте» и «Послании некоему мужу». Обнаружен первоначальный вариант, сохранившийся в автографе писателя, «Сказания об иерействе Христа», описана история текста памятника. Исследована рукописная традиция «Послания некоему мужу», увлекшемся «Луцидариусом», проанализированы принципиальные различия двух установленных редакций. Формат изученных текстов интересен как один из опытов в творческой лаборатории публициста, отражающий зарождение замысла и практику начального этапа работы автора над темой, входящей в интердискурс феномена лжи.

Ключевые слова: Максим Грек, апокрифические сказания, иерейство Христа, «Луцидариус», рукописная традиция, редакция.

L.I. ZHUROVA

THE APOCRYPHAL STORIES IN THE CONDEMNATORY PRACTICES OF MAXIMUS THE GREEK

History Institute SB RAS,
8, Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

V.S. Ikonnikov made a review of the critiques of the apocryphal stories in works by Maximus the Greek. The paper objective is to investigate several texts by Maximus the Greek not included mostly into the author's codes of the learned monk that expose apocryphal contents of certain narratives. Two writings- miniatures, "An answer about the heaven's epistle" and "Tale of Jesus Christ's priesthood", are the theologian responses regarding apocryphal stories. In the first brief statement, Maximus the Greek simply denies the existence of the epistle granted by God. It is known that the original text of "Tale of Jesus Christ's priesthood" is on manuscript margins of the mid XVI century kept in the Russian State Library (fond 173/I № 57) as an autograph comment for the apocrypha by Theodosius the Jew. In such a context, the literary monument has been preserved as part of other collections of the XVI–XVII centuries. In his tale, Maximus the Greek made three statements contesting Jesus Christ's priesthood. "The epistle to a certain man" contains the critique of the collected works "Lucidarius" sent to a certain George and translated from German. The article contains assumptions regarding the addressee's personality, and details of two versions of the Epistle, the Slavic and Troitsk versions, known as parts of the hand-written collections of the late XVI–XVII centuries. The main feature of the Troitsk version consists in inserts of quotations from Lucidarius into the author's text, likely made by an editor from the XVII century: they accompany the statements of Maximus the Greek and ensure their perception by the reader. The versions differ by the content amount. Another anti-apocryphal writing by Maximus the Greek "The tale of handwritten recording of sins" has been preserved in two versions, its handwriting tradition has been described.

Key words: Maximus the Greek, apocryphal tales, Jesus Christ's Priesthood, the critique of Lucidarius, the handwriting tradition, version.

Людмила Ивановна Журова – д-р филол. наук, главный научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: zhurovansk@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-6796-0896>

L.I. Zhurova – Doctor of Philological Sciences, Chief Researcher, Institute of History SB RAS.

ВВЕДЕНИЕ

В истории русской книжности первой половины XVI в. известны примеры помещения апокрифических сказаний в состав сводов церковных публицистов. Так, новгородский архиепископ Геннадий и игумен Волоцкого монастыря Иосиф делали извлечения из книги Еноха, хотя Иосиф Волоцкий в Седьмом Слове «Просветителя» призывал: «еретика человека отвращаися, завещанные книги прочитаи, отреченная же отнюдь не чти» [Просветитель..., 1904, с. 323], а митрополит Макарий внес некоторые неканонические сюжеты в состав Великих Миней Четых (сентябрь). Эти примеры свидетельствуют о большой популярности апокрифов в русской книжности.

Обзор апокрифических сюжетов в трудах Максима Грека сделан В.С. Иконниковым. Историк отметил, что Святогорец, в отличие от проповедников, призывавших запретить чтение отреченной литературы, критикует повествования, уклоняющиеся от Священного Писания, и своим долгом считает обличение «лжи неправды». Сочинения Максима Грека против апокрифов Иконников считал спровоцированными «частными случаями» и предлагал рассматривать их как «замечания на эти случаи» [1915, с. 353]. И в этом был не совсем прав, поскольку некоторые из трудов ученого монаха, представляющие собой обличительные трактаты, были включены им в состав прижитенных кодексов: «Слово обличительно вкупе и развращательно лживаго списания Афродитиана, персянина зломудреннаго» (10-я глава Иоасафовского собрания [Преподобный Максим Грек..., 2014, с. 125–135]), «Сказание о Иуде предатели» (31-я глава Иоасафовского собрания [Там же, с. 284–285]), «Сказание къ глаголющим, яко во всю Светлую неделю солнце не заходя стояло» (42-я глава Иоасафовского собрания [Там же, с. 332–334]).

В связи с подготовкой научного издания третьего тома Сочинений Максима Грека возникла необходимость в исследовании ряда текстов писателя, где он обличает апокрифические сюжеты, которые распространялись в Московской Руси во второй четверти XVI в., но оказались не включенными в авторские кодексы (Иоасафовский и Хлудовский своды).

АПОКРИФ О НИСПОСЛАННОЙ С НЕБЕС ГРАМОТЕ

Два мини-сочинения – «Ответ к вопросившему: „Къ кому, рече, прежде всех с небесе грамота съслана бысть?“» (34 глава Хлудовского собрания) [Иванов, с. 133; Сочинения преподобного..., с. 286] и «Сказание инока Максима Грека Святогорца против глаголющих: „Христа во священство ставили?“» [Иванов, 1969, с. 131] – в самом деле представляют собой реплики по поводу неканонических сказаний. Так, в «Ответе к вопросившему» церковный публицист

просто отрицает сам факт ниспослания грамоты: «А съ небесе грамота нѣсть съслана николи же никому же» – и призывает вопросившего «той лжи не внимаи». Главный аргумент в защитной позиции Святогорца – ссылки на Священное Писание, и здесь он приводит реминисценцию на Первое послание Иоанна: «Лъжа от диавола есть, а истина от Бога» (1 Ин 2: 21). В науке утвердилось мнение, что данное высказывание Максима Грека спровоцировано «Беседой трех святителей», но вряд ли это было возможно, поскольку инок не мог сослаться на апокрифическое сочинение: «Василий рече: Кому посла Господь грамоту? Иван рече: к Сифу, сыну Адамову» [Порфирьев]. В тексте ученого монаха речь идет о другом сюжете: рассказ о Сифе, который стал первым человеком, обретшим (создавшим) письменность, представляет иной нарратив, нежели упоминание загадочной небесной грамоты. «Ответ к вопросившему» в первоначальном варианте сохранился без названия в комплексе с другими сочинениями-миниатюрами в составе уникального Румянцевского сборника¹: «Сказанием, который убо въ челоуѣческом естествѣ прѣвыи грѣхъ» [Иванов, 1969, с. 172], «Сказанием о венцах свадебных» [Там же, с. 129–130], которые в Хлудовском кодексе заняли положение 33 и 35 глав [Синицына, 1977, с. 244].

СКАЗАНИЕ ОБ ИЕРЕЙСТВЕ ХРИСТА

«Сказание Максима Святогорца против глаголющих: „Христа во священство ставили“» сохранилось в виде заметок на полях рукописи (в прямом смысле этого слова). Текст составлен из трех тезисов, опровергающих положения популярного апокрифа «Феодосия Евреянина об иерействе Иисуса Христа». Это неканоническое сказание неоднократно издавалось по разным редакциям (Н.С. Тихонравовым, И.Я. Порфирьевым, В. Ягичем, М. Соколовым), было включено в виде вставки в ряд списков первого варианта популярного в книжной традиции Жития Богородицы греческого агиографа IX в. Епифания Монаха (иеромонаха обители Каллистрата в Иерусалиме)² [Творогов, 1987. С. 137–138]. Так, один из списков Жития Богородицы иеромонаха Епифания находится в сборнике житий и бесед, принадлежавшем бывшему Московскому митрополиту Иоасафу, старцу Троицкого монастыря³. На л. 2 об.–3 сохранилась киноарная владельческая запись: «Митрополита Иасафа». Этим

¹ Российская государственная библиотека (РГБ). Ф. 256, № 264, л. 207 об.–208.

² Епифания, иеромонаха обители Калистратовы, О житии и о възпитании и лѣтнаго показаниа Пречистые и Препоблагословенныя Владычицы нашеа Богородицы и Приснодевы Мариа. Благослови, Отче!

³ РГБ. Ф. 173/1, собр. МДА. № 57. XVI в., л. 248–264 (по нижней пагинации).

же почерком сделана аналогичная запись на нижнем поле другой рукописи – сборника сочинений Максима Грека (Иоасафовское собрание)⁴: «Сеа книга Троецкаа Сергиева монастыря, митрополита Иасафа». Сборник МДА 57, как и МДА 42, – прижизненная рукопись Максима Грека, которого с Иоасафом должны были связывать дружеские отношения. Можно предположить, что эта рукопись (МДА 57) тоже первоначально принадлежала Максиму Греку, но по каким-то причинам вместе с МДА 42 была передана (подарена) Иоасафу – известному библиотефилю. В МДА 57 на нижнем поле л. 248 почерком неосновного писца сделана киноварная маргинальная запись, указывающая на сочинение афонского монаха: «В семь Словъ иерѣство Иисово, и то обличает Максим Грекъ от Святыхъ Писаниих, яко ложно естъ». На л. 256 об.–257 об. читается апокриф Феодосия Евреянина, а по нижнему полю этих же листов рукой Максима Грека вписано «Сказание», т.е. оригинальный текст афонца в автографе⁵ писателя представлен параллельно неканоническому сочинению. Заголовок «Сказание Максима Святогорца против глаголющих: “Христа во священство ставили”» выполнен киноварью тоже почерком ватопедского инокa.

Аналогичную рукописную картину «Сказания» наблюдаем в составе сентябрьской Миней Четьи⁶, где Житие Богородицы читается на л. 83 об.–113 об., а на поле л. 83 об. киноварью вписана маргиналия почерком неосновного писца: «Зри о семь въ 14 листѣ сего Слова. Въ сем Словѣ поповство Иисуса Христа, и то обличает Максим инок Грекъ Святими Писании, занеже ложно естъ, и сего ради не подобает его чести на соблазны людемъ». На л. 98–103 имеется апокриф Феодосия Евреянина, на нижнем поле этих же листов почерком неосновного писца, другими чернилами вписано «Сказание» Максима Грека. В такой связанности обличительного слова публициста и апокрифа можно видеть первоначальный этап истории текста памятника. В дальнейшем в сводах конца XVI – начала XVII в.⁷ сочинение занимает сугубо автономное положение. Рукописная традиция текста весьма устойчива, принципиальных разночтений между списками нет. Но извлечение его русскими книжниками из окружения апокрифического сюжета, вызвавшее нарушение кода текст–контекст, стало важным моментом литературной истории сочинения.

В своем «Сказании» Максим Грек опротестовал три положения (отметив их нумерацией) в учении

иудейского князя Феодосия, предлагавшего считать возможным поставление Христа во священство. Святогорец утверждал, что, во-первых, Христос происходил от колена Иудина, а не Левина, от которого поставлялись священники, поэтому Иисус не мог быть иереем левитянам. Во-вторых, согласно словам апостола Павла, Христос был поставлен священником по чину «Мелхиседекову, а не по чину Аронову» (Евр 5: 5–10), поэтому он не мог быть представлен по второму чину. В-третьих, если бы «вѣдали презвитери и архиереи Его священника, от них поставлена», то не устроили бы Христу допрос в святилище: «кою властию сия твориши?». И заключает Максим Грек: «Лжа убо проявлена сия повѣсть». Легенда об иерействе Христа («Как Христа ставили во священство») была напечатана в лексиконе «Суда», переводом которого на русский язык занимался Максим Грек.

ПОСЛАНИЕ НЕКОЕМУ МУЖУ

В «Послании к нѣкому мужю поучительно на обѣты нѣкогого латынина мудреца» [Иванов, 1969, с. 129–131; Сочинения преподобного..., 1860, с. 226–236] Максим Грек критикует «Луцидариус» («Златой бисер»), средневековый памятник энциклопедического характера, апокрифического содержания, появившийся на Руси во второй четверти XVI в. Апокриф известен в русской рукописной традиции в нескольких редакциях и многочисленных списках XVII–XIX вв., был опубликован Н.С. Тихонравовым, И.Я. Порфирьевым [Буланина, 1989, с. 72–76]. С.А. Архангельский показал, что Максим Грек пользовался текстом, близким к самой полной редакции, изданной И.Я. Порфирьевым [1899, с. 73–78]. Но по перечню вопросов, обсуждаемых в «Послании некоему мужю», можно видеть, что их число было небольшим и касались они в основном событий библейской истории. Сравнение «Послания некоему мужю» с изданием «Луцидариуса» И.Я. Порфирьева выявило выборочность сюжетов, прокомментированных Максимом Греком. Так, составлены ответы к отдельным вопросам, выбранным из нескольких глав средневековой народной энциклопедии: 2, 3, 4, 5, 7, 10, 11, 13, 14. В «Послании некоему мужю» находим положения, не известные по изданию Порфирьева, например, о том, кому потребуются овощи, выращенные в раю, если человек из него изгнан.

Текст немецкой книги «Луцидариус» на древнерусском языке в XVI в. не сохранился. Вопрос об авторе ее перевода остается пока нерешенным. Н.С. Тихонравов, опубликовавший памятник, считал переводчиком апокрифа Георгия – адресата «Послания», который обратился к ученому монаху с просьбой изъяснить некоторые фрагменты популярного сборника. В.С. Иконников заметил, что перевод, оказавшийся в руках Максима Грека, «отличался крайней букваль-

⁴ Там же. № 42, середина XVI в., л. 4–5.

⁵ Д.М. Буланин поставил под сомнение существование автографов Максима Грека [2019, с. 122–124].

⁶ РГБ. Ф. 304/1, № 663, XVI в.

⁷ РНБ, собр. ОЛДП. О, № 176, конец XVI в., л. 287, гл. 40; Соловецкое собр., № 497/516, конец XVI в., л. 320–320 об.; Ф. 304/1, Троицкое собр., № 201, 30-е гг. XVII в., л. 590. Гл. 144 и др.

ностью, доходящей иногда до искажения смысла текста» [1915, с. 337].

Заголовок к сочинению Святогорца «Послание к некоему мужю поучительно на обѣты некоего латынина мудреца», видимо, составлен кем-то из книжников, поскольку в нем не указано имя адресата, хотя сочинение начинается с обращения: «Честнѣшии брате о Господѣ, кир Георгие!». Можно, конечно, предположить, что замена имени собственного на абстрактное «некоему мужю» является редакцией автора, пожелавшего придать своему высказыванию обобщенный характер и транслировать его широкой аудитории. Но, скорее всего, авторский замысел строился на личном обращении к Георгию. В.С. Иконников не согласился с предположением Н.С. Тихонравова, поддержанным И.Я. Порфирьевым и Е.В. Петуховым, что адресатом мог быть князь Георгий Иванович Токмаков. Историк справедливо считал (но не привел доказательств), что это тот же Георгий, которому инок посылал «тетрадки» со своими сочинениями, сопровождая их письмом [Иконников, 1915, с. 338–340]. Так, в этом письме – «Послании Георгию» [Иванов, 1969, с. 171; Сочинения преподобного..., 1860, с. 424–425] Максим Грек называет своего адресата «господином и братом моим возлюбленным», «любимичем», на основании чего Н.В. Синецкая заключила, что Георгий – монах [1977, с. 172]. Эпистолия ватопедского монаха Георгию, отправленная из Тверского Отроча монастыря (до перевода Максима Грека в Троице-Сергиев монастырь, вероятно, до 1548 г.), носит сугубо личный характер: афонец просит прощения за то, что долго не писал, признается, что всегда был рад «с тобою бесѣдовати не точию черниломъ и бумагою, но и усты къ устомъ, и лицемъ къ лицу», ссылается на свое нездоровье («множае бо житиа моего въ болѣзньехъ и недузѣхъ различныхъ прохожу») и просит принять «с любовью малъ поминокъ словесень». В этом подарке – тетради со Словами на «агарянскую прелесть» (8-я и 9-я главы Иоасафовского собрания) [Преподобный Максим Грек..., 2014, с. 95–124], переписанные рукой автора (Максима Грека), главы Самуила Евреина и «къ нимъ главы супротивны, мое замышление, всякиа истинны испльнены» (73-я глава Хлудовского собрания), переписанные дьяконом Григорием [Иванов, 1969, с. 108; Сочинения преподобного..., 1859, с. 55–62], а также названа «тетратка», «рукою моею и умомъ писану, зѣло потребна», о судьбе которой ничего, к большому сожалению, не известно. В заключение Максим Грек просит Георгия писать о своем «здравии и пребывании». Стоит обратить внимание на репертуар сочинений, которые, видимо, более всего интересовали Георгия: это иноязычная литература. Видимо, он знал иностранные языки: так, «Послание некоему мужю» заканчивается греческой клаузулой «ἔρρωσο» («Будь

здрав»), описанной Д.М. Буланиным [с. 105]. Внимание Георгия к немецким изданиям («Учителя Самуила слово обличительное», «Луцидариус») может указывать на него, как на личность, в руках которой находились памятники европейской книжности.

«Послание некоему мужю» сохранилось в двух редакциях. Одна из них – Славянская (далее – *Сл*) – дошла в составе Нижегородско-Парижского собрания⁸, Полного собрания, причем в виде двух глав⁹, Музейного собрания¹⁰. Другая редакция – Троицкая (далее – *Тр*) – представлена собраниями: Троицким¹¹, Поморским¹², Большаковским¹³. Между редакциями прослеживаются два принципиальных различия: во-первых, в *Тр* обличительные высказывания Максима Грека предвзвешены цитатами из перевода «Луцидариуса», что позволяет связать смысл слов богослова с апокрифическим источником; во-вторых, редакции содержат разный объем информации, так, в *Тр* опущены четыре фрагмента с комментариями Максима Грека, а в *Сл* недостает нескольких его кратких ответов.

В «Послании некоему мужю» важную роль играет довольно пространное вступление. Оно представляет собой сугубо эпистолярный текст, где Максим Грек дважды обращается к своему адресату, просит Георгия не внимать «предисловию книги сея», слушать православных святителей и учителей и обещает изблечь ложь своими краткими ответами. Его критика направлена против латин, под которыми надо понимать иноземцев-европейцев: «Латина, Георгие, зѣло прельстишася и всегда прельщаются еллинскими и римскими учениями и книгами еврейскими и арабскими. Сего ради отлучаися ихъ всею силою, внимаи же православнымъ учителемъ...»¹⁴. Призыв не увлекаться еллинскими и римскими сочинениями, вероятно всего, мог быть адресован светскому человеку. Аналогичную ситуацию наблюдаем в антилатинских посланиях Максима Грека дипломату Федору Карпову.

Такие обращения, как «честнѣшии брате о Господѣ, киръ Георгие» («Послание некоему мужю»), «господин и брат возлюбленыи Георгие» («Послание Георгию»), позволяют отождествить адресатов двух

⁸ Paris. Man. Slave 123, конец XVI в., гл. 102. Лл. 625–629 об. и ГИМ. Синодальное собр., № 491, рубеж XVI–XVII вв., л. 219 об.–223.

⁹ РГБ. Ф. 304, Троицк. собр., № 201, 30-е гг. XVII в., гл. 54, л. 248–252 и гл. 111, л. 499–502.

¹⁰ Там же. Ф. 292, собр. Строева. № 62, начало XVII в.

¹¹ Там же. Ф. 304, Троицк. собр. № 200. 20-е гг. XVII в., л. 370–374.

¹² Там же. Ф. 209, собр. Овчинникова, № 131, первая четверть XVIII в., л. 687–687 об.

¹³ Государственный исторический музей (ГИМ), собр. Хлудова, № 75, 1862 г., л. 491 об.–495.

¹⁴ Цит. по рукописи РГБ, Ф. 304, Троицк. собр., № 200, л. 370. (Далее в тексте листы указаны в круглых скобках).

посланий, но считать Георгия монахом, судя по апелляциям, все-таки неверно.

Представление о некоем Георгии можно извлечь из текста посланий. Так, опровергая положение «Луцидариуса» о сотворении неба, Максим Грек ссылается на Псалтирь (Пс 103: 2) и упрекает адресата: «К симъ глаголеши, яко на всяко время течеть небо от востока на западъ, а спротиву его течет солнце и луна, и звѣзды. Како, паки самъ себѣ противляясь, глаголеши? Понеже небо толь есть силно, яко солнце и луну, и звѣзды с мощию на западъ влечеть. Воистинну, обьорудѣ сердце твое суетно!» (л. 371 об.). Ученый монах уловил противоречия в тексте «Луцидариуса» и обвинил Георгия в недопонимании им апокрифа, что может свидетельствовать о Георгии как переводчике, видимо какой-то части «Луцидариуса». Прямые апелляции – «глаголеши» – могут указывать на Георгия как переводчика текста немецкой книги, представленной Максиму Греку. Заключение данного пассажа, в котором звучит упрек «господину» в увлечении внешней мудростью, еще раз убеждает, что оно, скорее всего, обращено к светскому человеку, а не к монаху: «Сии вси отвѣти по внѣшней чловѣчестей мудрости проходить, а не по благочестивому учению и преданию» (с. 371 об.).

В следующем фрагменте «Латина, Георгие, много прельстишася внѣшними учительствы, и не подобаетъ вамъ внимати ихъ учениемъ, ниже преводити ихъ на рускый языкъ» (л. 372), видим, что личное местоимение «вам» указывает на некое сообщество, увлекавшееся апокрифическими сюжетами, в него, вероятно, входил и Георгий. Совет Максима Грека не заниматься переводами латинских книг может свидетельствовать о причастности к такой практике Георгия.

Выписки из «Луцидариуса» в составе «Послания некоему мужу» имеют особое значение в истории текста «Луцидариуса». Цитаты из него, вставленные в *Тр*, безусловно, облегчают восприятие и понимание обличительных слов Максима Грека. Они рассчитаны на широкий круг читателей, а не на одного Георгия, инициировавшего составление ответов афонца и не нуждавшегося в представлении собственного источника. В писательской практике Святогорца нередко наблюдаем формирование авторской речи в виде комментария, толкования разнообразных текстов. Такова история текста «Сказания об иерействе Христа», «Глав против Самуила Евреина», толкований псалмов.

Критика Максима Грека апокрифических сюжетов в *Сл* начинается с категоричной оценки положений, которые читателю не известны: «Отвѣтъ сеи платонский есть и аристотельский, а не христианский...», «И то слово хулно...», «И выпрось дръзь...», и т.д. Первоначальный текст «Послания некоему му-

жу», судя по всему, сопровождал перевод «Луцидариуса», представленный Георгием. В дальнейшей рукописной традиции, в конце XVI в., русскими книжниками слова афонца, надо полагать, были извлечены из контекста апокрифического памятника и озаглавлены как «Послание некоему мужу», и такая редакция сохранилась в *Сл*. Книжники Троице-Сергиева монастыря в 20-е гг. XVII в. создали новую редакцию, а именно, подобрали цитаты из текста «Луцидариуса» к ответам афонца [Петухов, 1912, с. 179], что обеспечило доступность смысла высказываний Максима Грека. Но не всегда эти вставки оказались на своих местах, что указывает на небрежность книжника в составлении редакции. Так, основная часть «Послания некоему мужу» в *Тр*, разрывая вступительную часть и нарушая логику, открывается введением в повествование самого источника – «Луцидариуса: «Учитель и ученикъ бесѣдуютъ. Сиа книга именуема Луцидариуось, сирѣчь просвѣтитель. Такоже сея книги разумъ именуется «Ауреа Гемма», сирѣчь «Златыи Бисерь», следом вводится ответ Максима Грека: «Максим глаголетъ: Не «Авреа Гемма», но паче есть «аргенто-пукконмикского», еже есть мѣдь, малымъ сребромъ смѣшена; лусидариуось, обтенебраниуось паче, еже есть темнитель, а не лусидариуось». Этого текста нет в *Сл*. В продолжение такой практики редактирования в одной рукописи¹⁵ вообще убрано вступление, текст «Послания некоему мужу» начинается с представления книги «Луцидариус» («Учитель и ученикъ бесѣдуютъ...») и утрачивает приметы эпистолярного повествования, в котором примечательны приветствия адресата – «кирь Георгие».

В *Тр* презентация самой книги «Луцидариус» неудачно разорвала текст вступления, где публицист советует внимать православным учителям – Иоанну Дамаскину, Великому Афанасию и Дионисию Ареопагиту: «Слово мое на въздухъ рассыпается, изшедши от усть моих, и не существомъ пребывает во ушеса слышаших. Божество существомъ своимъ вездѣ и нигдѣ же есть, по великому Дионисию Ареопагиту, зане ни во единомъ мѣстѣ вмѣщается и опредѣляется» (л. 370–370 об.).

Таким образом, основным приемом редактирования текста в *Тр* стали вставки цитат из «Луцидариуса», пометы именем «Максим» комментариев ученого монаха. Например (вставки в *Тр* выделены курсивом, кинноварные буквы – полужирным шрифтом):

«Лусидариуось: Богъ бѣ не единъ, но сотворение мира бѣ с Нимъ. Максимъ. Отвѣтъ сеи платонский есть и аристотельский, а не христианский, они бо глаголютъ, яко присносущенъ Богу миръ есть...»

Лусидариуось: Въ Бозѣ суть три естества: область, мудрость и велиа благодать. Максимъ. И то

¹⁵ ГИМ, собр. Хлудова, № 75, 1862 г., л. 491 об.–495.

слово хулно. О Бозѣ бо едино существо и едино естество и царство, слышимъ отъ святыхъ богословцовъ, а ипостасѣхъ три...» (л. 370–370 об.) и т.д.

Как видим, в первых цитатах из апокрифа опущены указания на беседу ученика и учителя, приведены только ответы учителя, но далее изложение построено в виде диалога:

«**Лусид. Ученикъ:** *Како именовашеся первыи ангель? Учитель рече:* Сатанаилъ. **Максимъ.** Пословица сиа – Сатанаилъ – еврейска есть, толкует же ся – отступникъ...» и т.д. (л. 371).

Этот пример позволяет видеть разную степень полноты ответов Максима Грека, представленных редакторами. Довольно подробный комментарий к последнему вопросу читается в *Сл.* Так, отвергнув имя Сатанаилъ, богослов поясняет, что до своего отпадения он назывался Еосфоросом (светоносцем, светлым ангелом, денницей) согласно пророчеству Исаяи (Ис 14: 12), по отпадении был наречен Сатаной. Предупреждением, что не стоит учить без Святого Писания и церковного предания, заканчивается ответ Максима в Троицкой редакции, а в Славянской продолжен рассуждениями, виновен ли Господь в отпадении Еосфороса и гибели ангелов его. Примечательно, что в этом фрагменте Максим Грек вновь обращается к адресату: «Сеи отвѣтъ, якоже мнит ми ся, господине Георгие, нѣсть зѣло тврѣдь» и упрекает его: «Рече бо лучинариос твои, яко да утвердятся прочии аггели падениемъ Еосфоровымъ»¹⁶. Элиминирование имени адресата послания – характерная черта Троицкой редакции.

Этот пропущенный фрагмент в Троицкой редакции как бы замещен другим вопросом, которого нет в Славянской редакции:

«**Лусидариюсъ.** Ученикъ: *Коль долго (сатана) бѣяше на небеси? Учитель:* Не бѣ болѣ токмо полчася. **Максимъ:** Ни того, ни которое писание богодухновенное не знало, ни отеческое» (л. 371).

В Славянской редакции отсутствуют еще два кратких комментария Максима Грека к ответам учителя, приведенных, заметим, опять же без вопроса ученика, в «Луцидариусе» они представлены в главе 4, где обсуждаются варианты названия ада:

«**Лусидариюсъ.** Кребусъ, яже знаменаетъ змии, драконы, зане же адъ есть, полнь огненныхъ драконовъ и червей, кои никако же умирають. **Максимъ.** То нигдѣ же в Писании обрящеши.

Лусидъ. Еще «варафрумъ», еже есть «черное зинутие». **Максимъ:** Греческа есть пословица и толкуется пропасть, а не черное зинутие». (л. 371 об.).

Совпадения между редакциями заканчиваются на вопросе: «**Кто первыи чловѣкъ,** иже писание обрѣте? **Учитель:** Тои Енохъ». Максим Грек возража-

ет: «**И** в томъ лжетъ явѣ твои не лучинариюсъ, но обтерebarиоусъ, еже есть темнитель, а не просвѣтитель». Первым писание обрел третий сын Адама – Сиф, доказывает афонец, ссылаясь на Иосифа Иудейнина.

Последний фрагмент Троицкой редакции, уже не связанный с «Луцидариусом» и не известный Славянской редакции, представляет статью, заимствованную из лексикона «Суда» [Буланин, 1984, с. 168], о царствовании Мелхиседека, его родословии и наименовании города Иерусалим. Одинокая фраза в конце Троицкой редакции: «Авраамъ сыи 14 лѣтъ и богоразумию сподобися» – может свидетельствовать о незавершенном труде редактора *Тр*; видимо, далее должна идти речь о встрече Мелхиседека, царя Салимского, с библейским патриархом Авраамом, возвращавшимся победителем из военного похода против царя Еламского.

Славянская редакция заканчивается комментарием Максима Грека к вопросу из 14-й главы «Луцидариуса» (его нет в *Тр*), тоже связанным с именем Мелхиседека – самого загадочного библейского персонажа: «Ученик: Кто первы царь по потопе? Учитель: То бе Мелхиседек, егоже латыни глаголют быти Сима, сына Ноева...». Максим Грек резко отрицает предложенный ответ: «И то ложъ» – и напоминает о царях, бывших до Мелхиседека, а именно, о египетском царе Сесогахосисе, построившем большую пирамиду, о фараоне, отнявшем Сарру у Авраама, о царях, пленивших праведного Лота. Ложью латин называет Максим Грек утверждение, что Мелхиседек есть Сим, сын Ноя, и рассуждает об умножении человеческого рода. Таким образом, существенные различия между редакциями «Послания некоему мужу» представляют уникальный пример в истории сочинений писателя, большая часть которых сохранилась в единственном авторском варианте. Троицкая редакция, скорее всего, представляет собой рецепцию русского книжника в начале XVII в. текста Максима Грека.

В рукописном наследии Максима Грека в двух редакциях известно еще одно сказание Максима Грека против апокрифического сказания – «О рукописании грехов» [Иванов, 1969, с. 132–133; Журова, с. 276–291]. Одна из них известна в единственном списке в составе уникальной рукописи – Румянцевском сборнике¹⁷, другая находится во многих списках собраний сочинений Максима Грека, составленных русскими книжниками в конце XVI – XVII в. Основное различие между ними – стилистика изложения. Позиция ученого монаха по отношению к апокрифу неизменна – Максим Грек не признает самого «рукописания», якобы данного Адамом дьяволу, и на основе Священного Писания отвергает идею популярного

¹⁶ Цит. по рукописи: Paris. Man. Slave 123, л. 626 об., 627.

¹⁷ РГБ. Ф. 256, № 264, середина XVI в., л. 221 об.–224 об.

мифа. Примечательно, что именно сочинения Святогорца против апокрифических сказаний представляют редкий случай в рукописном наследии публициста, когда авторский текст сохранился в двух редакциях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сочинения Максима Грека против апокрифических сказаний не сложились в цикл. Особенностью обличительной практики Максима Грека в сочинениях, не вошедших в авторские кодексы, следует признать ее неполемический характер. Богослов, как правило, категорично отвергает то или иное неканоническое положение, называя его ложью, ограничивается краткими комментариями своей оценки, не вступая в дискуссию. Тогда как трактаты, включенные публицистом в состав собраний сочинений, построены на системе доказательств, свидетельствах евангелистов и учителей Церкви, пространных рассуждениях ученого монаха. Формат трех изученных текстов интересен как один из опытов в творческой лаборатории публициста, отражающий зарождение замысла и практику начального этапа работы автора над темой, а именно, составление тезисов обличительной речи. Привязанность их к источнику (апокрифическому памятнику) стала важным моментом истории текста, обусловившим его активное редактирование русскими книжниками XVII в. Перспективой изучения должно стать установление системы в организации обличительных слов Максима Грека против апокрифических сказаний, рассмотренных в дискурсе феномена лжи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Архангельский А.С. К истории древнерусского Луцидариуса: сличение славянорусских и древнемецких текстов. Казань: Типо-литография Императорского университета. 1899. 256 с.
- Буланин Д.М. Переводы и послания Максима Грека. Л.: Наука, 1984. 278 с.
- Буланин Д.М. Полное собрание сочинений Максима Грека. Начало работы и план ее завершения // *Studi Slavistici*. XVI. 2019. С. 119–137. DOI: 10.131.13128/Studi_Slavis-7656.
- Буланова Т.В. Луцидариус // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Л.: Наука, 1989. Вып. 2: Вторая половина XIV–XV в. Ч. 2. С. 72–76.
- Виноградов А.Ю. Епифаний Монах // *Православная энциклопедия*. М., 2008. Т. 18. С. 582.
- Журова Л.И. Авторский текст Максима Грека: рукописная и литературная традиции. Сочинения: в 2 ч. Новосибирск: Изд-во СО РАН. 2011. Ч. 2.
- Иванов А.И. Литературное наследие Максима Грека. Характеристика, атрибуция, библиография. Л.: Наука, 1969. 248 с.
- Иконников В.С. Максим Грек и его время: Историческое исследование. Киев: Типография Императорского университета св. Владимира, 1915. 651 с.
- Петухов Е.В. Русская литература: Исторический обзор главных литературных явлений древнего и нового периода. Древний период. 2-е изд., пром. и доп. Юрьев, 1912. 259 с.
- Порфирьев И.Я. Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки. СПб.: Тип. Академии наук, 1890. 471 с. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/>

Ivan_Porfiriev/apokrificheskie-skazaniya-o-novozavetnyh-litsah-i-sobytyah/19. (дата обращения: 18.03.2022).

Преподобный Максим Грек. Сочинения. М.: Языки славянской культуры. 2014. Т. 2. 432 с.

Просветитель, или Обличение ереси жидовствующих. Творение преп. отца нашего Иосифа, игумена Волоцкого. Изд. 4-е. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1904. 581 с.

Синицына Н.В. Максим Грек в России. М.: Наука, 1977. 332 с.

Сочинения преподобного Максима Грека. Казань: Тип. губернского правления. 1859. Ч. 1. 553 с.

Сочинения преподобного Максима Грека. Казань: Тип. губернского правления. 1860. Ч. 2. 460 с.

Творогов О.В. Житие Богородицы // *Словарь книжников и книжников Древней Руси*. Л.: Наука, 1987. Вып. 1: XI– первая половина XIV в. С. 137–138.

REFERENCES

- Arkhangelsky A.S. (1899). For the history of the old Lucidarius: comparison of Slavic Russian and old German texts. Kazan, Tipolitografiya Imperatorskogo universiteta, 256 p. (In Russ.)
- Bulanin D.M. (1984). Translations and epistles by Maximus the Greek: unpublished texts. Leningrad, Nauka, 278 p. (In Russ.)
- Bulanin D.M. (2019). Maximus the Greek's complete works. The activity beginning and a plan to complete it. *Studi Slavistici*. Vol. 16, no 2, pp. 119–137. DOI: 10.131.13128/Studi_Slavis-7656. (In Russ.)
- Bulanina T.V. (1989). Lucidarius. In: *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi*. Leningrad, iss. 2, pt. 2, pp. 72–76. (In Russ.)
- Vinogradov A.Yu. (2008). Epiphanius the Monk. In: *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow, vol. 18, 582 p. (In Russ.)
- Zhurava L.I. (2011). The author's texts by Maximus the Greek: the tradition of manuscripts and literature. Novosibirsk, vol. 2, 303 p. (In Russ.)
- Ivanov A.I. (1969). The literary heritage of Maximus the Greek: the characteristic, attribution, literature references. Leningrad, Nauka, 248 p. (In Russ.)
- Ikonnikov V.S. (1915). Maximus the Greek and his time: a historic study: a monograph, Kiev, Tipografiya Imperatorskogo universiteta sv. Vladimira. 651 p. (In Russ.)
- Petukhov E.V. (1912). Russian literature: a historic review of the main events of the ancient and new periods. The ancient period. 2nd ed. Yuryev [Tartu], 259 p. (In Russ.)
- Porfir'ev I.Ya. (1890). The apocryphal tales about the characters and events of the New Testament according to the manuscripts from Solovetsky Library. Saint Petersburg, tip. Akademii nauk, 471 p. (In Russ.)
- Venerable Maxim Greek. (2014). Writings. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury, vol. 2, 432 p. (In Russ.)
- Venerable Joseph. (1904). The Enlightener, or condemnation of the heresy of Judaizers. The work of Venerable Joseph, the Hegumen of Volotsk. Kazan, Tipolitografiya Imperatorskogo universiteta, iss. 4, 581 p. (In Russ.)
- Sinitsyna N.V. (1977). Maximus the Greek in Russia. Moscow, Nauka, 332 p. (In Russ.)
- Venerable Maximus the Greek (1859). Works of Venerable Maximus the Greek. Kazan, Tipografiya gubernskogo pravleniya, pt. 1, 553 p. (In Russ.)
- Venerable Maxim Greek. (1860). Works of Venerable Maximus the Greek. Kazan, Tipografiya gubernskogo pravleniya, pt. 2, 460 p. (In Russ.)
- Tvorogov O.V. (1987). The life description of Virgin Mother. *Slovar' knizhnikov i knizhnikov Drevney Rusi*. Leningrad, iss. 1, pp. 137–138. (In Russ.)
- Статья поступила в редакцию 04.05.2022
Дата рецензирования 28.05.2022
Статья принята к публикации 25.06.2022

DOI: 10.15372/HSS20220302
УДК 801.8(471)“1670”

Л.Д. ДЕМИДОВА

ДВЕ РЕДАКЦИИ ЧЕЛОБИТНОЙ ИНОКА АВРААМИЯ (1670 г.): К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ТЕКСТОВ

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

Основной задачей исследования Челобитной инока Авраамия (1670 г.), известного полемического раннестарообрядческого сочинения, является установление соотношения двух известных редакций памятника. Одним из способов решения этой задачи представляется обращение к источникам текста Челобитной – сочинениям Авраамия и его единомышленников. Наблюдение над тем, как изменялся их текст от редакции к редакции, позволило сделать вывод: хотя первая редакция, несомненно, ближе к авторскому тексту, чем вторая, которая к тому же несет на себе следы целенаправленной переработки, их соотношение представляется несколько более сложным, чем считалось ранее. В ряде случаев вторая редакция лучше сохранила текст источников Челобитной, что позволяет сделать вывод об общем протографе обеих редакций.

Ключевые слова: раскол, XVII в., Русская церковь, инок Авраамий, Челобитная 1670 г.

L.D. DEMIDOVA

TWO VERSIONS OF THE PETITIONARY BY MONK AVRAAMII (1670): ON THE ISSUE OF TEXTS' CORRELATION

History Institute SB RAS,
8, Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The Petition of 1670 by the Old Believer Monk Avraamii (died 1672) is the most striking polemical work of the early Old Believers, which helped to struggle for abolishing Patriarch Nikon's church reform. However, the study of the Petition is at an early stage nowadays, the same like a century ago. The main objective is to find out correlation of two known versions of the work. The author supposes that it is crucial to study the handwritten collection by Avraamii "The Christian Secure Shield of Faith" (1667–1669) (Avraamii included its great part in a revised form into the Petition) as well as other writings of the Monk and his associates (Deacon Fedor, Archpriest Avvakum, Geronty of Solovki) also included fragmentally into the Petition. The texts analysis allows confirming the hypothesis expressed previously by researchers that of the two currently known versions of this work the 1st one should be recognized as the closest to the author's text. This text version, different from the author's one, previously published by N.I. Subbotin and most often cited in studies, has signs of purposeful processing. This makes it possible to consider the 2nd version as a special variant of the Petition. However, the nature of its processing appears to be more complex than was thought previously. It is mainly expressed in rearrangement of the text fragments, and in several meaningful additions. It is proved that the co-creator of the Petition 2nd version carried out coherent replacement of certain phrases and expressions. But the textological features of the 2nd version indicate that it better preserved the text of the Petition's sources in a number of cases. The author suggests that both versions are based on a common protograph, which means that a part of differences in the 2nd version can be explained by individual manuscripts errors, not by the deliberate will of its creator.

Key words: XVII century, Russian Church Schism, Old Believers, monk Avraamii, Petition of 1670.

ВВЕДЕНИЕ

Челобитная царю Алексею Михайловичу, созданная раннестарообрядческим полемистом – иноком Авраамием в 1670 г., является как по объему, так и по масштабу замысла значимым сочинением своего времени. Пытаясь убедить высшую государственную и церковную власть в необходимости отмены церковных нововведений, инициированных патриархом Никоном, его противники десятки раз подавали на имя

царя и патриарха прошения, которые с самого своего возникновения приняли форму полемических трактатов, вобрав в себя «всю сущность... старообрядчества» [Три челобитные..., 1862, с. 1]; (о роли старообрядческих челобитных см. также: [Демин, 1970, с. 220–231; Бубнов, 2006, с. 41–50]). Хотя инок Авраамий, по-видимому, не был таким непревзойденным знатоком богослужбных книг, как, к примеру, инок Савватий или уставщик Соловецкого монастыря ста-

Лариса Денисовна Демидова – канд.ист.наук, Институт истории СО РАН, e-mail: lardem.nsk@gmail.com.
Larisa D. Demidova – Candidate of Historical Sciences, Institute of History SB RAS.

реп Геронтий, он, как и многие его современники, вел постоянную работу по поиску аргументов, которые, в его представлении, могли бы оказать влияние на оппонентов. Эта работа завершилась созданием Челобитной, позже разошедшейся по стране во множестве списков. Обращение инока к царю, некогда послужившее предположительно причиной казни Авраамия в 1672 г. [Панченко, Шухтина (Савельева), 1992], для его последователей превратилось в свод основных постулатов, определявших отношение к тем или иным вопросам взаимодействия с официальной церковью, государственной властью и оказавших влияние на жизнь нескольких старообрядческих поколений как одна из ее идейных опор.

Среди многочисленных выявленных на сегодняшний день рукописей Челобитной не имеется, однако, автографа, хотя известно несколько ранних списков (последняя треть XVII – начало XVIII вв.). Почти все они легли в основу двух научных публикаций Челобитной. Первой стала публикация Е.Е. Замысловского, сопровождавшаяся детальным палеографическим описанием использованных 8 рукописей с указанием их особенностей и различий [Замысловский, 1877, с. 1–129]. Публикацию дополнил научный комментарий, затрагивающий как идейное содержание Челобитной, так и особенности текста.

При повторной публикации Челобитной в «Материалах для истории раскола» Н.И. Субботин обосновал необходимость нового издания, поскольку имевшийся у него список – ОР ГИМ, собр. А.И. Хлудова, № 148-Д (конец XVII – начало XVIII в.) отличался от ранее опубликованного Е.Е. Замысловским. Отметив основные особенности рукописи – особое заглавие, наличие краткого предисловия, разделение Челобитной на «статьи с особым заглавием» и «порядок и состав (в конце)», профессор Московской духовной академии оставил вопрос о соотношении двух текстов грядущим исследователям [Материалы..., 1885, т. 7, с. XXIV–XXV]. Тем не менее в каталоге В.Г. Дружинина различия двух публикаций были осмыслены уже как две редакции сочинения, при этом иных списков второй редакции, кроме двух, использованных для издания «Материалов для истории раскола», указано не было [Дружинин, 1912, с. 31–33].

Многие десятилетия спустя в фундаментальной работе о старообрядческой книжности XVII в. Н.Ю. Бубнов подтвердил тезис о соотношении двух опубликованных текстов как отдельных редакций Челобитной и присвоил им номера (1-я и 2-я), также исходя из очередности публикации. По собственному замечанию исследователя, его беглые наблюдения над отличиями двух редакций носили предварительный характер, что не умаляет, тем не менее, их значимости. Так, авторской он признал только первую редакцию (опубликованную Е.Е. Замысловским), однако отметил, что устойчивое литературное окружение,

в котором встречается в сборниках 2-я редакция (опубликованная Н.И. Субботиным), – сочинения Авраамия «Послание к боголюбцу» и «Послание к боярыне Морозовой», скорее всего, восходит к авторской воле Авраамия. Послания «изначально сопровождали посылку Челобитной Авраамием к названным адресатам» [Бубнов, 1995, с. 146–147]. Исследователь насчитал 10 списков 2-й редакции, в которой Челобитную сопровождает «Послание к боярыне Морозовой», и привел пример еще трех списков с «Посланием к боголюбцу». При этом часть из этих списков (ОР РНБ, ОЛДП О 72 и ОР РНБ, О.1.285) в каталоге В.Г. Дружинина причислена к 1-й редакции [Бубнов, 1995, с. 146–147; Дружинин, 1912, с. 31–32].

В известном каталоге старообрядческих сочинений, хранящихся в фондах БАН, который составил сам Н.Ю. Бубнов, распределение списков по редакциям не указано. Однако косвенным указанием на это, вероятно, должны служить ссылки на публикации Е.Е. Замысловского и Н.И. Субботина, которые сопровождают описание каждой рукописи, содержащей Челобитную Авраамия. К примеру, отнесенную ко второй редакции рукопись ОР БАН, собр. В.Г. Дружинина, № 467 (496) археограф сопроводил ссылкой на публикацию Н.И. Субботина [Описание..., 1984, с. 105], а рукопись ОР БАН, Архангельское собр. Д. 546, также содержащую, по мнению исследователя, вторую редакцию, – ссылкой на Е.Е. Замысловского, правда, с оговоркой, что «изданный текст имеет отличия» [Описание..., 1984, с. 203–204].

Некоторая непоследовательность в ссылках сопровождает и описание других списков Челобитной. Так, рукописи, отнесенные В.Г. Дружининым к одной (первой) редакции, сопровождаются в каталоге Н.Ю. Бубнова ссылками на разные публикации: ОР БАН, 1.2.14 (Нов.) и 33.20.1 (Нов.) – на публикацию Е.Е. Замысловского, ОР БАН 33.17.6 (Нов.) и собр. Дружинина, № 485 (515) – на публикацию Н.И. Субботина, а собр. Дружинина № 6 (13) – на обе сразу [Описание..., 1984, с. 34, 88, 94, 238, 241]. В этом, впрочем, нет ничего удивительного: авторы других описаний ссылались на публикации в основном произвольно, отдавая предпочтение «Материалам для истории раскола» как более известному изданию (см., напр.: [Отчет..., 1888, с. 62; Отчет..., 1896, с. 176; Бычков, 1893, с. 45–49; Леонид, арх., 1893, с. 582]). Точно так же обстоит дело и с цитированием Челобитной. Проблема обоснованности такого рода ссылок упирается в вопрос о соотношении двух редакций, который при текущем состоянии изучения Челобитной Авраамия вряд ли может быть решен в рамках рутинного археографического описания.

ОСНОВНЫЕ ПРИЗНАКИ ДВУХ РЕДАКЦИЙ

Предварительное наблюдение над выявленными списками Челобитной (на сегодняшний день мне из-

вестно около сотни рукописей) утверждает в мысли о правомерности выделения двух редакций. Следует, однако, сделать оговорку, что речь идет именно о редакциях полного текста, поскольку в большом числе рукописей Челобитная представлена в самых разнообразных отрывках и выписках. Так, кроме безымянных выписок еще в конце XVII в. вероятно почитателями Авраамия, была сделана компилятивная выборка из Челобитной, распространявшаяся в рукописях (и опубликованная Н.И. Субботиным) под видом отдельного сочинения: «Инок Авраамия выписано от божественного писания о антихристовой пестрообразной прелести, какова в те времена настанет» (сокращенно – «Об антихристовой пестрообразной прелести») [Демидова, 2022, с. 84]. Отметив данный факт многообразия текстов, а также сложность и извилистость рукописной истории Челобитной, сконцентрирую основное внимание на проблеме соотношения двух редакций¹.

Основные их отличия были отмечены предшествующими исследователями. 2-я редакция содержит пространный подзаголовок и вступление-аннотацию, в которой перечислены основные темы старообрядческой полемики, нашедшие отражение в Челобитной. Подзаголовок, судя по эпитетам, которыми украшена в нем персона Авраамия («новый исповедник и страдалец Христов»), не является авторским. Следует, однако, сделать оговорку, что по той же причине не являются авторскими и большинство заголовков, под которыми Челобитная фигурирует в рукописях (об их разнообразии можно получить представление, в частности, из каталога В.Г. Дружинина). Примерно две первые трети текста Челобитной имеют не слишком существенные отличия (которые, однако, выходят за пределы механических разночтений), однако далее 16 фрагментов различной длины находятся в двух редакциях в различном порядке, и лишь в заключительной части структура обоих текстов вновь совпадает. Как в 1-й, так и во 2-й редакции имеются небольшие вставки и пропуски по отношению друг ко другу.

Заголовки в тексте, на которые исследователи указывали как на отличительную особенность 2-й редакции, при более внимательном рассмотрении таковой не являются. Уже Е.Е. Замысловский отметил наличие подобных заголовков в одной из рукописей 1-й редакции, которой он пользовался с целью подведения вариантов к основному списку [Замысловский, 1877, с. 5], встречаются они и в других рукописях (напр., ОР БАН, собр. Дружинина № 6(13)), причем в разных рукописях ни название, ни расположение их в

тексте не совпадают. В большинстве случаев такого рода заголовки не вполне охватывают содержание обширных фрагментов Челобитной, которые они (заголовки) разграничивают, строго соответствуя только ближайшему к ним тексту. Эти заголовки больше похожи на заметки на полях, «подчеркивание», указывающее на наиболее важные места сочинения. Тем более чисто формальным представляется выделение таких «озаглавленных» фрагментов в отдельные главы [Бубнов, 1995, с. 344–346].

Рискну высказать предположение, что появлению «сочинения» Авраамия «Об антихристовой пестрообразной прелести» мы обязаны фразе: «Ис темницы, яко из гроба, тебе глаголю о ныне наченшемся времени и о пестрообразной антихристовой прелести, по числу зверя 666»², которая из подобного указания на значимый фрагмент Челобитной превратилась в заголовок для компилятивной выборки. Нельзя не отметить, впрочем, что заголовки весьма удобны для ориентировки в обширном тексте Челобитной, однако в качестве исследовательского инструмента их можно использовать лишь в том случае, если мы априори отдаем предпочтение 2-й редакции как наиболее известной благодаря публикации в «Материалах для истории раскола».

Как можно заключить из сказанного выше, признаки, указывающие на неавторское происхождение 2-й редакции, не являются абсолютными доказательствами этого. Более надежным способом прояснить данный вопрос мне представляется сопоставление с теми сочинениями, которые легли в основу Челобитной. О том, что при написании обращения к царю Алексею Михайловичу Авраамий использовал материалы своего авторского сборника «Христианоопасный щит веры против еретического ополчения» (1667–1669 гг.), было не раз упомянуто, в том числе и автором данной статьи [Материалы..., 1885, т. 7, с. XI–XII; Бубнов, 1995, с. 343–344; Демидова, 2022, с. 300–301]. От одного до восьми раз иннок воспользовался различными отрывками из 18 глав сборника. Кроме того, поскольку Авраамий параллельно с написанием Челобитной создал сочинения «Вопрос и ответ» и «Послание к боголюбцу»³, Челобитная (в обеих редакциях) имеет с ними ряд текстуальных совпадений. Вдобавок Авраамий использовал отрывки из еще, как минимум, шести чужих сочинений: челобитной дьякона Федора царю Алексею Михайловичу 1666 г., его же Письма к собору российских архипастырей 1666 г., Послания в Москву из Пустозерска (1669 г.)⁴, 5-й Соловецкой челобитной (1667 г.;

¹ Далее их текст цитируется по двум основным спискам: ОР ГИМ, собр. А.С. Уварова, № 719 (вторая половина XVII в.), далее – Ув. 719 и собр. А.И. Хлудова, № 148-Д (конец XVII – начало XVIII в.), далее – Хлуд. 148-Д, положенным в основу обеих публикаций.

² Ув. 719, л. 5 об.; Хлуд. 148-Д, л. 27 об.

³ Последние, как выяснила в свое время Н.В. Шухтина (Савельева), тесно связаны между собой: [Шухтина (Савельева), 1990, с. 403].

⁴ Н.Ю. Бубнов предположил также, что Авраамий был знаком с первой частью «Ответа православных» [1995, с. 334–335],

не только в своей собственной редакции, вошедшей в 45-ю главу «Христианоопасного щита веры», но и в пространной Соловецкой, на основе которой сделана переработка), а также «Книги о вере» (М., 1648) и повести о Ефросине Псковском (XVI в.). Несколько отрывков имеют близкое текстуальное сходство с анонимной старообрядческой «Повестью о мучении старец Петра и Евдокима», которая, возможно, была сочинена им самим. Поскольку, как минимум, отрывки из «Христианоопасного щита веры...» скопированы дословно⁵, у нас есть возможность понять происхождение большинства лакун либо дополнений в той или иной редакции.

Так, несколько пропусков во 2-й редакции (Хлуд. 148-Д, л. 97, 98 об. – 99, 118) объясняются гаплографией из-за повтора похожих слов, и проверить это позволяет именно источник текста Челобитной (5-я и 25-я главы сборника), который в более полном виде воспроизведен в 1-й редакции. Однако и 2-я редакция, кроме отмеченных выше дополнений, содержит несколько фрагментов текста, отсутствующих в 1-й редакции, которые выглядят в Челобитной довольно органично. Интересен в этом отношении фрагмент Челобитной, заимствованный из 35-й главы «Христианоопасного щита веры...». Речь в нем идет о критике троеперстия, интерпретированного как «печать антихриста»: «Сего ради Богослов глаголет: который человек примет начертание зверево на чело или на руку десную, такового не написано имя имать быти в книге агньца, заколенного в смерть от сложении мира, и мучен имать быти таковой пред агньцем и пред ангелы святыми огнем и жупелом, и дым восходит мучения их во веки веком. Зде терпение хрис-

тианское и вера Иисусова»⁶. В 1-й редакции слова «в книге агньца, заколенного в смерть от сложения мира, и мучен быти» выпущены, очевидно, из-за повтора слова «быти»⁷. 2-я же редакция этого пропуска не имеет, а значит, лучше сохранила текст «Христианоопасного щита веры...». Сверх этого, во 2-й редакции имеется еще и дополнение, источник которого не установлен. Совершенно очевидно только, что это не 35-я глава сборника: «Той же Богослов глаголет: блажен мертвии, но умирающии о Господе отныне, ей, глаголет Дух, да починут от трудов своих. Над сими бо области не имать вторая смерть, яже есть вечная мука. Толк[ование]. Но вся блажит мертвья, но о Господе умершия и мертвость Иисусову в теле обносящия: сим бо исхождение от телесь воистинну от трудов есть упокоение»⁸. Это дополнение органично вписывается в окружающий текст, поэтому естественно возникает вопрос, имеем ли мы дело с очередным пропуском 1-й редакции (на сей раз необъяснимым повтором похожих слов) либо с сознательным дополнением, сделанным при создании 2-й редакции. Это неизбежно приводит нас к главному вопросу – о характере генеалогической связи между двумя редакциями.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ РЕДАКЦИЙ

Сравнение двух редакций показывает, что изменение текста происходило, скорее всего, от 1-й редакции ко 2-й, а не наоборот и не параллельно. Приведу несколько ярких примеров из Челобитной, где в основе заимствования – отрывки из трех глав «Христианоопасного щита веры...»:

<i>Син.</i> Synodal col.	<i>Ув. 719</i> Uvarov's col. 719	<i>Хлуд. 148-Д</i> Khludov's col. 148-Д
Л. 50 об.–51 (гл. 12): И хотяи уведети воистинну, каков был той святой муж в богословии и в разуме божественнаго писания, да прочтет ту его святую книгу, да познает, яко не бысть в Руси ин таков учитель и жидом еретиком велик обличитель и отступником правья веры зелен укоритель. Да и в Книге о вере правой, во главе 4-й пишет про тех же святых отец седми соборов и девяти поместных, яко вси свидетелствуют: «и в Духа Святаго, Господа истиннаго и живворящаго».	Л. 17 об.: И хотяи уведети воистинну, каков был той святой муж в богословии и в разуме божественнаго писания, да прочтет ту его святую книгу, да познает, яко не бысть в Русии ин таков учитель и жидом и еретиком велик обличитель и отступником правья веры зеленый укоритель. Да в Книге о вере правой, во главе 4-й пишет про тех же святых отец седми соборов и девяти поместным, яко вси свидетелствуют: «и в Духа Святаго, Господа истиннаго и живворящаго».	Л. 51: И хотяи уведати воистинну, каков был той святой муж в богословии и в разуме божественнаго писания, да прочтет ту его святую книгу, и да познает, яко не бысть в Русии ин таков учитель и жидом и еретиком велик обличитель и отступникам правья веры зеленый укоритель.

однако те отрывки, которые он привел для сравнения, мне представляются относящимися к другим сочинениям Федора, а один – «О молитве Иисусове» – и вовсе взят из Пятой соловецкой челобитной, к которой он близок текстуально.

⁵ Генеалогия списков «Христианоопасного щита веры...» подробно изложена Л.Д. Демидовой [2022, с. 88–111]. Для написания Челобитной Авраамий, по всей видимости, пользовался ныне

утраченным авторским списком (общим протографом Синодального и Уваровского списков), это принимается во внимание при дальнейшем анализе. Сборник цит. по: ОР ГИМ, Синодальное собр., № 641 (60-е гг. XVII в.) (далее – *Син.* с указанием листов рукописи).

⁶ *Син.*, л. 201–201 об.

⁷ *Ув. 719*, л. 63.

⁸ *Хлуд. 148-Д*, л. 126–126 об.

Л. 107 об.–108 (гл. 20): И вправду священный Паисия, митрополит Газской, ево Никонов новый Иерусалим Никополим нарече, сиречь: градовом смятение, убо по-гречески «ианикитос никос» толкуется смятение, для ради греха и смуты, которая прилучилась в первом основании его. Никтоже от отец, ни от благочестивых царей смея которое жилище или град Иерусалим нарещи, точию окаянный Мамант еретик, иже и Параклита себе именова, и две жене, с нима же блуд творяше с нима же – Прискиллу и Максимиллу пророчицы именоваше, градец же некий во Афригийстей области, ему же имя Пепузан, Иерусалимом нарицаше.

Л. 23 (гл. 5): ...з сими еретики того Дамаскина студита мудрование согласует, а не с церковными учителя, и с римским папою Фармосом еретиком, – он тако тремя персты благословлял, и крестился, мно. Также свидетельствует о нем в Книге о вере, во главе 27-й, лист 249, како ему те три перста папа же Стефан 7-й.

Во всех трех случаях текст сборника в более полном виде сохранен в 1-й редакции. Кроме того, во втором и третьем случае можно предположить, как именно изменялся первоначальный текст, за который мы принимаем сочинения сборника. Во втором случае фрагмент из 20-й главы «Христианоопасного щита веры...», частично отсутствующий, а точнее, явно отредактированный (замена распространенного пассажа на краткое: «в Палестинах негде») во 2-й редакции, немного отличается от сборника и в 1-й редакции: в апелляции к греческому языку отсутствует слово «смятение», а в пассаже про «пророчиц» – повтор «с нима же». То, что это изменение – нечто большее, чем погрешность отдельных списков, как представляется, показывает третий пример. В нем помимо выпущенного во 2-й редакции фрагмента, конец которого также явно отредактирован в 1-й редакции добавлением слов «отсеци повеле», видно, как менялся и текст, имеющийся в обеих редакциях. В «Христианоопасном щите веры...» было: «с Фармосом еретиком»; в 1-й редакции, очевидно, добавлено: «согласует же», во второй – «еретиком» исчезло, а «согласует же» осталось.

Еще одно яркое свидетельство в пользу первичности 1-й редакции: все заимствования из сборника либо из других старообрядческих сочинений, несмотря на указанные отличия, находятся в обеих редакциях, и только фрагмент из 7-й главы «Христианоопасного щита веры...» имеется в 1-й редакции и отсутствует во 2-й: «Слава Богу, давшему мне грешному сичеву силу словесную обличити еретика Никола и учеников его, понеже Никон и благословляти люди учал обема руками чрез святягы правила, и махати, аки бесноватый пес, лапами, иже и подобен ему

Л. 98: Вправду Паисия, митрополит Газский, его Никонов Иеросалим Никополим нарече, сии речь градовом смятение, убо по-гречески «ианикитос никос» толкуется, ради греха и смуты, которая прилучилась в первом основании его. Никто же от отец, ни от благочестивых царей смея которое жилище или град Иеросалим нарещи, точию окаянный Манент еретик иже и Параклита себе именова, и две жене с нима же блуд творяше – Прискиллу и Максимиллу пророчицы именоваше, градец же некий во Афригийстей области, ему же имя Пепузан, Иеросалимом нарица.

Л. 43 об.:...с сими еретики того Дамаскина студита мудрование согласует, а не с церковными учителя, и с римским папою Фармосом еретиком согласует же. Он тако тремя персты благословлял, и крестился, мно, также. Свидетельствует о нем в Книге о вере, во главе 27-й, лист 249, како ему те три персты папа же Стефан седмый отсеци повеле.

Л. 183–183 об.: Вправду Паисея, митрополит Газский, писал, и его Никонов Иерусалим Никополим именоваше, сиречь градовом смятение.

Никто же бо от отец, ни от благочестивых царей не смеяху ни которое жилище Иерусалимом нарещи, токмо окаянный един Манент еретик в Палестинах негде градец некий во Афригийстей области, ему же имя Пепузан, Иерусалимом нарица.

Л. 94 об.:...с сими еретиками того Дамаскина студита мудрование согласует, и римским папою Фармосом согласует же, – он тако тремя персты благословлял, и крестился, мно, также – а не с церковными учителя.

от своих ему, и господем себе сатану нарек, и в Дусе Святе себе исповеда дух лестечь, и победитель мира миродержителем лукавым уловленный»⁹. Во 2-й редакции фрагмент оканчивается более лаконично и выглядит при этом более продуманным и логичным: «Слава Богу, давшему мне грешному сичеву силу словесну; аще ли ни, то бойтесь реченнаго Господем: горе тому человеку, им же соблазн приходит и прочая»¹⁰, в то время как вставка из 7-й главы, напротив, кажется чересчур избыточной для заключительной части Челобитной. Однако именно шероховатость текста 1-й редакции подкрепляет мысль о ее первичности: она наглядно показывает, как происходил процесс переработки фрагментов «Христианоопасного щита веры...» в Челобитную, в то время как 2-я редакция в данном случае фиксирует этап «причесывания» текста, придания ему ббльшей гладкости и выразительности.

Приведенные соображения подтверждаются также наблюдениями над отдельными вариантами чтений 1-й редакции, большинство из которых ближе к первоисточнику текста Челобитной, нежели 2-я редакция, даже при учете возможной вариативности списков. При этом опять-таки можно проследить, как шероховатости текста, возникшие при переделке первоисточника в 1-й редакции Челобитной, исправляются во 2-й редакции. Во фрагменте Челобитной, заимствованном из 6-й главы «Христианоопасного щита веры...», текст 2-й редакции кажется более осмысленным и понятным:

⁹ Ув. 719, л.102 об. – 103. Ср.: *Син.*, л. 29 об.

¹⁰ *Хлуд.* 148-Д, л. 190.

<i>Син.</i> Synodal col.	<i>Ув. 719</i> Uvarov's col. 719	<i>Хлуд. 148-Д</i> Khludov's col. 148-Д
Л. 24 об.: Другу возлюбленному Максиму иноку радоватися о Господе. О нем же спросился еси со мною, сиеца отвечаю ти и тобою всякому православному. Священный символ, еже есть исповедание православныя веры христианския, изложен бысть первым собором, триста и осмь на десять святых отец, в Никейском граде, при великом царе Константине, изложен бысть ими до сего точию: веруем и во Святыи Дух.	Л. 49–49 об.: И всякому православному священный символ, еже есть исповедание православныя веры христианския, изложен бысть первым собором, триста и осмью на десять святых отец, в Никейском граде, при великом царе Константине изложен бысть. И ми до сего точию веруем и во Святыи Дух.	Л. 103 об.: И всякому православному христианину держати непоколебимо священный символ, еже есть исповедание православныя веры христианския, еже изложен бысть первым собором, 318-ю святых отец, в Никейском граде, при великом царе Константине, и держим истинною церковию и доднесь.

Однако, сопоставив текст обеих редакций с его источником, мы убеждаемся, что «косноязычие» 1-й редакции происходит от того, что Авраамия, копировавшему текст сборника, по-видимому, в спешке, не вполне удалась переделка сочинения Максима Грека. Однако текстуально 1-я редакция однозначно находится ближе к сборнику, нежели соответствующий фрагмент 2-й редакции. Очевидно, в последней была предпринята попытка исправить огрехи построения фраз и тем самым придать тексту большую осмысленность. Следовательно, подобная правка во 2-й редакции подтверждает ее зависимость от 1-й редакции.

Кроме того, во 2-й редакции имеется, на мой взгляд, целенаправленное редактирование некоторых фрагментов, вектор которого связан не столько с задачами оформления текста, сколько с изменением его стилистики. Так, в одном из источников Челобитной – Послании дьякона Федора из Пустозерска в Москву – содержится филиппика в адрес некоего попа Сысой, чьи религиозные («никонианские») взгляды Федор стремился дискредитировать описанием его крайне отталкивающего «морального облика»: «Явныя от никониян жиды проявляются новые, яко оный поп богоотступный Сысой Новаграда, что сослан бысть в Никонове разбойстве на Вологду, егда Петров посох приехав нощию в Москву и украде из церкви соборныя Никон, а тот поп бысть в шихах у татя церковнаго. И тут на Вологде пред множеством народа глагола хульная глаголы на Христа истиннаго Бога нашего, вором называя Творца неба и земли: по делу, рече, жиды Христа распяли за воровство его» [Материалы..., 1881, с. 70–71].

Если 1-я редакция оставляет текст в сохранности, то во 2-й появляются мелкие, но вполне определенные изменения: «Явныя бо от Никона жиды проявляются новыя, якоже оный богоотступной Сисой, поп новгородский, что сослан бысть в Никонове разбойстве на Вологду, егда Петров посох украде, приехав нощию в Москву, из соборныя церкви Никон, а той поп в шихах был у татя церковнаго; и тамо на Вологде при множестве народа глагола хульная гла-

голы на Христа истиннаго Бога нашего, их же страшно и помыслити, не точию глаголати: по делом, рече, жиды Христа распяли за прегрешение его»¹¹. Помимо мелких изменений 2-й редакции (вставка явно пропущенного слова «украде», замена некоторых слов и сокращение, не меняющее общего смысла рассказа, в части про кражу Петрова посоха), пассаж о том, что данный персонаж «вором называл Творца неба и земли», пропущен и заменен, в сущности, эвфемистической фразой. Очевидно, первоначальный вариант, хотя и представляет собой буквальную цитату обличаемого персонажа (и, к слову, играет в его характеристике не последнюю роль), показался автору или переписчику 2-й редакции слишком грубым. При этом стилистическая правка проведена последовательно: в заключении фразы оригинальное слово «воровство» также заменено на более нейтральное «прегрешение».

Вместе с тем при довольно четко вырисовывающейся картине, указывающей на то, что 1-я редакция имеет все основания быть ближе к первоначальному авторскому тексту, а структурные изменения и многочисленные более-менее крупные вставки 2-й редакции могут быть объяснены целенаправленным изменением 1-й редакции, ряд фрагментов Челобитной во 2-й редакции, хотя и находят соответствие в 1-й редакции, но изложен совершенно иначе. Речь вряд ли может идти о правке. Например, фрагмент, где говорится о критике «никонианской» практики освящения церковного престола, опирается, вероятно, на пассаж из 5-й Соловецкой челобитной (в редакции Авраамия), но не является его прямым цитированием: «А о церковном, государь, священии в том же Потребнике, л. 873, напечатали не по преданию святых отец, повелевают свещати мылом»¹². В 1-й редакции аргумент приведен в более развернутом виде: «И на освящении церкви престол вместо мира мылом указали крест творити. И трижды около церкви, по преданию святых апостол и святых отец, ходи-

¹¹ Хлуд. 148-Д, л. 159-159 об. Ср.: Ув. 719, л. 85–85 об.

¹² Син., л. 220.

ти и певцем в церкви отвещати и то истребили. И о том, государь, чти в житии Феодосия Печерскаго, как святители Печерскую чудную церковь богособрания святители, яко апостоли на облацех»¹³. Во 2-й редакции этому фрагменту соответствуют не один, а два, отделенных друг от друга вставкой: «Да они же новыя веры учителя в Потребниках новых напечатали на освящение церкви и на крещении человеком речь мерзкую, вместо мира мыло, на соблазн христианству и смущение»¹⁴, «А на освещении церквам и на крещении и на венчании ходят от восточныя страны около на шуию, против солнечнаго течения. И сие зело худо содевают, но против святых отец уставу»¹⁵. В дополнение к этому начало первого отрывка имеет отчетливую текстуальную параллель не только с 45-й, но и с 5-й главой «Христианоопасного щита веры...» (речь идет, по-видимому, о контаминации двух отрывков сборника, что в Челобитной – не редкость). Словом, происхождение указанного фрагмента во 2-й редакции не только не объясняется простой переделкой 1-й редакции, но и показывает как будто несколько большую осведомленность составителя 2-й редакции о том, как устроена в Челобитной работа с материалами «Христианоопасного щита веры...», нежели это представляется при более поверхностном знакомстве с данной редакцией. Этот факт, а также наличие указанных выше особенностей текста Челобитной, свидетельствующих о том, что 2-я редакция хоть и в небольшом числе случаев, но вернее передает первоначальный вариант текста, позволяет, как минимум, предположить, что основные их списки именуют общий протограф, и вид первоначального авторского текста (архетип), по-видимому, имеет несколько отличается от текста, считающегося сейчас 1-й, более ранней редакцией.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Гипотеза об общем протографе двух редакций Челобитной требует дальнейшего изучения истории текста и ставит перед исследователем ряд вопросов. Если более раннее происхождение 1-й редакции подтверждается ее близостью к ряду оригинальных старообрядческих текстов, которыми Авраамий пользовался для составления Челобитной, то реальный масштаб изменений во 2-й редакции не столь ясен. Как следует из вышеизложенного, некоторые из этих изменений появились из-за механической утраты текста, подобные же причины, по-видимому, справедливо предполагать для объяснения какой-то части

структурных изменений (например, перестановка некоторых фрагментов могла произойти по причине путаницы листов в протографе основного списка 2-й редакции). Однако очевидны и следы целенаправленного изменения 1-й редакции, причем несомненных доказательств того, что 2-я редакция является поздней, неавторской, переделкой, не так уж много. Единственным веским и к тому же внетекстовым доводом в пользу этого может выступать суждение, что самому Авраамию такая переделка была попросту не под силу. Учитывая стесненные условия создания Челобитной (тюремное заключение) и тот короткий срок (год-полтора), в который она появилась, иннок вряд ли имел возможность тратить время и силы на создание сначала одного грандиозного, а затем другого, заново отредактированного произведения. Значит, рассылку этого нового текста вместе с «Посланием к боголюбцу» [Бубнов, 1995, с. 146–147] делал, по всей видимости, кто-то другой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бубнов Н.Ю. Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в.: Источники, типы и эволюция. СПб.: БАН, 1995. 434, [1] с.
- Бубнов Н.Ю. Памятники старообрядческой письменности. СПб.: Русская симфония: БАН, 2006. 460, [2] с.
- Бычков И.А. Каталог собрания славяно-русских рукописей П.Д. Богданова. СПб., 1893. Вып. 2. 202 с.
- Демидова Л.Д. Истоки русского раскола: иннок Авраамий. СПб.: Нестор-История, 2022. 352 с.
- Демин А.С. Челобитные Аввакума и одна из неисследованных традиций деловой письменности XVII в. // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1970. Т. 25. С. 220–231.
- Дружинин В.Г. Писания русских старообрядцев: Перечень списков, составленных по печатным описаниям рукописных собраний. СПб., 1912. XIV [2], 534 с.
- Замысловский Е.Е. Челобитная старца Авраамия // Летопись занятий Археографической комиссии. СПб., 1877. Т. VI, отд. II. С. 1–129.
- Леонид, арх. (Кавелин Л.А.) Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа Уварова. М., 1893. Ч. I. [2], XVI, 695 с.
- Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые Братством св. Петра митрополита / под ред. Н. Субботина. М., 1881. М., 1885; Т. 6. 335 с.; Т. 7. 434 с.
- Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Наука, 1984. Т. 7. Вып. 1: Сочинения писателей-старообрядцев XVII века / сост. Н.Ю. Бубнов. Л.: 318 с.
- Отчет Императорской публичной библиотеки за 1886 г. СПб., 1888. II, 135 [3], 32 с.
- Отчет Императорской публичной библиотеки за 1896 г. СПб., 1900. 182 с.
- Панченко А.М., Шухтина (Савельева) Н.В. Авраамий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1992. Вып. 3, ч. 1. С. 31–34.
- Три челобитные справщика Савватия, Саввы Романова и монахов Соловецкого монастыря: (Три памятника из первоначальной истории старообрядства). – СПб.: Д.Е. Кожанчиков, 1862. 181 с.
- Шухтина (Савельева) Н.В. Переработки «Вопроса и ответа» и «Послания к некоему боголюбцу» инока Авраамия в рукописях XVIII–XIX вв. // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 44. С. 403–408.

¹³ Ув. 719, л. 73–73 об.

¹⁴ Худ. 148-Д, л. 144.

¹⁵ Там же, л. 144 об.

REFERENCES

- Bubnov N.Yu.* (1995). The Old Believer book in Russia in the second half of the XVII century: sources, types, and evolution. Saint Petersburg, RAS' Library, 434 p. (In Russ.)
- Bubnov N.Yu.* (2006). Old Believer's manuscript texts. Saint Petersburg, Russkaya simfoniya, 460 p. (In Russ.)
- Bychkov I.A.* (1893). Catalog of Slavic-Russian manuscripts of P.D. Bogdanov's collection. Saint Petersburg, 202 p, iss. 2. (In Russ.)
- Demidova L.D.* (2022). The origins of the Russian raskol: monk Avraamii. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya, 352 p. (In Russ.)
- Demin A.S.* (1970). Petition of Avvakum and an unexplored tradition of business writing in the XVII century. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury Instituta russkoy literatury*. Moscow, Leningrad. Vol. 25, pp. 220–231. (In Russ.)
- Druzhinin V.G.* (1912). Writings of Russian Old Believers: a list of copies compiled from printed descriptions of handwritten collections. Saint Petersburg, XIV [2], 534 p. (In Russ.)
- Zamyslovskiy E.E.* (1877). The Petition of Monk Avraamii. *Letopis' zanyatiy Arkheograficheskoy komissii*. Saint Petersburg, vol. 6, pt. 2, pp. 1–129. (In Russ.)
- Leonid, arch. (Kavelin L.A.)* (1893). Systematic description of Slavic-Russian manuscripts of Count Uvarov's collection. Moscow. XVI, pt. 1, 695 p. (In Russ.)
- Subbotin N.I.* (ed.) (1881, 1885). Materials for the history of the schism for the first time of its existence, published by Brotherhood of St. Peter the Metropolitan. Moscow, vol. 6, 335 p.; vol. 7, XXX, 434 p. (In Russ.)
- Bubnov N.Yu.* (ed.) (1984). Description of the Manuscript Department of the Library of the USSR Academy of Sciences. Leningrad, Nauka, vol. 7, iss 1, 318 p. (In Russ.)
- Report of the Imperial Public Library for 1886 (1888). Saint Petersburg. II, 135 [3], 32 p. (In Russ)
- Report of the Imperial Public Library for 1896 (1900). Saint Petersburg, 182 p. (In Russ.)
- Panchenko A.M., Shukhtina (Savel'eva) N.V.* (1992). Avraamii. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi*. Saint Petersburg, iss, 3, pt. 1, pp. 31–34. (In Russ.)
- Kozhanchikov D.E.* (ed.) (1862). Three petitions of Savvaty, Savva Romanov and Solovetsky Monastery monks: (three works of the Old Believers' early history). Saint Petersburg, 181 p. (In Russ.)
- Shukhtina (Savel'eva) N.V.* (1990). Reworkings of "Question and answer" and "Epistle to a certain god-lover" by Monk Avraamii in manuscripts of the XVIII–XIX centuries. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury Instituta russkoy literatury*. Leningrad, vol. 44, pp. 403–408. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 05.05.2022

Дата рецензирования 08.06.2022

Статья принята к публикации 16.06.2022

DOI: 10.15372/HSS20220303
 УДК 821.161'01–311.8(470)"14"

Т.В. ПАНИЧ

ОБ УЧАСТИИ АФАНАСИЯ ХОЛМОГОРСКОГО В ДЕЛАХ ПЕТРА АРТЕМЬЕВА И ГРИГОРИЯ СКИБИНСКОГО

Институт истории СО РАН,
 РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье рассматриваются участие и роль холмогорского архиепископа Афанасия в делах двух представителей русской культуры второй половины XVII в. – Петра Артемьева и Григория Скибинского. Оба сменили вероисповедание ради возможности обучения в Европе, за что подверглись преследованию со стороны церковных властей. На основе изучения комплекса материалов, связанных с их делами (документальные и литературно-публицистические тексты), сделан вывод о том, что Афанасий Холмогорский в разной степени участвовал в делах обоих «отступников от благочестия». Он осуществлял надзорную и воспитательную функции, возложенные на него церковным судом по делу Артемьева. Высказано предположение об интересе Афанасия Холмогорского к документам по делу Григория Скибинского в связи с подготовкой Дополненной редакции книги «Щит веры».

Ключевые слова: XVII в., архиепископ холмогорский Афанасий, Петр Артемьев, Григорий Скибинский, церковный суд.

T.V. PANICH

ON AFANASY Kholmogorsky's PARTICIPATION IN CASES OF PETER ARTEMYEV AND GRIGORY SKIBINSKY

Institute of History SB RAS,
 8, Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The article discusses the participation and role of Archbishop Afanasy, a prominent hierarch of the Russian Orthodox Church, in the cases of two representatives of Russian culture of the second half of the XVII century – Peter Artemyev and Grigory Alekseevich Skibinsky. Both converted to the Catholic faith for the opportunity to study at universities in Europe, and after returning to Moscow faced persecution by the church authorities. The research material is a set of documentary and literary-journalistic texts representing a dossier on both church apostates (manuscripts of the late XVII – early XVIII centuries). The study concludes that Afanasy Kholmogorsky, despite his great distance from Moscow events, showed great interest in them and played a role in the affairs of both “apostates from piety”. Although the degree of his involvement was different in each case. He carried out the supervisory and educational functions assigned to him by the church court in the case of Artemyev, who was exiled to Kholmogory. According to the archbishop's replies included in the dossier, he regularly informed Patriarch Adrian about his conversations with Artemyev, a prisoner in Kholmogorsky prison, and expressed his negative opinion about the freethinker. Afanasy Kholmogorsky's interest in the documents on the case of Grigory Skibinsky is evidenced by a note in the posthumous inventory of his library indicating that it contained some materials related to Skibinsky (at least there was his «penitential petition» addressed to Patriarch Adrian about the possibility of returning to the Orthodox Church). The author suggests that Afanasy Kholmogorsky could have become acquainted with Skibinsky case while being in Moscow for church business in 1697–1698. The archbishop's interest in these materials may be related to the preparation of an extended edition of the book «The shield of faith» by Euphemy Chudovsky, as its curator and editor of the main text was Afanasy Kholmogorsky. Some materials related to cases of Peter Artemyev and Grigory Skibinsky were included in the additions to «The shield of faith».

Key words: XVII century, Archbishop Afanasy Kholmogorsky, Peter Artemyev, Grigory Skibinsky, church court.

ВВЕДЕНИЕ

В конце XVII в. московскими книжниками из круга патриарха был подготовлен ряд материалов, связанных с рассмотрением дел Петра Артемьева и

Григория Скибинского. Как известно, оба в течение нескольких лет пребывали в Европе, где получали образование [Никольский, 1862, с. 169–178; 1863, с. 246–270; Бороздин, 1886, с. 588–599]. За возмож-

Тамара Васильевна Панич – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: tvpanich@ngs.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6223-7615>

Tamara V. Panich – Doctor of Philological Sciences, leading research worker, Institute of History SB RAS.

ность обучения «высоким наукам» (философии и богословия) оба перешли в католическое вероисповедание, как того требовали правила европейских учебных заведений на территориях, подконтрольных римскому папе. Петр Артемьев, возвратившись в Москву, не изменил новых убеждений и по прошествии некоторого времени начал проповедовать учение и обряды католической церкви, первое время тайно, а потом открыто. За свою пропаганду он подвергся преследованию со стороны духовных властей. В мае 1698 г. Артемьев был отправлен в заключение в Новоспасский монастырь, а 13 июня того же года осужден церковным собором. В отличие от Артемьева, Григорий Скибинский, получил в Европе степень доктора философии и богословия и, приехав в начале 1697 г. в Москву, написал покаянное прошение на имя патриарха Адриана. В нем он перечислил положения римской церкви, которым вынужден был присягнуть, чтобы получить право обучаться «высоким наукам», и назвал поименно своих зарубежных наставников-доминиканцев, умолял о прощении и возможности возвращения «в первое благочиние». Духовные власти, по-видимому, посчитали раскаяние Скибинского притворным: он подозревался в том, что является одним из агентов римского папы, чем объясняется появление направленных против него обличительных сочинений, свидетельствующих о готовившемся церковном соборе по его делу. Пока не обнаружено каких-либо данных, указывающих на то, что собор состоялся, однако план заседания и проект соборного определения были подготовлены, причем в двух редакциях. Примечательно, что в переработанном тексте приговора предлагались более суровые меры наказания отступника [Панич, 2012, с. 110–134].

Сочинения литературно-публицистического и делового характера, связанные с именами Петра Артемьева и Григория Скибинского, вместе составили своеобразное досье, впоследствии оформленное в отдельный сборник, черновой вариант которого представляет рукопись в Государственном историческом музее (ГИМ), Синодальном собрании, № 393. В разной комплектации и разном количестве тексты сохранились в нескольких рукописях. Сегодня известны следующие из них: ГИМ, Синодальное собр., № 1; ГИМ, Синодальное собр., № 346; Российская национальная библиотека (РНБ), Q. XVII, № 96; Российская государственная библиотека (РГБ), собрание Вифанской духовной семинарии, № 37; РНБ, собрание М.П. Погодина, № 1249¹; Библиотека Российской академии наук (БАН), П.1.В.11. Последняя рукопись

¹ Данный список введен в научный оборот И.А. Устиновой [2020, с. 154–177]. Рукопись содержит только тексты, касающиеся Петра Артемьева.

относится к самому началу XVIII в. и представляет собой новую редакцию материалов, которая была подготовлена, возможно, Евфимием Чудовским (при участии его учеников и единомышленников) [Панич, 2008, с. 44]. Именно он был автором многих сочинений, направленных против Петра Артемьева и Григория Скибинского. Отдельные тексты чернового сборника (ГИМ, Синодальное собр., № 393) писаны его рукой; рукопись также содержит правку Евфимия. Важным свидетельством в пользу его авторства является также следующий факт: в келейной библиотеке Евфимия находилась подборка текстов по делу Петра Артемьева в виде нескольких тетрадей («книжиц»), без переплета. Отметка об этом содержится в описи библиотеки чудовского старца, сделанной вскоре после его смерти дьяком Иваном Вишняковым и впоследствии опубликованной А.Е. Викторовым. Запись гласит: «О диаконе Петре, что служил у Адриана и Наталии в Мещанской, отступившем от благочестия, в трех книжицах, одна в синей бумаге, другая писана уставом, третья обличение на него, Петра, писма руки Николая Симеонова»² [Викторов, 1863, с. 55].

Помимо Евфимия Чудовского к делам обоих церковных отступников были причастны и другие представители круга «грекофилов», стоявшие на страже православия. В сочинениях комплекса значится один из видных иерархов церкви – Афанасий, архиепископ Холмогорский и Важский, который, несмотря на то, что жил далеко от эпицентра событий, принимал в них деятельное участие. Задача настоящей статьи – рассмотреть роль Афанасия Холмогорского в делах Петра Артемьева и Григория Скибинского.

АФАНАСИЙ ХОЛМОГОРСКИЙ В ДЕЛЕ И СУДЬБЕ ПЕТРА АРТЕМЬЕВА

Имя Афанасия Холмогорского в связи с Петром Артемьевым появляется в рассматриваемом своде текстов несколько раз. Первый раз – в сочинении, которое имеет следующее название: «Выписка сия вкратце выписана из тетрадей, чтеных пред святейшим Адрианом патриархом и всем священным собором, бывшем в дому его архиерейском на Петра Артемьева, бывша диакона Новомещанскаго и отпадша от восточных греческия православныя веры в латинскую западную отриновенную унию. По указу и по повелению великаго господина, святейшаго кир Адриана, архиепископа Московскаго и всея России и всех северных стран патриарха, написана на кратко выписка сия из извету иереа Петра и с писма диакона

² Имеется в виду Николай Семенович Головин, преподаватель Славяно-греко-латинской академии, поэт и переводчик (см.: Белоброва, 1992, с. 212).

Петра, рукою его написанного»³ (далее – «Выписка вкратце»). Как явствует из названия, данный текст был подготовлен для чтения на заседании церковного суда по делу Артемьева. Примечательно, что на нижнем поле к тексту «Выписки вкратце» добавлена запись, которая сообщает дату состоявшегося собора: «В лето 7206, иуния в 13 день, в понедельник святого Духа, сицева выписка и суд, и изречение чтено в Крестовой патриаршей палате пред самым святейшим патриархом на соборе и пред архиереи, и архимандриты, и игумены, и иными клирики прилучившимся» (л. 36).

Второй раз именем холмогорского владыки обозначен текст, представляющий собой подборку извлечений из его отчетов («отписок») патриарху Адриану. В черновой рукописи текст был назван: «Из написания к советником от преосвященного Афанасия, архиепископа Холмогорскаго»⁴. Следует отметить, что первоначально в названии было «из отписки», но затем исправлено сверху на «из написания». В последней редакции (рукопись БАН, П.І.В.11) первоначальное «из отписки» было возвращено, а название текста приобрело следующий вид: «Выписка из отписки преосвященного Афанасия, архиепископа Холмогорскаго к святейшему Адриану патриарху» (л. 51 об.). Кроме измененного названия, первоначальный текст «написания» был дополнен еще одной выпиской из донесения холмогорского владыки: «Выписка из отписки того же преосвященного Афанасия, архиепископа Холмогорскаго к святейшему Адриану патриарху» (л. 53 об.–54)⁵.

Чтобы определить, какова была роль холмогорского архиепископа в деле Петра Артемьева, следует обратиться к содержанию указанных текстов. В «Выписке вкратце» после перечисления всех отступлений Артемьева от канонов православия содержится заключение («надсловие») патриарха, в котором виновный приговаривался к ссылке «в заточение на вечное житие» к Афанасию Холмогорскому: «Сих ради и

иных его Петровых нестерпных богохулных и не-сносных вин мы, милостию Божиею святейший кир Адриан, архиепископ Московский и всея России и всех северных стран патриарх, собравше сыны и сослужители мерности нашея, преосвященные митрополиты, архиепископы, епископы, архимандриты и игумены российскийския и греческия, прилучившыся в царствующем граде Москве, имеюще волю и согласие и не присущих zde архиереев архипастырства нашего, слушахом выписки сея, и за вся сия, и подобная сим, пишемая и блядословимая от отступника от благочестия диакона Петра, судихом его от диаконаства низверещи и знамение диаконства острищи, и далече изгнати волка сицеваго от паствы нашея, послати его в заточение на вечное житие к преосвященному Афанасию, архиепископу Колмогорскому и Важескому» (л. 44–44 об.).

Далее был сформулирован также ряд наказов для архиепископа Афанасия относительно того, как должен содержаться «отступник от благочестия» в холмогорской тюрьме. Предписания были чрезвычайно строгими: «И велети его держати ему где в приличном месте под крепким началом или в юзилищи твердом, чтобы кроме его, самага архиерея, никто ничево с ним не розговаривал, и держати его тако твердо, и быти ему велети в молитве и посте, а наипаче языка в обуздании и молчании, и в церковь входу не попушати ему, яко еретика сушу и отступнику от святых восточных церкве, и святых всяких лиши ти его, сам бо он себе отступством своим всего сего лишил, и общитися с ним ни в чесом никому православным христианом не велети под нашим архиерейским запрещением и казнию церковною, дондеже истинно покается, и латинство всякое, купно и папу анафематствит и словесно, и писменно отпроповесть свою ересь, и писания, яже подаде нам или и инде, где и како либо писа, вся тая анафематствит, и плоды покаяния покажет, но и тогда не абие в том верити ему. И на сие бо иезуиты научиша его (яко и иных научают на прелесть), еже проклинати латинство и папу, да тем прелстит держащая его и от юз свободится, и стеречи накрепко, чтобы куды не ушол, наипаче в латины, идеже и прежде сего хотел ити и ныне о том тчится. И чернил, и бумаги давати ему отнюд не велети...» (л. 44 об.–45).

Соборный приговор таким образом определил дальнейшую судьбу Петра Артемьева. Согласно предписанию церковного суда, расстриженный из диаконства Артемьев был выслан под надзор архиепископа Афанасия в Холмогоры, куда он прибыл 5 июля 1698 г.

О дальнейшей судьбе ссыльного вольнодумца, его жизни и поведении во время заточения рассказывал сам Афанасий Холмогорский в посылавшихся им в Москву «написаниях» («отписках»). Из его сообще-

³ Библиотека Академии наук (БАН), П.І.В.11, л. 36. Далее при цитировании этого и других текстов рукописи ссылки на листы приводятся в скобках после цитаты. Упомянутый в приведенной цитате «иерей Петр» (тезка Артемьева) был священником церкви в Новомещанской слободе Москвы, в которой служил диаконом Петр Артемьев. В 1697 г. он написал донос («извет») на Артемьева патриарху Адриану, в котором обвинял диакона в том, что он следует католическим догматам и обрядам и учит этому прихожан. Что касается «письма диакона Петра», то речь идет о Послании Петра Артемьева отцу из Москвы в Суздаль. Публикацию текста Послания по единственному списку, сохранившемуся в черновой рукописи (ГИМ, Синодальное собр., № 393), см.: [Панич, 2007, с. 166–186].

⁴ Государственный исторический музей (ГИМ), Синодальное собр., № 393. Л. 139 об.–140 об.

⁵ Текстологическое исследование и публикацию «отписок» Афанасия Холмогорского по трем спискам (ГИМ, Синодальное собр., № 393; № 346; БАН, П.І.В.11) см.: [Панич, 1999, с. 40–43].

ний можно сделать вывод о том, что сам он приложил много усилий, стремясь добиться покаяния Артемьева, и увещевал его отречься от католицизма. В течение нескольких месяцев Афанасий много раз встречался с Петром и подолгу беседовал с ним, очевидно, пытаясь выяснить причины, побудившие его сменить вероисповедание. Холмогорский владыка писал, что расспрашивал своего подопечного о его жизни, родителях, воспитании, путешествиях. Афанасия интересовал также отрезок жизни Артемьева, когда он путешествовал по европейским странам и когда учился в Италии у иезуитов: «Всю его жизнь известно от него испытах: где родися и от кого, и како возрасте, и где поживе, и от кого учися... Како прииде к Москве, и где обита, и како учися в школе еллиногреческой, и како прибысть в Вене со учителем своим⁶, и како в Венеции бысть и научися у езуитов...» (л. 52).

Во время общения с архиепископом Артемьев вел себя дерзко, самоуверенно; воинственно, с большой смелостью, часто переходя на крик, отстаивал свою веру, порицал православные обряды и объявлял себя приверженцем римской церкви «даже до смерти». Афанасий так рассказывал об этом патриарху Адриану: «Со всяким смелством предо мною кричал, яко де в России в четыредесят лет церковь вся догматы апостолския пременила, и сложение трех первых перстов на крестное знамение хулил и называл неизвестное, и греков, и россиан называл раздорниками. А правым называл и неподвижным во всем римской костел и догматы его выхвалял со всяким дерзновением, и православных во всем латин нарицал, и блядословил, яко де вскоре российская церковь с ромскою догматы соединитися имать, яко де увидят очи наши. И себе защитника ромской церкви утверждал даже до смерти» (л. 52 об.–53).

Содержание «отписок» свидетельствует о том, что свое представление о Петре Артемьеве Афанасий Холмогорский составил не только на основе разговоров с ним, но и на сочинении самого Артемьева, присланном от патриарха и обратно отправленном в Москву; о нем упоминает сам Афанасий, называя сочинение «писанием». Судя по тем образным характеристикам, которые архиепископ дает Артемьеву и в которых угадывается тематическая связь с посланием Артемьева отцу, именно оно было в распоряжении Афанасия. В послании Петр открыто, порой в экзальтированной форме рассказывал о своей принадлежности к католической церкви. После его прочтения у холмогорского архиепископа, по-видимому, окончательно сформировался образ безнадежно потерянного для православной церкви человека. Афанасий при-

знавался патриарху: «И обретесе весма непотребный и растленный сосуд, срамная главня содомскаго огня, вместилище и орудие противника диавола, яко и самаго его писание, еже у всесвятейшаго государя патриарха, и к нам послано было, и паки к нему возвращено, свидетелствует. Но еще и над сим обретесе злых делатель, ибо учися, яко сам сказа, и кознем бевским, и в мале от того не исчезе» (л. 52).

Таким образом, Афанасий сделал вывод о тщетности своих усилий по обращению отступника и вольнодумца. И согласно патриаршему указу, отправил Петра Артемьева в Соловецкий монастырь. В «Летописце», который велся при Холмогорском кафедральном соборе, была сделана запись: «Сентября в 5 день велено из дому архиерейскаго суднаго приказу с дьяком Карпом Андреевым к Архангельскому городу [прислать] ссыльнаго роздьякона латинина, которой прислан с Москвы сея весны к преосвященному архиепископу, послать в Соловецкий монастырь и затворить вовсе в темную тюрьму на смерть за его спор и неправое в церкви учение и за укорительныя слова предбудущаго состояния...»⁷. Однако участие Афанасия Холмогорского в судьбе Петра Артемьева на этом не прекратилось. Текст «отписок» холмогорского архиепископа указывает на то, что он получал письменные отчеты из Соловецкого монастыря о жизни Артемьева. Так, из письма архимандрита Фирса Афанасий узнал о внезапной смерти узника, случившейся 21 января 1700 г., и о том, что незадолго до нее Артемьев отрекся от «латинского заблуждения» и обратился к православной церкви [Панич, 1999, с. 40–43]. Об этом Афанасий поставил в известность патриарха Адриана в своей «отписке», которая использована в тексте под названием: «Выписка из отписки того же преосвященнаго Афанасия, архиепископа Холмогорскаго к святейшему Адриану патриарху» (л. 53 об.–54). Примечательно, что Афанасий усомнился в искренности покаяния Артемьева. Он сделал такую приписку: «Причаститися святых Таин Господь Бог его, Петрушку, не сподобил, ведая яко сердцеведец, негли он неистинно от злобы своея покаляся. И того ради онаго согнившаго уда праведно отсече и истреби его от земли живых. И яко церковь свою святую православно-восточную от соблазнов того избавил» (л. 54).

АФАНАСИЙ ХОЛМОГОРСКИЙ И ГРИГОРИЙ СКИБИНСКИЙ

В текстах сборника материалов, касающихся обоих «русских католиков», нет никаких упоминаний имени Афанасия Холмогорского в связи с Григорием Скибинским. Однако холмогорский владыка все же

⁶ Имеется в виду Иоанникий Лихуд – учитель Петра Артемьева по Славяно-греко-латинской академии, вместе с которым они совершили путешествие в Италию.

⁷ Цит. по: [Титов, 1889, с. 108].

имел отношение к его делу, хотя и в не столь значительной степени, как в случае с Петром Артемьевым. К такому выводу нас привела одна из отметок в описи библиотеки Афанасия Холмогорского⁸. В числе принадлежавших ему книг упомянута «Книга о покаянии Григория Скибинского, письменная, в полдесть» [Верюжский, 1908, с. 589]. К сожалению, на основе столь скудной информации, предложенной составителем каталога архиерейской библиотеки, невозможно судить о содержании манускрипта. Слова автора описи указывают лишь на то, что в составе рукописи находилось покаянное прошение Скибинского на имя патриарха Адриана. Однако, поскольку составитель каталога говорит о «книге», то это, очевидно, была сравнительно объемная подборка нескольких рукописных материалов по делу Скибинского, а не только его «покаянное прошение», текст которого занимает в рукописях не более трех листов⁹. Можно предположить, что материалы по делу Скибинского были присланы Афанасию Холмогорскому из Москвы, как и сочинения, связанные с Петром Артемьевым. Однако, он и сам мог привезти рукопись из столицы. Афанасий как лицо высокого духовного сана, участвовавший во всех важных делах церкви, о Григории Скибинском и ситуации, сложившейся после его покаянного обращения к патриарху, наверняка узнал во время своего пребывания в Москве. Из столицы в Холмогоры он уехал только в феврале 1698 г.¹⁰

Важно также иметь в виду, что в этот период продолжалась работа Евфимия Чудовского над Дополненной редакцией «Щита веры», которую представляет список ГИМ, Синодальное собр., № 346; чудовский старец подбирал материалы к основному тексту книги, создателем и редактором которой был Афанасий Холмогорский. По-видимому, в ходе этой работы между книжниками шло обсуждение состава дополнений, проводился отбор, редактировались тексты, посвященные актуальным вопросам, в том числе материалы, связанные с именами Петра Артемьева и Григория Скибинского. Данные тексты, посвященные актуальной теме защиты православия от влияния западных конфессий, несомненно, представляли для холмогорского владыки большой интерес. Этим можно объяснить появление в его келейной библиотеке сборника посвященных Скибинскому со-

чинений. В Дополненную редакцию «Щита веры» были включены все известные тексты из его дела (покаянное письмо Скибинского и направленные против него сочинения Евфимия Чудовского обличительного характера): «На еретика латинника Григория Скибинского. Сицево писмо Скибинский подал святейшему Адриану патриарху»; «Противовоздаяние ему»; «Опасение или противословие на поданное от Скибинского злословное писание»; «Великаго господина, святейшаго кир Адриана, архиепископа Московскаго и всеа России патриарха, истязание и изречение пред священным собором ко отвергшемуся от святых восточных церкве в западную и паки к ней пришедшему Григорию Скибинскому»¹¹.

Следует отметить, что в данном случае была использована вторая редакция «соборного определения» по делу Скибинского. Не исключено, что Афанасий Холмогорский принял участие в редактировании «определения», по крайней мере, мог предлагать свои рекомендации и советы Евфимию Чудовскому, трудившемуся над этим сочинением. В итоге текст приговора претерпел значительные изменения содержательного и стилистического плана: обращение патриарха к Скибинскому приобрело более эмоциональный и резкий, обличительный характер; был расширен круг вопросов к церковному отступнику, ужесточились требования к нему и планируемые меры его наказания [Панич, 2012, с. 110–134]. Думается также, что Евфимий Чудовский обсуждал с Афанасием Холмогорским планы по редактированию всего комплекса материалов, связанных с делами Петра Артемьева и Григория Скибинского. Так или иначе, но эти планы впоследствии были реализованы, о чем свидетельствует сборник БАН, П.І.В.11.

Таким образом, интерес и причастность Афанасия Холмогорского к материалам, связанным с именем Григория Скибинского, не вызывают сомнений, хотя его роль в деле и судьбе Скибинского остается не вполне ясной, что связано с отсутствием документальных данных. Как известно, Григорий Скибинский после своего возвращения из Европы занимался писательством, какое-то время давал частные уроки, рассчитывая получить место преподавателя в академии [Буланин, 2004, с. 636–640]. Однако совершенное им в прошлом вероотступничество стало серьезным препятствием в осуществлении этих планов. О дальнейшей судьбе Скибинского не сохранилось никаких сведений. А.И. Соболевский предполагал, что он «умер или бежал из Москвы» [1914, с. 4].

⁸ Опись библиотеки холмогорского архиепископа была сделана после его кончины и впоследствии опубликована В.М. Верюжским [1908, с. 576–591].

⁹ Например, в рукописи БАН, П.І.В.11 оно занимает л. 79–80 об.

¹⁰ Это было четвертое и последнее его посещение Москвы по церковным делам. Здесь он находился с 3 февраля 1697 до февраля 1698 г. [Верюжский, 1908, с. 513–518].

¹¹ ГИМ, Синодальное собр., № 346, л. 1218–1231 об. Что касается материалов по делу Петра Артемьева, то часть из них также вошла в состав «Щита веры» Дополненной редакции (л. 1237–1260).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Материалы по делу двух представителей русской культуры второй половины XVII в., сменивших вероисповедание ради возможности получения «совершенных» знаний в университетах Европы, и как следствие, претерпевших гонения со стороны церковных властей, позволили рассмотреть участие и роль в их судьбе одного из видных иерархов церкви – холмогорского архиепископа Афанасия. Исходя из наших наблюдений, можно сделать вывод о том, что Афанасий Холмогорский, несмотря на удаленность от эпицентра событий, проявлял к ним большой интерес и сыграл свою роль в делах обоих «отступников от благочестия». В случае с Петром Артемьевым на холмогорского владыку, как на активного церковного деятеля и ревнителя православия, было возложено исполнение приговора церковного суда по делу Артемьева: осуществление надзорных и воспитательных функций, о чем, как свидетельствуют «отписки» архиепископа, он исправно информировал патриарха Адриана. Что касается материалов, связанных с именем Григория Скибинского, то интерес к ним холмогорского архиепископа, очевидно, был проявлен в связи с подготовкой Дополненной редакции книги «Щит веры», куда вошли эти материалы. Можно надеяться, что выводы о роли Афанасия Холмогорского в деле Григория Скибинского приобретут более определенный характер в случае обнаружения новых источников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белоброва О.А. Головин Николай Семенов // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1992. Вып. 3: XVII в. Ч. 1. С. 212.
- Буланин Д.М. Скибинский Григорий Алексеевич // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3: XVII в. Ч. 4: Дополнения. СПб., 2004. С. 636–640.
- Бороздин А. Русские католики в Москве в кон. XVII столетия // Исторический вестник. 1886. Т. 25, № 9. С. 588–599.
- Верюжский В.М. Афанасий, архиепископ Холмогорский: Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования и вообще русской церкви в конце XVII века. СПб., 1908. 683 с.
- Викторов А.Е. Опись библиотеки иеромонаха Евфимия // Летописи русской литературы и древности, изд. Н.С. Тихонравовым. М., 1863. Т. 5. Отд. 3. С. 50–56).
- Никольский М. Григорий Скибинский: Очерк из истории духовного просвещения в конце XVII в. // Православное обозрение. М., 1862, Т. 9. С. 169–178.
- Никольский М. Русские выходцы из заграничных школ в XVII столетии / Православное обозрение. М., 1863. Т. 10. С. 246–270.
- Панич Т.В. «Написание к советникам» Афанасия Холмогорского: Материалы к биографии Петра Артемьева // Гуманитарные науки в Сибири. Сер.: Отечественная история. 1999. № 2. С. 40–43.
- Панич Т.В. Послание Петра Артемьева отцу в Суздаль // Памятники отечественной книжности: новые тексты, новые интерпретации. Новосибирск, 2007. С. 166–186.

Панич Т.В. Две редакции соборного определения по делу Григория Скибинского // Власть, общество и человек в исторических и литературных источниках XVI–XX вв. Новосибирск, 2012. С. 110–134.

Панич Т.В. Комплекс рукописных материалов, связанных с делами Петра Артемьева и Григория Скибинского: текстологические наблюдения // Общественное сознание и литература России: источники и исследования. Новосибирск, 2008. С. 30–53.

Соболевский А.И. Сочинения Григория Скибинского // Чтения в Обществе истории и древностей российских (ЧОИДР). М., 1914. Кн. 2, отд. II. 274 с.

Титов А.А. Летопись Двинская. М., 1889. 182 с.

Устинова И.А. «Дело о дьяконе Петре Артемьеве» из собрания М.П. Погодина Российской национальной библиотеки (ОР РНБ. Погод. № 1249) // Церковь в истории России. М., 2020. Сб. 13: К 90-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН Ярослава Николаевича Щапова. С. 154–177.

REFERENCES

- Belobrova O.A. (1992). Golovin Nikolay Semenov. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi*. Saint Petersburg, iss. 3, pt. 1, pp. 212. (In Russ.)
- Bulanin D.M. (2004). Skibinsky Grigory Alekseevich. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi*. Saint Petersburg, iss. 3, pt. 4, pp. 636–640. (In Russ.)
- Borozdin A. (1886). Russian Catholics in Moscow in the late XVII century. *Istoricheskiy vestnik*. Vol. 25, no. 9, pp. 588–599. (In Russ.)
- Veruzhsky V.M. (1908). Afanasy, the Archbishop of Kholmogory: his life and works in connection with the history of Kholmogory Diocese during the first twenty years of its existence and the Russian Church in general in the late XVII century. Saint Petersburg, 683 p. (In Russ.)
- Viktorov A.E. (1863). Inventory of the library of Hieromonk Evfimiĭ. *Letopisi russkoy literatury i drevnosti, izd. N.S. Tikhonravovym*. Moscow, vol. 5, dep. 3, pp. 50–56. (In Russ.)
- Nikolsky M. (1862). Grigory Skibinsky: (an essay from the history of spiritual enlightenment in the late XVII century). *Pravoslavnoe obozrenie*. Moscow. Vol. 9, pp. 169–178. (In Russ.)
- Nikolsky M. (1863). Russians from the foreign schools in the XVII century. *Pravoslavnoe obozrenie*. Moscow, vol. 10, pp. 246–270. (In Russ.)
- Panich T.V. (1999). «A letter to the advisers» by Afanasius Kholmogorsky: materials for Peter Artemyev biography. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. no. 2, pp. 40–43. (In Russ.)
- Panich T.V. (2007). Peter Artemyev's letter to his father in Suzdal. *Pamyatniki otechestvennoy knizhnosti: novye teksty, novye interpretatsii*. Novosibirsk, pp. 166–186. (In Russ.)
- Panich T.V. (2008). A complex of manuscripts related to cases of Peter Artem'yev and Grigoriy Skibinskiy (textological observations). *Obshchestvennoe soznanie i literatura Rossii: istochniki i issledovaniya*. Novosibirsk, pp. 30–53. (In Russ.)
- Panich T.V. (2012). Two editions of the Council's ruling on the case of Grigory Skibinsky. *Vlast', obshchestvo i chelovek v istoricheskikh i literaturnykh istochnikakh XVI–XX vv.* Novosibirsk, pp. 110–134. (In Russ.)
- Sobolevsky A.I. (Comp.) (1914). The works by Grigory Skibinsky. Moscow, Society of Russian History and Antiquities, 274 p. (In Russ.)
- Titov A.A. (1889). Dvinsk Chronicle. Moscow, 182 p. (In Russ.)
- Ustinova I.A. (2020). «The case of Deacon Peter Artemyev» from the collection of M.P. Pogodin of the Russian National Library (OR RNB. Pogod. № 1249). *Tserkov' v istorii Rossii*. Moscow, iss. 13, pp. 154–177. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 05.05.2022

Дата рецензирования 13.05.2022

Статья принята к публикации 17.06.2022

DOI: 10.15372/HSS20220304
УДК 801.8(470)"1670"

Н.С. ГУРЬЯНОВА

О ДОГМАТИЧЕСКОМ БОГОСЛОВИИ У СТАРООБРЯДЦЕВ

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье рассматривается научная проблема осознания старообрядцами в XVIII в. необходимости обосновать право решать вопросы догматического богословия. Представлены результаты анализа содержания сборника, составленного в Выговском старообрядческом общежитии. Особое внимание обращено на предисловия к сборнику и на отдельные сочинения, а также на комментарии составителя. Сделан вывод о том, что выговцы считали свою общину единственным местом, где сохранилась истинная вера, поскольку, по их мнению, в остальном мире уже царствует антихрист. Этим обстоятельством они обосновывали свое право охарактеризовать особенности старообрядческого вероучения, предлагая решение вопросов догматического богословия.

Ключевые слова: Русская церковь; реформа; старообрядцы, XVIII в., Выговское общежитие, рукописные сборники, богословие, догматика.

N.S. GURIANOVA

DOGMATIC THEOLOGY OF THE OLD BELIEVERS

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The article deals with the scientific problem of understanding by the Old Believers in the XVIII century the need to justify their right for resolving issues of dogmatic theology. The first generation of the Old Belief defenders formulated the idea that after starting the church reform in Russia the humanity found itself on the verge of a catastrophe, which was assumed by Christian eschatological teaching. The country was declared to be the last frontier that defended the world from the final conquest by the Antichrist. The Vyg community took advantage of this historical scheme stating that the Antichrist reigned in Russia and only the community existence retained hope to continue the mankind history.

Realizing themselves as keepers of the Russian Church traditions, the Vyg community understood that the absence of priests naturally led to the inevitable transformations of the religious life. The article shows that they focused gradually on describing, or rather, forming their own traditions. Under such situation, the Vyg community was forced both to formalize its own traditions and discuss complex theological issues to justify new rules for the community's religious life. The religious leaders wrote works devoted to solving the problems of dogmatic theology. Certainly, it was not on creating a doctrine system, but only on trying to resolve some theological issues.

The analysis of "The Dogmatic Book" content compiled in the Vyg Old Believers community, led to the conclusion that this collection made an attempt to present the Old Believers' individual works as a part of Orthodox dogmatic theology. This book's author (Khludov's collection, State Historical Museum, no. 272) managed to sum up the Vyg community's views on dogmatic theology characterizing the Old Belief features.

Key words: Russian Church; reform; Old Believers; XVIII century; Vyg community; handwritten collections, theology, dogmatics.

ВВЕДЕНИЕ

Реформа в Русской церкви, начатая патриархом Николом, вызвала появление внутрицерковной оппозиции, которая быстро приобрела поддержку значительной части населения. Это привело к формированию широкого религиозно-общественного движения, известного под именем «старообрядчество». Противники реформы провозгласили себя защитниками православных традиций, которые, по их мнению, нару-

шены реформаторами. Первым поколением защитников старого обряда были сформулированы идеи, ставшие основополагающими при оформлении идеологии движения. Процесс заимствования идей и их развития особенно хорошо проступает при обращении к памятникам письменности, созданным при организации центров самостоятельных согласий. Ярким примером может служить центр поморского согласия – Выговское общежитие. Это обуслов-

Наталья Сергеевна Гурьянова – д-р ист. наук, главный научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: gurian@academ.org, <https://orcid.org/0000-0002-8957-2018>.

Natalia S. Gurianova – Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Institute of History SB RAS.

лено существованием на Выгу литературной школы, которая предоставляет возможность проследить, каким образом в среде старообрядцев происходило развитие идей, сформулированных первым поколением противников церковной реформы.

Исторические штудии первого поколения противников церковной реформы позволили представить путь развития человечества от Адама до современности, в рамках которого была кратко охарактеризована история России, встроена в поток универсальной христианской истории. Авторами были обозначены ключевые, по их мнению, события, определившие кризисное состояние современного общества. Это позволило сформулировать идею о том, что после начала церковной реформы в России человечество оказалось на грани катастрофы, возможным, как предполагает христианское эсхатологическое учение, окончательном завоевании мира антихристом и должном после этого последовать конце мира. Выговцы воспользовались этой исторической схемой и обратились к историческим разысканиям с целью определить роль своей общины в потоке христианской истории.

В их представлении, Россия перестала быть оплотом истинной веры после соборов 1666–1667 гг. Разгром восставшего Соловецкого монастыря, выступившего за сохранение традиций Русской церкви, был объявлен знаковым, свидетельствующим о наступлении царства антихриста (об исторической схеме выговцев см.: [Гурьянова, Крамми, 1994, с. 120–138]). Объявив Выгорецию преемником Соловецкого монастыря, авторы имели в виду, что старообрядческая община осталась единственным местом сохранения истинной веры. Благодаря эсхатологическому восприятию действительности, характерному для старообрядцев, в их представлении только ее существование было гарантией продолжения истории человечества. Выгореция в этой ситуации осознавала себя как хранительница, защитница традиций Святой Руси. Такая историческая схема включения Выговского общежития в универсальный поток христианской истории придавала членам общины уверенности в значимости ее существования в качестве гаранта сохранения истинной веры и продолжения истории человечества.

ВЫГОВСКОЕ ОБЩЕЖИТЕЛЬСТВО И ОФОРМЛЕНИЕ ТРАДИЦИЙ СОГЛАСИЯ

Выговские авторы использовали и развили идеи, сформулированные первым поколением противников церковной реформы, в области эсхатологического учения, что позволило приступить к оформлению идеологии согласия. Они продолжили начатое первым поколением противников церковной реформы дело описания традиции Русской церкви, которая была только обозначена в Стоглаве. В первой полови-

не XVII в. Церковь, используя сочинения авторов Киевской митрополии, написанные в конце XVI – начале XVII в., предоставила богословские обоснования обряда и богослужебной практики, которые нашли отражение в соборном постановлении XVI в. Выговцы, опираясь на предложенное во второй половине XVII в. защитниками старого обряда описание традиции, дополнили его и подвели своеобразный итог этому процессу в «Поморских ответах» [1911]. В исторических сочинениях авторы представили результаты разысканий фактов из событий прошлого, подтвердивших справедливость их точки зрения на роль общины в универсальной христианской истории.

Осознавая себя хранителями традиций Русской церкви, выговцы понимали, что состояние без священников, естественно, привело к неизбежным трансформациям религиозной жизни. Это заставило их сосредоточить внимание на описании, вернее, формировании собственных традиций, о чем свидетельствует сложившееся на Выгу особо почтительное отношение к выдающимся деятелям первого поколения противников церковной реформы и к основателям своего согласия (об этом подробно см.: [Юхименко, 2002, с. 192–242; 286–461]). Проявлением уважения к наставникам служат также сборники, составленные из написанных ими сочинений с включением окончательных вариантов, а также черновых, незавершенных текстов¹. В этом явно просматривается стремление не только сохранить для будущих поколений сформулированные лидерами идеи, но и показать творческий процесс поиска решения вопросов, связанных с проблемами обряда и богослужебной практики.

Следующим шагом по пути описания традиций согласия было составление «Выгорецкого Чиновника» (научное издание текста см.: [Маркелов, 2008]). В нем помещены подлинники документов – соборных постановлений, сочинений уставного характера различных жанров, в которых нашел отражение процесс организации религиозной жизни и быта общины (об этом подробно см.: [Маркелов, 2008, с. 9–47]). В тексте Чиновника достаточно ясно проступает, что провозглашенный в качестве основного принцип следования старине не мог быть реализован в состоянии оппозиции к официальной Церкви. При существовании без священников не мог быть сохранен дониконский уклад в богослужении и организации религиозной жизни.

«ДОГМАТИЧЕСКАЯ КНИГА» ВЫГОВЦЕВ

В создавшейся ситуации выговцы вынуждены были не только оформлять собственные традиции, но

¹ См., например: Библиотека академии наук (БАН), собр. Дружинина, № 114 (145). Описание сборника см.: [Бубнов, 2001, с. 276–277].

и обсуждать сложные богословские вопросы с целью обоснования новых правил жизни общины. Лидерами согласия были написаны сочинения, посвященные решению проблем догматического богословия, которым придавался полемический характер. Разумеется, речь не шла о создании системы вероучения, а только о попытках решения отдельных богословских вопросов, которые активно обсуждались в дискуссиях с миссионерами официальной Церкви и представителями других согласий. Постепенно, по мере становления Выгореции в качестве влиятельного центра не только поморского согласия, но и религиозно-общественного движения в целом руководители общины этим сочинениям стали уделять особое внимание, представив их в качестве «святей философии». Об этом свидетельствуют создаваемые на Выгу сборники. Ярким примером может служить рукопись ГИМ, собр. Хлудова, № 272 (Описание сборника и характеристику содержания см.: [Попов, 1872, с. 526–534; Юхименко, 2008, с. 499–500]).

А. Попов в описании рукописей из собр. А.И. Хлудова, опираясь на определение, данное автором предисловия к сборнику, обозначил содержание рукописи как «Сборник догматических сочинений поморских настоятелей» [Попов, 1872, с. 526]. Составитель, которым, по справедливому утверждению Е.М. Юхименко, был Андрей Борисов [Юхименко, 2008, с. 500], дал более эмоциональное наименование – «Книга, нарицаемая “Неоцененный бралаиант”». В этом сборнике была сделана попытка представить отдельные сочинения старообрядцев как часть православного догматического богословия. Авторы, хотя и использовали традиционные для книжников Древней Руси самоуничижительные формулы, но явно считали, что обладают правом обращения к решению сложных богословских вопросов. Разумеется, при этом они опирались на Священное Писание и святоотеческое предание, но в результате характеризовали особенности вероучения, обряда и богослужебной практики религиозно-общественного движения и своего согласия.

Краткое оглавление дает представление о темах, которые обсуждались в помещенных в сборнике текстах, поэтому приведем его полностью: «Оглавление настоящих книги. Глава 1. О святей богословии. Глава 2. О богословском речении: образе. Глава 3. Диспутателная вопрооответствия о кресте. Глава 4. Такия же вопрооответствия о Римской церкви и о прочем. Глава 5. О крещении. Глава 6. Следование правил о крещении и о священстве. Глава 7. О крестном знамении премудраго Герасима Фирсова. Глава 8. Диспутация на новоумышленные вины. Глава 9. Зитумен о двоперстном сложении. Глава 10. Показателное списание на новоявляющиеся философы. Гла-

ва 11. Страдателное и присмертное извещение о благочестии Симеона Дионисиевича»².

В предисловии к сборнику составитель не только отверг обвинение официальной Церкви, направленное в адрес старообрядцев, об их «крайнем невежестве и неразумии о истинней православней вере» (о реальности подобных обвинений см.: [Панич, 2006, с. 3–8]), но и попытался привести аргументы в пользу своего права утверждать обратное. Текст предисловия был частично опубликован А.Н. Поповым [1872, с. 526–528], а его научное издание осуществлено Е.М. Юхименко [2008, с. 79–82, 499–503]. Составитель сборника сразу попытался убедить читателей, что старообрядцы – не «раздорници и расколници православных веры», а наоборот, «есть сущия тоя чада и истиннии послушници». При этом он ссылается на то, что они «ограждены в вере», «от премудрых учителей укреплены». Важно, что при перечислении этих учителей названы не авторы раннего периода христианства или Русской церкви, а деятели первого поколения противников церковной реформы. В качестве продолжения этого ряда указаны выговские «изрядные люди» [Юхименко, 2008, с. 79].

В предисловии переживаемое время обозначено как «последнее сие горкоплачевное». В конце составитель сумел придать этому определению эмоциональную окраску, заменив местоимение «сие» на «такое». А. Борисов, заявив о том, что по христианскому эсхатологическому учению современность есть время, которое мир переживает перед концом света, Выгорецию представил как «сияющее благочестием святое место». В данном случае явно просматривается использование выговской исторической схемы, которая позволила автору перейти к восторженной характеристике достоинств, как он сам определил, «честнейших творителей догматическая книги сея» [Юхименко, 2008, с. 80–82].

После перечисления имен с краткими, но риторически украшенными указаниями на индивидуальные достоинства каждого А. Борисов поместил следующее заключение: «И елико сия пречестнейшия мужи, паки о авторах сея книги глаголю, тщателно великия обыскания во учении имеяху, толико оныя и словесно повсегда со обыскателным благим любоприем светлейше изьясняху, а инныя любопрудыи свои диспутации и писменно произвождаху, ис коих в незабытную их память и собрана сия любопремудрая (нареченная догматическая) книга» [Юхименко, 2008, с. 82]. Составитель второй раз подчеркнул, что перед читателем «догматическая» книга, т.е. состоящая из догматических сочинений.

² Государственный исторический музей (ГИМ), собр. Хлудова. № 272, л. 1–1 об.

Далее он обосновал такое наименование книги, разъяснив свое представление о догматах: «Ибо о самых первейших догматах православныя нашея христианския веры имеются в ней диспутателная и показателная сочинения: о превысочайшей святей богословии, о кресте, о крещении, о крестном знаменовании и благословении и прочих церковных таинствах и преданиях» [Юхименко, 2008, с. 82]. Затем А. Борисов подчеркнул, что решение вопросов догматического богословия выговские авторы, которых он назвал премудрыми учителями, «не невежеством утверждали древнее святое благочестие, но истинным ведением святого яко Ветхаго, тако и Новаго закона писанием, о чесом неложно видети можно из ниже-следующаго творения их премудраго – сего богодухновеннаго собрания» [Юхименко, 2008, с. 82].

Судя по предисловию, в сборнике ГИМ, собр. Хлудова, № 272 нашла отражение попытка систематизировать старообрядческие сочинения, посвященные решению вопросов догматического богословия. А. Борисов представил читателям содержание сборника как тексты, утверждающие «древнее святое благочестие». Составитель подчеркнул «истинное ведение» Писания авторами сочинений, включенных в сборник, т.е. он подразумевал наличие у старообрядцев права на его истолкование при богословском обосновании решения вопросов обряда и богослужебной практики. А. Борисов не только отверг обвинение защитников старого обряда в крайнем невежестве, но и постарался убедить читателей в их образованности, поскольку, по его определению, они «великия обыскания во учении имеяху...» [Там же, с. 82].

Перечислив науки, в которых выговцы, как считает автор, сумели достичь успехов, он подчеркнул, что в богословии это удалось только «отчасти». В этом высказывании нашло отражение осознание старообрядцами своих скромных возможностей в постижении подобных знаний. А. Борисов утверждал только о способности «изрядных людей» Выгореции решать вопросы богословского обоснования обряда и богослужебной практики, существовавшей в Русской церкви до реформы, начатой патриархом Никоном. Он справедливо определил содержание сборника как «догматическая книга». Действительно, 10 глав из 11 посвящены обсуждению проблем догматического богословия.

СОЧИНЕНИЕ БРАТЬЕВ ДЕНИСОВЫХ

В оглавлении первая глава названа «О святей богословии»³. Она состоит из сочинения, незавершенного Андреем Денисовым, которое дописал его брат Семен. Название-аннотация дает представление

о его содержании, поэтому приведем его полностью: «Феологическое изъявление на любопытственное некоего любомудраго вопроссадание и любопрителное его хартиестязание о наглаголении во святей единосущней Троице человечества и о правильном разрешении любопытственне противоборствующаго онаго стязания, с справедливым возражением в недопущении преестественном таинстве святыя единосущныя Троицы в Сыне наглаголения быть человеческого естества»⁴.

Уже в заглавии заявлено, что сочинение написано с целью богословского пояснения некоторых вопросов, сформулированных в письменном виде участником спора от противоборствующей стороны. Семен Денисов, кроме завершения работы над сочинением брата, написал предисловие к нему⁵. В нем, воздав должное богословию как «художеству», которое «есть пресовершенное совершенство»⁶, автор попытался охарактеризовать подход старообрядцев к решению богословских вопросов: «Во оный пребожественный сумрак долженствует входить не своемышленными дерзостно степенями, не своесоставленою любопытства лестницею востекая, ... но готовейшими... от святых богословцев чистая словеса священныя богословии обретая»⁷.

После заявления о том, что постижение тайн богословия возможно только при опоре на святоотеческое предание, С. Денисов употребил в свой адрес типичное для древнерусского книжника самоуничижительное определение: «В таковое убо превысочайшаго богословия всепревзятое таинство и мы грубии не наученнии вступити понуждающеся, не яко достигше высоту толь превознесенныя науки, не яко на превзятый верх богословныя всезлатыя вознесшеся лестницы...»⁸ Автор подчеркнул, что «понужден» был заняться решением вопросов богословия, поскольку Андрей Денисов не завершил работу над сочинением, которое «о преестественном превысочайшия феологии таинстве написано»⁹.

В предисловии С. Денисов охарактеризовал сочинение как полемическое, написанное в ответ на заданные оппонентом вопросы, относящиеся к области догматического богословия: «Сия же ответорешения, яже о толь превысоцей, и тако священной богословии написашася, яже люботрудне, аще и грубословне сочиненая, но отеческими всепречюдными подтвержении и священными священных богословцев всепрекрасными доводами подкрепляемая»¹⁰. Кроме

⁴ Там же. Л. 10 об.

⁵ Там же. Л. 7 – 9 об.

⁶ Там же. Л. 7.

⁷ Там же. Л. 8.

⁸ Там же. Л. 8 – 8 об.

⁹ Там же. Л. 8 об.

¹⁰ Там же. Л. 9.

³ ГИМ, собр. Хлудова, № 272, л. 1. Перечень списков сочинения см.: [Дружинин, 1912, с. 161 – 162].

риторически украшенного восторженного отзыва о богословии, автор отметил, что Андрей Денисов приложил немало усилий при написании этого труда, хотя, по его мнению, получилось «грубословие», но очень убедительно.

Далее в предисловии утверждается, что текст написанного братьями сочинения предлагался на рассмотрение «церковного собора сочленению»: «В рассмотрение подлагаем православному церковного собора сочленению, яко правое и незаблудное священных догматов, тако согласное святым учителем церковным мудрствованию»¹¹. Сочинение «Феологическое изъясление...» явно было включено в круг авторитетных, обосновывающих особенности верования согласия. Об этом свидетельствует еще один выговский сборник БАН, собр. Дружинина, № 167 (203), в который было скопировано и это произведение¹². Он был составлен ранее сборника ГИМ, собр. Хлудова, № 272. В рукописи из собрания В.Г. Дружинина это не единственное совпадение с содержанием рассматриваемого сборника¹³.

Столь подробный анализ текста предисловия, написанного С. Денисовым, необходим, чтобы получить представление о восприятии одним из авторов сочинения, посвященного обсуждению проблемы права старообрядцев заниматься теологическими разысканиями. Он попытался, явно ориентируясь на выговскую историческую схему, обосновать это право тем, что в переживаемые «последние времена» старообрядцы вынуждены решать многие, стоящие перед ними вопросы догматического богословия. При этом использовалась традиционная для книжников Древней Руси самоуничтожительная формула, которая могла свидетельствовать об осознании автором своей неспособности их решения, но она была дополнена утверждением, что автор делает это, опираясь исключительно на тексты Священного Писания и святоотеческого предания.

СОСТАВ «ДОГМАТИЧЕСКОЙ КНИГИ»

А. Борисов в Предисловии к сборнику ГИМ, собр. Хлудова, № 272, явно ориентируясь на сформулированные С. Денисовым мысли о вынужденной необходимости старообрядцам обсуждать и решать вопросы, относящиеся к догматическому богословию, еще более прояснил ситуацию. Составив сборник и обозначив его как «Догматическая книга», он пред-

ставил включенные в рукопись сочинения как часть православного догматического богословия, в которой излагаются особенности верования согласия. А. Борисов назвал авторов сочинений «премудрыми учителями», включив в основном кроме трактата «О двуперстии» соловецкого инока Герасима Фирсова¹⁴ произведение выговских «изрядных людей».

В этом ряду оказалось сочинение «Зитуменос или взыскание...»¹⁵. Дело в том, что Алексей Иродионов (о нем см.: [Барсов, 1867, с. 48–81]) написал его, когда жил на Выгу. К моменту составления сборника он уже находился в лоне официальной Церкви и осуждал взгляды, которые с такой убедительностью защищал ранее, хотя опровержение именно этого сочинения он не предпринял¹⁶. Текст сочинения воспроизведен дословно, но в отличие от других включенных произведений, приведено только название без указания автора. В остальных 9 главах помещены названия-аннотации. В качестве примера можно привести название 2-й главы: «Глава 2. Показание велемудраго настоятеля господина Симеона со истолкованием и ясным свидетельством о богословском речении образе, и како оно приемлется: овогда за вид естества, овогда же за начертание и лице»¹⁷.

Не менее восторженная характеристика автору включенного в сборник сочинения дана во введении к «Трактату о двуперстии» Герасима Фирсова: «Глава 7. Послание некоему брату премудрейшаго философа и просвященнейшаго богослова древлецерковнаго святаго благочестия ревностнаго исповедника смиреннаго инока Пантократовы обители (иже есть во отце окиана моря глаголемей Соловки) Герасима по реклу нарицаемаго Фирсова»¹⁸. Тексты 10 глав, действительно, посвящены обсуждению вопросов, относящихся к догматическому богословию, но рассуждениям был придан полемический характер.

За редким исключением, сочинения написаны в вопросо-ответной форме, т.е. вначале дана точка зрения оппонента или задающего вопрос, а затем ответ на него. Иногда об этом заявлено уже в названии-аннотации: «Глава 3. Диспутателная при аргументах вопросозадания любомудраго книжчитателя... Леонтия Федосеевича о кресте и о Римской церкви и о прочих к ведению нужных потребах...»¹⁹. Полемичность включенных в сборник текстов особенно ярко проступает в 10-й главе: «Глава 10. Показательное

¹⁴ ГИМ, собр. Хлудова, № 272, л. 238–274 об.

¹¹ ГИМ, собр. Хлудова, № 272, л. 9.

¹² БАН, собр. Дружинина, № 167 (203), л. 15 – 56. Описание сборника см.: [Бубнов, 2001, с. 278 – 281].

¹³ Например: сочинения, включенные в сборник БАН, собр. Дружинина, № 167 (203), расположенные на листах 57 – 63 об.; 98–171 об.; 301 – 340, соответствуют главам 2-й, 5-й, 9-й в сборнике ГИМ, собр. Хлудова, № 272, расположенных на листах 42–46; 143–172 об.; 399–423.

¹⁵ «Зитуменос или взыскание аще двуперстное сложение на изображение креста есть Христово предание. Антология или отслоение» // ГИМ, собр. Хлудова, № 272, л. 399–423.

¹⁶ Антистарообрядческие сочинения Алексея Иродионова (1710–1780) см.: [Иродионов, 1885–1892].

¹⁷ ГИМ, собр. Хлудова, № 272, л. 42.

¹⁸ Там же. Л. 238.

¹⁹ Там же. Л. 47.

списание на новоявляющиеся философы и учителя и иже от них списательные книги Скрижали, Жезла и Увета, показующее их древним богодухновенным писанием, еще же и к друг другу несогласное мудрование...»²⁰. Это сочинение Д. Матвеева было включено с целью опровергнуть точку зрения официальной Церкви на результаты реформы, сформулированную во второй половине XVII в., чтобы поддержать предложенное ранее решение актуальных для старообрядцев богословских вопросов.

Последняя глава составлена из сочинений Семена Денисова²¹, содержание которых в названии-аннотации представлено следующим образом: «Крепкодушнаго страдалца господина Симеона Дионисиевича исповедание веры и древлецерковнаго благочестия, бывши во узак в Новеграде, при митрополите Иове немилосердном, от него же определен бысть на огненное сожжение: и тако пред конечною казнию по повелению архиерейского учини написание сие (сидевши в темнице) о святом древнем благочестии, за кое без всякаго повращения произволяше лутчее смертию казнен быти, нежели онаго отрещися»²². Включенные тексты охарактеризованы в качестве изложения выгорецким наставником «исповедания веры и древлецерковнаго благочестия».

Составитель сборника явно не был вполне уверен в том, что подобные сочинения могут быть отнесены к догматическому богословию, поскольку А. Попов при описании сборника обратил внимание на помещенное в конце главы замечание, представив его так: «Чтобы доказать уместность помещения 11 главы в сборнике, долженствующем иметь догматическое значение, собиратель его делает следующую заметку...» [Попов, 1972, с. 533]. Действительно, в этом тексте А. Борисов объясняет читателям, по какой причине он включил эту главу в «Догматическую книгу»: «Наконец же прошу тя, любезнейший читателю, да не зазриши мя в сем, что аз при высоких таких догматических разсуждениях и изложениях, положил и сие последнее премудраго учителя господина Симеона Дионисиевича духовное извещение»²³.

Далее он объясняет, что в эту главу тексты включены, поскольку, по его мнению, в них «часть есть и богословскаго учения». Об этом было заявлено и в заглавии главы, когда дано определение содержания как «исповедание веры и древлецерковнаго благочестия» в изложении Семена Денисова. А. Борисов для данной главы действительно сумел отобрать сочинения, созданные в какие-то критические моменты уже

ушедшим к этому времени из жизни киновиархом. Первым помещено Послание митрополиту Новгородскому Иову²⁴, написанное во время пребывания в тюрьме.

С. Денисов начал с цитаты из Евангелия (Мр. 8: 34): «Аще кто хочет вслед мене ити, да отвержется себе и возмет крест свой и по мне грядет»²⁵. Затем привел ее истолкование, обозначив как предложенное Златоустом и Феофилактом²⁶. В приведенной цитате, как установила Е.М. Юхименко, из московского издания 1629 г., и в комментарии к ней акцент сделан на утверждении о добровольном выборе каждым человеком пути к Богу. Далее С. Денисов подтвердил справедливость этого вывода, сославшись на авторитет Карфагенского собора, предписывающего мирно убеждать, а не принуждать «сопротивного»²⁷. После этого автор Послания перешел к обсуждению сложнейшего вопроса, волновавшего христианских богословов, начиная с самого раннего времени – о свободе воли человека.

В России эту тему в качестве самостоятельной впервые поднял и достаточно подробно осветил в своих сочинениях Максим Грек (об этом см.: [Синицына, 2008, с. 75–88; Журова, 2020, с. 236–248]). С. Денисов явно ориентировался на сформулированное им мнение по поводу «самовластия человеческого», но расставил свои акценты. Иногда он даже почти дословно пересказывает соответствующую цитату из сочинения афонца: «И добре самовластнаго Бог созда человека и самовластия же саном почти и, еже самовластне и доброхотне ему работати» [Юхименко, 2008, с. 105; Максим Грек, 2014, с. 154]. Максим Грек обсуждал проблему «самовластия» человека в плане свободы совершаемых им деяний и ответственности за них перед Богом. Для старообрядца, живущего в начале XVIII в., важно было подчеркнуть только один аспект – каждый человек наделен правом «о своем спасении самовластне промышляти», и никто не должен принуждать его отказаться от выбранного пути.

Автор Послания обращается к адресату с призывом следовать предписанному в Священном Писании и святоотеческом предании: «И аще убо Содетель и Законодавец волною волею призывает, апостоли и святии отцы такожде, последующе ему, тихостию повелевают научати, колико паче человеком престоло-

²⁰ Там же. С. 424. Перечень списков этого сочинения Д. Матвеева см.: [Дружинин, 1912, с. 200–201, № 1].

²¹ Там же. Л. 479 – 500.

²² Там же. Л. 479.

²³ ГИМ, собр. Хлудова, № 272, л. 500.

²⁴ Там же. Л. 479 – 491 об. Публикацию текста см.: [Юхименко, 2008, с. 105 – 106].

²⁵ ГИМ, собр. Хлудова, № 272, л. 479. [Юхименко, 2008, с. 105].

²⁶ Об источнике, использованном старообрядцем, см. в комментарии к публикации текста сочинения: [Юхименко, 2008, с. 520].

²⁷ О Карфагенских соборах и соответствующем Правиле, принятом по этому поводу см. в комментарии к тексту сочинения: [Юхименко, 2008, с. 520].

наместником томужде своего началопастыря и иже по нем бывших повелению и обычаю покаратися должно» [Юхименко, 2008, с. 105]. Поскольку текст написан в заключении, которое вполне могло окончиться трагически для автора, обращает на себя внимание уверенный тон Послания, попытка убедить адресата благодаря изложению решения богословских вопросов. В конце С. Денисов апеллирует к допросным речам, в которых он охарактеризовал особенности «веры нашей еже по старопечатным книгам».

Возможно, такое завершение Послания обусловило включение в сборник после него текста, озаглавленного так: «Слово о тайне крещения и прочих церковных таин»²⁸. В нем в 14 пунктах кратко перечислены основные нововведения в обряд, осуществленные в результате церковной реформы, которые нашли отражение в новопечатных книгах, отмечается их расхождение со старопечатными и традицией Русской церкви. Составитель сборника явно рассчитывал, что читатель воспримет Слово в качестве изложения особенности вероучения, которого придерживался С. Денисов, т.е. того, какой он избрал путь спасения. Логичным представляется помещение далее его «Духовного завещания», а следом фрагмента, обозначенного так: «Его же»²⁹.

В первой части этого текста, обращенного к членам общины и «прочым православным христианам», представлено исповедание веры старообрядца. Об этом заявлено очень четко: «В первых исповедаю себе православна христианина, сына древлеправославныя святыя кафолическия церкве, яже во всеславней Росии до Никоновых новшеств светозарно и пресвято сияше»³⁰. После этого кратко охарактеризованы основные христианские догматы, которые составляли основу вероучения автора. В конце отмечена принципиальная для автора особенность решения старообрядцами обрядового вопроса: «... в крестном знаменовании сложением перст исповедателно изьявляю: тремя персты, палцем и двема последними, тайну живоначлныя знаменую Троицы, двема же, указательным и великосредним, тайну вочеловечшагося двоестественаго Христа Исуса, единаго от Святыя Троицы»³¹.

Составитель сборника ГИМ, собр. Хлудова, № 272 сумел в 11-й главе подвести определенный

итог изложению представления выговцев о догматическом богословии, показав в сочинениях С. Денисова особенности вероучения старообрядцев. Более подробно решение актуальных для общины богословских вопросов показано в поморских сочинениях, включенных в 10 глав сборника. Не случайно авторы часто придавали сочинениям, посвященным решению проблем догматического богословия, полемическую форму, поскольку они отстаивали свою точку зрения в полемике с представителями официальной Церкви или в спорах внутри старообрядческого движения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Первое поколение противников церковной реформы, отстаивая свое право не признавать законность нововведений в обряд и богослужебную практику Русской церкви, занималось решением вопросов догматического богословия. С этой целью они писали полемико-догматические сочинения, опираясь на авторитетные для православия памятники письменности. Они были внутрицерковной оппозицией, поэтому им не требовалось обосновывать свое право излагать догматы вероучения. Обращение к анализу содержания сборника, составленного А. Борисовым, позволило уточнить, каким образом в XVIII в. старообрядцы воспринимали произведения своих лидеров, попытавшихся обратиться к описанию особенностей вероучения общины. При этом они вынуждены были обосновать свое право заниматься решением вопросов, относящихся к богословию.

Выговцы явно осознавали, что в силу сложившихся обстоятельств община, по их мнению, была единственным местом, где сохранилась истинная вера, а в остальном мире уже царствует антихрист; на этом основании они считали себя обязанными охарактеризовать особенности старообрядческого учения, которое, естественно, провозглашалось истинным. Это давало им право заняться решением вопросов, относящихся к догматическому богословию, вернее, они вынуждены были сделать это, находясь в постоянных дискуссиях с представителями официальной Церкви и других согласий религиозно-общественного движения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барсов Е.В. Алексей Родионов – ученик Семена Денисова // Тр. Киевской духовной академии. 1867. Т. 1 (январь–март). С. 48–81.
- Маркелов Г.В. Выгорецкий Чиновник: Тексты и исследование / *Выгорецкий Чиновник*: в 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. Т. 2. 556 с.
- Гурьянова Н.С., Крамми Р.О. Историческая схема в сочинениях писателей выговской литературной школы // Старообрядчество в России (XVII – XVIII вв.). М.: Археографический центр, 1994. С. 120–138.

²⁸ ГИМ, собр. Хлудова, № 272, л. 492–495.

²⁹ Там же, л. 495–500. Публикацию текстов см.: [Юхименко, 2008, с. 471–476]. Второй текст в публикации обозначен как «Завещание». Е.М. Юхименко справедливо предположила, что речь идет об одном «Духовном завещании», в котором были объединены оба текста. Об этом подробно см. в комментарии: [Там же, с. 685–686].

³⁰ Там же. С. 472.

³¹ Там же. С. 473.

Дружинин В.Г. Писания русских старообрядцев. Перечень списков, составленный по печатным описаниям рукописных собраний. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1912. 478 с.

Журова Л.И. Антиастрологический дискурс Максима Грека и вопросы формирования авторского кодекса писателя // Критика и семиотика. 2020. № 1. С. 236–248.

Панич Т.В. Тема грамматического знания в «Увете духовном» Афанасия Холмогорского // Вестн. НГУ. Сер. История, филология. 2006. Т. 5, вып. 2. С. 3–8.

Поморские ответы. Напечатаны с подлинника. М.: Книгоиздательство Московского старообрядческого братства [1911]. 603 с.

Поньрко Н.В. Проблема «культурной оседлости» на примере одного эпизода из истории Выговской поморской пустыни // Исследования по древней и новой литературе. Л.: Наука, 1987. С. 297–303.

Попов А. Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А.И. Хлудова. М.: Синодальная тип., 1872. 718 с.

Преподобный Максим Грек. Сочинения. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2014. Т. 2. 432 с.

Иродионов А. Протоиерея Алексия Иродионова сочинения о расколе: в 3 вып. М.: Н. Субботин, 1885–1892.

Синицына Н.В. Преподобный Максим Грек о свободе воли («самовластии человеческом») // Концепции человеческой личности в богословии и религиозном сознании Нового и Новейшего времени. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2008. С. 75–88.

Бубнов Н.Ю. Сочинения писателей старообрядцев первой половины XVIII века / сост. Н.Ю. Бубнов. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001. 448 с.

Юхименко Е.М. Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература: в 2 т. М.: Языки славянской культуры. 2002. Т. I. 544 с.

Юхименко Е.М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежития: в 2 т. М.: Языки славянских культур, 2008. Т. I. 688 с.

REFERENCES

Barsov E.V. (1867). Alexey Rodionov – a student of Semyon Denisov. *Trudy Kievskoy Dухovnoy akademii*. Vol. 1, pp. 48–81. (In Russ.)

Markelov G.V. (2008). Vygoretsky official: texts and research. Vol. 2. Saint Petersburg, Dmitriy Bulanin, 556 p. (In Russ.)

Gur'yanova N.S., Crummey R.O. (1994). The historical scheme in writings of Vyg Literary School. *Staroobryadchestvo v Rossii (XVII–XVIII vv.)*. Moscow, Arkheograficheskiy Tsentr, pp. 120–138. (In Russ.)

Druzhinin V.G. (1912). Writings of Russian Old Believers. Lists compiled on the base of printed descriptions of manuscript collections. Saint Petersburg, Tip M.A. Aleksandrova, 478 p. (In Russ.)

Zhurova L.I. (2020). Anti-astrological discourse of Maxim Grek and questions of forming the author's "writer's code". *Kritika i semiotika*. No. 1, pp. 236–248. (In Russ.)

Panich T.V. (2006). The grammar knowledge theme in "The Spiritual Answer" by Afanasy Kholmogorsky. *Vestnik NGU. Seriya: istoriya, filologiya*. Vol. 5, no. 2, pp. 3–8. (In Russ.)

(1911). Pomor Answers. Printed from the original. Moscow, Knigoizdatelstvo Moskovskogo staroobryadcheskogo bratstva, 603 p. (In Russ.)

Ponyrko N.V. (1987). The problem of "cultural stability" in a case of an episode from the Vyg Pomor community history. *Issledovaniya po drevney i novoy literature*. Leningrad, Nauka, pp. 297–303. (In Russ.)

Popov A. (1872). Description of manuscripts and the book catalog of the church print of A.I. Khludov's library. Moscow, Sinodalnaya tip, 718 p. (In Russ.)

Maxim Grek. (2014). Saint Maximus the Greek. Works. Moscow, Rukopisnyye pamyatniki Drevney Rusi, vol. 2, 432 p. (In Russ.)

Irodionov A. (1885–1892). Archpriest Alexiy Irodionov essays on the Schism: in 3 iss. Moscow, N. Subbotin (In Russ.)

Sinitsyna N.V. (2008). Saint Maximus the Greek about the free will ("human autocracy"). *Kontseptsii chelovecheskoy lichnosti v bogoslovii i religioznom soznanii Novogo i Noveyshego vremeni*. Moscow, Institute of World History of RAS, pp. 75–88. (In Russ.)

Bubnov N.Yu. (2001). Works of Old Believers' writers of the first half of the XVIII century. Saint Petersburg, Peterburgskoye Vostokovedeniye, 448 p. (In Russ.)

Yukhimenko E.M. (2002). Vyg Old Believers' community: spiritual life and literature. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury, vol. 1, 544 p. (In Russ.)

Yukhimenko E.M. (2008). Literary heritage of Vyg Old Believers' community. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury, vol. 1, 688 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 05.04.2022

Дата рецензирования 07.05.2022

Статья принята к публикации 25.06.2022

DOI: 10.15372/HSS20220305
УДК 801.8(470)“1749/1779”

Т.Н. ГАЛАШЕВА

**«В НАМЕРЕННЫЙ СВОЙ ПУТЬ»:
ЗАПИСНАЯ КНИЖКА ТУРИНСКОГО КУПЦА А.И. КОНОВАЛОВА
(1749–1770-е гг.)**

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
РФ, 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4

В статье публикуется записная книжка туринаского купца А. И. Коновалова из собрания Древлехранилища им. В.И. Малышева ИРЛИ РАН (оп. 23, № 15). Рукопись датируется серединой XVIII в. и представляет собой не только источник по истории сибирской торговли, но и один из наиболее ранних образцов эго-документов, связанных с купеческим сословием. Записная книжка дает представление о товарообмене на русско-китайской границе в Кяхте и в некоторой степени позволяет восстановить портрет автора записей, увидеть круг его интересов, судить о его образованности. Вторую часть рукописи занимает словарь иностранных слов, выписанных из различных изданий XVIII в.

Во вступительной статье к публикации восстанавливается хронологическая последовательность записей, дается комментарий к ним и делаются предположения о том, зачем их автору приходилось прибегать к латинской транслитерации. Историческим контекстом для понимания рукописи служат сочинения историков и путешественников XVIII в.: Г.Ф. Миллера, Л. Ланга, П.С. Палласа, А.Н. Радищева.

Ключевые слова: записная книжка, сибирское купечество, русско-китайская торговля, пунина, тайнопись, Туринск, Кяхта, эго-документ.

T.N. GALASHEVA

**«TO MY INTENTIONAL WAY»:
THE NOTEBOOK OF ANDREY KONOVALOV, THE MERCHANT OF TURINSK
(1749–1770s)**

Institute of Russian Literature (The Pushkin House) RAS,
4, Makarova Emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The article introduces a new ego-document – a notebook of the merchant Andrey Konovalov from Turinsk. The notes date back to the mid XVIII century and record mainly the dates of the merchant's movement along the rivers of Siberia to buy and sell goods. The way laid through Tyumen, Tobolsk, Samorov Yam, Surgut, Narym, Yeniseisk and other cities, but the trip's ultimate goal was Kyakhta - the Russian-Chinese trade center. The private fur trade was forbidden that time by the state, which sent its caravans to China. Obviously, Andrey Konovalov participated in smuggling furs, so some notes were made with cryptography – transliterated in Latin. Andrey Konovalov's notebook is one of the earliest ego-documents related to the Siberian merchant class. The records reflect the difficulties of the river route, Baikal storms. There was Chinese fabrics' trade besides furs. In addition to business records, the book contains several family dates, a list of purchases for oneself (including icons), and a rewritten news on the discovery of Dimitri of Rostov's relics. The document is preserved as a manuscript in the collection of Vladimir Malyshev Archive of Ancient Relics at the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences. The second part of the manuscript is a dictionary of foreign words appeared in the Russian language and drawn from various books of the XVIII century. As a whole, the manuscript demonstrates its owner as an educated person. The publication of Turinsk Merchant's notebook is preceded by an introductory article, restoring the chronological sequence of the entries with relevant comments. The historical context for understanding the manuscript is provided by the writings of historians and travelers of the XVIII century: Gerard Friedrich Miller, Peter Simon Pallas, Alexander Radishchev; as well as works of modern historians.

Статья выполнена при поддержке научного проекта «История письма европейской цивилизации».

Галашева Татьяна Николаевна – младший научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, e-mail: ta.ni.ma@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9516-8513>

Tatiana N. Galasheva – Junior Researcher, Institute of Russian Literature (The Pushkin House), Russian Academy of Sciences.

The notebook gives an idea of the goods exchange at the Russian-Chinese border in Kyakhta, allows to restore the portrait of the notes' author to some extent, to see the circle of his interests.

Key words: notebook, Siberian merchants, Russian-Chinese trade, furs, cryptography, Turinsk, Kyakhta, ego-document.

ВВЕДЕНИЕ

В Древлехранилище Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН хранится уникальная рукопись, связанная с историей сибирского купечества XVIII в. и ранним этапом русско-китайской торговли в Кяхте, – записная книжка туринаского купца Андрея Ивановича Коновалова. Датированные записи указывают на период ведения книжки с 1749 по 1770 г. Записей в книжке немного, но их содержание и некоторые особенности позволяют рассматривать рукопись не только как исторический источник, но и как один из ранних образцов документов личного происхождения.

Понятие купеческой «записной книги» достаточно широко. Известны записные книги новгородских купцов Кошкиных конца XVII – начала XVIII в., содержащие помимо описания торговых дел русско-шведский разговорник [Бахрушин, 1954]. Опубликована «Записная книга» И.А. Шергина той же эпохи, включающая письма приказчика соляного промысла различным адресатам и приходно-расходные записи [Тимошина, 2001]. Готовятся к публикации «Записки разных годов» П.И. Пороховщикова, содержащие погодные записи 1753–1803 гг. [Поляков, Смирнова, 2021]. Книга А.И. Коновалова также отличается своеобразием. В ее основе лежит «ходовой журнал» – краткая запись торговых плаваний по рекам Сибири для скупки и продажи пушнины (из близких по типу источников можно назвать хранящийся в ИРЛИ «ходовой журнал» крестьянина-помора Вадаева с записями о плавании в Северную Норвегию [Алимова, 1976]). Очевидно, А.И. Коновалов, будучи молодым человеком, начал вести записи для фиксации сохранения опыта, отслеживания длительность переходов. Однако со временем необходимость в тщательной фиксации пути пропала (сохранились полные записи за 1749–1751 гг., отдельные – за 1753, 1755–1757 гг., 1770 гг.). В книжке имеются перечни скупленных товаров, расписки, памятки и поручения. Прагматическая функция таких записей отражена в выражении «припамятовать купить» (л. 2 об., здесь и далее ссылки на рукопись даются в тексте в круглых скобках).

Как показывает М.А. Смирнова, купеческие приходно-расходные книги могли содержать ранние образцы произведений автобиографического жанра [2020]. В рукописи А.И. Коновалова также появляется несколько скупых автобиографических записей: о собственной свадьбе в 1751 г. и о смерти брата в 1753 г.

Записная книжка А. И. Коновалова находится в одном ряду с другими сибирскими источниками личного происхождения: хозяйственной документацией красноярских купцов Ларионовых конца XVIII – начала XIX в., письмами иркутского купца Т.М. Баснина детям конца XVIII в. [Комлева, 2016, 2017]. Тематически близким к исследуемому материалу оказывается комплекс документов, касающийся торговой деятельности Г.Р. Никитина в Сибири и в Китае в 1680-х гг. [Бахрушин, 1955]. В обзоре источников личного происхождения по истории сибирского купечества, предложенном Е.В. Комлевой [2015], не встречаются источники ранее конца XVIII в., как и в более раннем обзоре Н.В. Козловой [1999, с. 41]. Таким образом, рукопись А.И. Коновалова, датируемая серединой XVIII в., является одним из наиболее ранних «человеческих документов», связанных с сибирским купечеством.

ОПИСАНИЕ РУКОПИСИ

ИРЛИ, оп. 23, № 15. Сборная рукопись, XVIII в. (сер.), 8°, 58 л., скоропись двух (?) почерков. *Содержание:* 1) записная книжка А.И. Коновалова (Туринаск), 1749–1770 гг. (л. 1–15); 2) словарь иностранных слов (л. 16–57 об.). Л. 6 об., 13 об., 15 об. – без текста. *Филиграни:* 1) «Vyheyt», вид: *Черчилль*, № 82–86, *Есипова* [2005, с. 41, 95], № 126 – 1740–1757 (л. 10–15); 2) герб г. Амстердама, литеры IT и «белая» дата «17..7», вид: *Есипова*, № 93 – 1746 и 1751 гг. (л. 1–9); 3) герб г. Амстердама, вид: *Черчилль*, № 50 – 1729 г. (л. 16–57). *Переплет:* картон в тисненой коже, в сумку, корешок утрачен. Рукопись упоминается в составе фондов Древлехранилища В. И. Малышевым [1965, с. 152].

Вторая часть рукописи заполнена аккуратной скорописью XVIII в. и представляет собой словарь иностранных слов, выписанных из различных книг, иногда с пространством толкованием. Листы разделены на два столбца: «иностранные» и «примѣчания» (л. 16–57 об., начальные листы, а также некоторые листы внутри словаря утрачены). Перечислим все приведенные в словаре заголовки книг: «Из книги Гистории европейския», «Из книги Разсуждения о причинах войнъ», «Из книги Погребения императорского», «Из книги Регламента морского», «Из книги Практики артиллерии», «Из книги Морского устава», «Из книги Генеральной географии», «Из книги Полидора», «Из старья и новья географии», «Из книги Коронации императорской», «Из книги Крѣпостнаго строения», «Из книги Алоффегматы», «Из книги

Историографии», «Из книги Ландовской о мирѣ заключение», «Из книги Военного состояния Оттоманския империи съ ея приращениемъ и упадкомъ», «Из книги Архитектуры», «Из военного артикулу», «Из книги Феатры», «Из регламента адмиралтейскаго», «Из книги Самуила Пуффендорфа», «Из книги Огородка», «Из книги машинной», «Из книги Гистории цесарской», «Из Генералного регламенту», «Из книги Разговоровъ о множествѣ мировъ», «Из книги Оды торжественныя о здачѣ города Гданска», «Из книги Квинтакурций», «Из книги Артиллерии», «Из книги Видѣния королевского», «Из регламента духовнаго», «Из книги Правды воли монаршей».

Словарь заслуживает отдельного исследования. Оригинал или источник его обнаружить пока не удалось, – очевидно, его составитель, выписывавший толкования из книг, обладал большой библиотекой. Отметим также, что некоторые книжные источники, упомянутые в словаре, совпадают со светскими книгами из библиотек высшего слоя московского купечества: «Устав морской», «География генеральная», «Полидора» Вергилия Урбинского, «Книга о должности человека и гражданина» Пуффендорфа и др. [Бакланова, 1958, с. 646–647]. Установить тождество почерка в записной книге и словаре пока не представляется возможным, хотя отдельные начертания совпадают. В любом случае, соединение под одним переплетом личной записной книжки и словаря новых, недавно вошедших в употребление слов вызывает большой интерес.

М.В. Кужлев, подготовивший кодикологическое описание рукописи, обратил внимание на то, что в ее первой и второй частях различаются не только филигранные, но и шитье тетрадей¹. Характер загрязнений листов записной книжки и утрата первой тетради словаря также как будто говорят о различном бытовании этих текстов до их объединения в кожаный переплет портфелем. Кроме того, в обеих частях рукописи соблюдается единообразие в оформлении: листы украшены двойной чернильной рамкой, – в записной книжке она появилась, очевидно, под влиянием оформления словаря. В таком случае словарь находился в библиотеке Андрея Ивановича до начала оформления записной книги. Наличие словаря в рукописи свидетельствует об интересе ее владельца к новым явлениям в языке и его готовности к самообразованию. Словарю предшествует владельческая запись: «Из числа книгъ Петра Кановалова № 16» (л. 15 об.), вероятно, сделанная рукой сына Андрея Ивановича, ср.: «Коновалов Петр Андреевич – туринский купец 3-й гильдии нач. XIX в., городской голова» [Энциклопедический словарь..., 2012, с. 343].

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ ЗАПИСЕЙ

Исследуемая записная книжка вполне отвечает современному значению этого наименования: ей свойственны «фрагментарность <...>, возможность отсутствия лексических и грамматических связей между записями <...>, разнообразие типов заметок с точки зрения формы, содержания и функции» [Ефимова, 2012, с. 111–112]. В рукописи зафиксирована лишь малая, случайная информация о торговой деятельности и событиях из жизни А.И. Коновалова. Кроме того, как отметил в описании рукописи М.В. Кужлев, некоторые листы записной книжки были вырезаны.

На л. 1 в концентрических кругах размещен экслибрис Андрея Ивановича, в котором назван 1749 год (вероятно, год начала ведения записной книжки) и город – Туринск. Ко времени оформления экслибриса относится и первое записанное путешествие А.И. Коновалова: «749 Году одбыли из двора в намереный свой путь мая 2 дня. В Тобольск привалили мая 12 дня. А ис Тобольска отвалили мая 26 дня». Далее путь следовал через Саморов Ям, Сургут, Нарым, Маковск, Енисейск и обратно (л. 10–10 об., первые десять листов рукописи были заполнены позднее). По свидетельству Г.Ф. Миллера, «число судов, ежегодно из Тобольска в Енисейск отправляющихся или назад оттуда приходящих, обыкновенно бывает от 20 до 25 судов, которых называют дощениками <...> полной их груз бывает до 2000 пуд и больше» [Миллер, 1755, с. 226–227]. Как отмечает В.Н. Разгон, «значение одной из важнейших сфер коммерции пушная торговля сохраняет для западносибирских купцов на всем протяжении XVIII столетия», «западносибирские торговцы <...> вели активную скупку пушнины не только в Березове, Сургуте, Обдорске, Пельме, Нарыме, но и в промысловых местах восточносибирского региона» [Разгон, 1999, с. 360, 359].

За первым журналом сразу же начинался следующий: «1750 году февраля 7 дня одбыли в намереный свой путь из двора» (л. 11). На этот раз упоминаются Тобольск, Тара, Томск, Енисейск, Мангазея, затем снова Енисейск, Иркутск. Как отмечал Г.Ф. Миллер, «понеже производимое купечество с китайским государством в тамошних странах почитается за главнейшее дело, то купцы, когда они с своими судами осенью и Енисейска приходят, недолго в Иркутске мешкают, но тем же водяным путем отъезжают чрез так называемое море или озеро Байкал» [Миллер, 1755, с. 232]. А.И. Коновалов действительно, едва прибыв в Иркутск, направился на границу с Китаем, в Кяхту, но этому препятствует шторм на Байкале: «В Ыркутскъ отбыль горою телегами августа 11 дня. Прибыль сентября 15 дня. Отбыль на Тяхту

¹ Шитье тетрадей через 4 отверстия; шитье тетрадей через 6 отверстий крест-накрест.

18 дня сентября. Носило и било на святом море сентября 22 и 23 дня ровно двои сутки» (л. 11 об.). Обратный путь не зафиксирован. К 1750 г. относится и отправка писем отцу в Туринск, вероятно, содержащих результаты поездок за товаром: 15 марта было послано письмо из Енисейска, 17 сентября – из Иркутска (л. 9).

Итак, конечным пунктом назначения для А.И. Коновалова была Кяхта – центр русско-китайской торговли [Паллас, 1788, с. 148–216]. Вероятно, именно с этим связана одна из особенностей рассматриваемой записной книжки: со следующего 1751 г. записи «ходового журнала» транслитерируются латиницей. Традиционный зачин в этом году выглядит иначе: «Odbel v namerenei svoi put is dvora aprilia 28 dnia» (л. 12). Путь в 1751 г. лежал через Тюмень, Тобольск, Саморов Ям, Сургут, Нарым, Енисейск. Вероятно, в том же году ответственность Андрея Ивановича возросла. В начале книжки сохранилась расписка о перевозимом в том году товаре и деньгах на общую сумму в 3321 руб. 46 коп.: «Sego 1751 godu aprilia 28 dnia pohtlo wsei kladi wesom 386 pud / a riada is Turinska do Makovska po 24 s puda» (л. 2).

Однако последняя запись за 1751 г. (очевидно, снова о шторме на Байкале после возвращения из Кяхты) сделана уже кириллицей: «октября 27 дня сего 1751 году разбило нас в том море» (л. 12 об.).

О содержании клади А.И. Коновалова сообщают списки в транслитерации латиницей, с указанием количества и цен, вероятно, относящиеся также к 1751 г. (л. 3–4, 5). По замечанию А.Н. Радищева, сделанному уже в конце XVIII в., по-прежнему «основание всего торгова с китайцами есть мягкая рухлядь разного именованія» [Радищев, 1941, с. 9]. В списке А.И. Коновалова перечисляются лисицы, лисьи лапы², бобры, кошколки³, белки, росомахи, выдры, соболи, собольи лапы, «соболи с хвостами», «соболишки», «горносталя», подчеревки⁴.

Весьма неожиданно, что и личные сведения о собственном заключенном за 10 дней до отплытия браке и именинах жены Ирины Андрей Иванович записывает в транслитерации: «Sego 1751 godu aprilia 15 dnia vosymel brak vo vsiakom blagopoludzii i dzil govno 10 dnei v dome kogda ženilsa» (л. 13). Возможно, в этой записи отразился этап обучения новому способу письма. Семейная память оказывается неразрывно связана с деловыми заметками. В той же системе записан вопрос «сколько тебе лет?» («3to tebia

let», л. 1 об.), зафиксирована информация о деньгах некоего Семутина («Gospodin Semutin poslal deneg 4 ru na rokurku», л. 2). При использовании латиницы А.И. Коновалов допускал некоторую вариативность: сочетанием «ht» передавались буквы «ш», «ц», сочетанием «dz» – буквы «ч», «ж», латинским «g» или «z» – «х». Буква «л» записывалась как греческая «λ»; кириллические «ы», «э», «ю», иногда «ж», «ру<бли>», «ко<пейки>» оставались без изменений.

Уже в ранних записях А.И. Коновалова появлялись латинизированные начертания букв, очевидно, нравившиеся ему своей необычностью, возможностью «щегольнуть знанием латинского алфавита» [Сперанский, 1929, с. 72]. Не была ли транслитерация, появившаяся в книжке одновременно с достижением китайской границы, не только щегольством, но и своего рода тайнописью? По мнению М.Н. Сперанского, латинский шрифт мог применяться в качестве тайнописи «разве только в среде очень низкой по грамотности» [Там же, с. 72]. Очевидно, А.И. Коновалов был хорошо образован: «употребление латинской азбуки в качестве тайнописи падает на время сравнительно позднее», встречается «чаще в XVIII в. именно на книгах либо школьных, либо писанных или принадлежавших бывшим школьникам или преподавателям» [Там же, с. 70].

Словарь, составляющий вторую часть рукописи, также свидетельствует об образованности его владельца. Н.В. Козлова среди знаний и качеств, составляющих образ «совершенного купца» в XVIII в., упоминает и «купеческую тайнопись» [1996, с. 46].

Товар Андрея Ивановича, судя по всему, попадал под понятие контрабандного: пушнина являлась предметом государственной караванной торговли с Китаем [Березницкий, 2017] и была запрещена к продаже частными лицами [Силин, 1947, с. 40–41]. Однако последние находили способ к сбыту товара, «против запрещения торговать рухлядью, употребив тайный провоз» [Трусевич, 1882, с. 150]. Как пишет Л.А. Глацкова, «в незаконной торговле нередко участвовали представители пограничной стражи и таможенные служители. Так, в 1749 г. большому денежному штрафу подверглись купцы и их пособники – кяхтинский таможенный бургомистр Поникаровский и ларечный Сибиряков» [Глацкова, 2011, с. 103, 104]. Кроме того, запрещалось скупать пушнину в ясачных волостях. Однако, по замечанию В.Н. Разгона, «источники содержат множество свидетельств того, что купцы в массовом порядке нарушали правительственные постановления, касающиеся запрещения торговли “заповедной” мягкой рухлядью, въезда в инородческие стойбища и кочевья и пр.» [1999, с. 365].

Записи А. И. Коновалова представляют особый научный интерес, поскольку отражают период реформирования в сибирской торговле: в 1762 г. Комиссией

² Лисьи лапы – товар, «который пользовался спросом в Китае, где их применяли в традиционной медицине» [Ермолаев, 2011, с. 66].

³ «Кошлák и кошлóк <...> молодой бобр, не достигший надлежащей величины» [Словарь русского языка XVIII в., с. 216].

⁴ «Подчеревок – брюшная часть шкурки животного (обычно пушного зверя)» [Майоров, 2011, с. 344].

о коммерции «была легализована вольная продажа российскими людьми на границе с Китаем “мягкой рухляди” <...> в целях пресечения контрабанды, умалявшей таможенные поступления»; еще ранее были отменены внутренние таможи, в том числе Верхотурская таможня, «разделявшая собственно Россию и Сибирь», что знаменовало включение «сибирского рынка во всероссийский» [Козлова, 1999, с. 212; Мишакова, 2011].

Известно, что добраться до Кяхты было не просто. Приведем для сравнения водный путь, в подробностях восстановленный Е. П. Силиным: «Товары, выменянные в Кяхте, обыкновенно отвозились на телегах до Петропавловской крепости по Селенге. Далее по этой реке их отправляли на плоскодонных судах до Посольского монастыря на Байкале, отсюда Байкалом в Ангару и по ней в Иркутск <...> По прибытии в Енисейск товары выгружались и на телегах или санях отправлялись до Маковской пристани, находящейся на реке Кеть, впадающей в Обь. Здесь товары опять нагружались на суда, которые шли по Кети и Оби до Иртыша, потом вверх по Иртышу до Тобольска <...> Из Тобольска товары шли по рекам Тоболу, Туре до Туринска, а оттуда – на ирбитскую ярмарку». Трудности, которыми был полон этот путь, «заставили купцов постепенно перейти на сухопутную перевозку кладей <...> Особенно тяжело было переваливать ангарские пороги» [Силин, 1947, с. 176–177].

Об этом свидетельствует и следующая по хронологии запись Андрея Ивановича, в которой он сообщает о смерти брата и его погребении в Спасском монастыре в Енисейске. Это единственная поминальная запись в книжке: «1753 году июлю 15 дня плывь из Иркутска преставился брат Борисъ Ивановичъ спустивши Стрелошной порогъ близъ Енисейска» (л. 8 об.). О передвижениях самого А.И. Коновалова в этом году сохранилось лишь две отрывочных записи: «1753 году месеца июню 6 числа» (л. 13, строка ниже густо зачеркнута, по положению этой записи на листе с сообщением о свадьбе можно предположить, что в ней говорилось о рождении ребенка, впоследствии умершего), «сего 1753 году августа 10 дня отвалили из Верхной деревни» (л. 14 об.).

В 1755 г. журнал также не велся, сделана лишь пометка о прибытии «в Тяхтинской фарпост 1755 году марта 19 дня» (л. 2 об.). К следующему 1756 г. относится запись о векселе от 10 марта на 770 руб., по которому «повинен я саплатить Верхотурской таможни господину Петру Стефанову Корытову» (л. 14 об.). Тут же размещена единственная запись за следующий год «в Енисейск прибыль 8 ч 1757 году февраля» (л. 15). Последний «ходовой журнал» относится к 1770 г.: «Прибыли в Тоболскъ тако ж і в лавку выбра-

лись 1770 года маия 18 дня. Отвалили іс Тоболска на Об реку іуния 24 дня. Прибыли в Березово месеца іюля 26 число. Отбыли із Березова в намереный свой путь августа 15 дня» (л. 4 об.). Именно такой тип торговой поездки описан Г.Ф. Миллером: «город Березов вниз по реке Оби в 416 верстах от Самаровскаго яму есть получше и побогачее других. Тобольские купцы ежегодно весною водяным путем туда отправляются и в летнее время с Березовскими жителями, а особливо с остяками и вогуличами торгуют, а осенью назад в Тобольск возвращаются» [1755, с. 221].

НЕДАТИРОВАННЫЕ ЗАПИСИ

Другие записи в книжке не имеют дат, но добавляют некоторые черты к образу Андрея Ивановича и дают представление о привозимых им китайских товарах. Обращают на себя внимание подсчеты в столбик (л. 1 об.), записи издержек (л. 15, «дершь»⁵). В книжке встречаются сведения о продаже рыбы (л. 9), а также готового платья – бараньей шубы (л. 1 об.) и зипунов: «да петнатцать зипуновъ цветныхъ по 4 ру зипунъ» (л. 8 об.), «обше с попомъ с Яковомъ взяли 15 зипуновъ Федоръ Василевъ сынъ Тверитиновъ по 4 ру итого 60 ру» (л. 9 об.). Исследователи делают вывод о том, что «обеспеченные русские жители Обского Севера в условиях интенсивного северного товарооборота приобретали преимущественно готовое платье и обувь» [Евсеев, Макашева, 2019, с. 66]. Поп Яков упоминается и в другой записи как заказчик табокерки: «На попе Якове за дабокерку 80 к одано» (л. 8 об.). На границе с Китаем «выменивалось еще множество мелких предметов <...> фонари, трости, шкатулки...» [Силин, 1947, с. 153]. В записной книжке среди прочего появляются трости («костыли»), чашка, чайник: «припаметовать купить на Тяхте 3 костыля хороших да онну чяшечку» (л. 2 об.). Ошибки письма в этой и следующей строке, возможно, говорят о том, что это была запись устной просьбы о покупках для дома.

Особенно содержателен список «Куплено про себя» (л. 5 об.), который характеризует А.И. Коновалова: сапоги, зипун, «поесокъ целковой», чайник, «двои чюлки вязаны», серебряный перстень, крест и две запонки. Запись об этих покупках имела большое значение: тот же зипун за 1 р. 60 коп. упомянут на л. 2 об., те же сапоги и шелковый поясок – на л. 2. Запись, вероятно, относилась к 1755 г.

Сообщается о переправке с суздальским купцом Федором Гавриловым «домой», «к батюшке» выменянных китайских тканей: шелка («9 голей троего-

⁵ «Держ – издержка, расход, трата» [Словарь русских народных говоров, 1972, с. 18]

ловыхъ»⁶), даб белых и китайки (л. 14). А.Н. Радишев в конспекте своего «Письма о китайском торге» (1792 г.) перечисляет выгоды от возвращения китайских товаров, к которым в Сибири успели привыкнуть: «10-е) Китайские шелковые ткани дадут прочной и щеголеватой наряд Сибирскому народу <...> 12-е) китайки дадут прочную и дешевую одежду многим в России состояниям; 13-е) Сибирский народ будет паки носить любимые им дабы на рубахах», «даба, т. е. ткань синего цвета, столь дешевая раньше» [Финкельштейн, 1941, с. 363, 364]. Несколько иначе звучит свидетельство И.Г. Гмелина: «китайцы также продают дабу, разновидность хлопчатобумажной белой ткани» [Дамбуев, 2018, с. 91].

Запись об отправке тканей сделана до 1753 г., когда погиб брат Борис, поскольку упоминается «Борисов товар», с которым А.И. Коновалов посылает к отцу «свою китайку» (л. 14). Возможно, именно отец Андрея Ивановича участвовал в строительстве каменного Крестовоздвиженского храма в Туринске: «в 1752 г. туринский купец Иван Коновалов инициировал сбор денег в Иркутской епархии» [Виссарион (Кукушкин), 2017, с. 20].

Наконец, примечателен список походных икон-складней, письмо которых было заказано некоему Бушкову: «Складни оданы писать Бушкову // Троица святая // Успение Богоматери со опостолы // Николая чудотворца // апостола Ионна Богослова // Михаила архангела // Андрея Стратилата // Ирины мученицы» (л. 6). Семейная икона, очевидно, была заказана после совершения брака в 1751 г.: угадываются имена самого Андрея Ивановича, его отца и жены Ирины. В 1859 г. Г.А. Варлаков писал: «Туринск славился в XVIII ст. и ныне славится в Сибири живописцами и резчиками <...> Туринские живописцы и резчики много украсили церквей в Западной Сибири <...> Они пишут также на продажу иконы, росписывают картинами железныя шкатулки и сундуки и все это отправляют на ярмарки <...> Туринск – это сибирская академия художеств» [Варлаков, 2012, с. 14].

Из общего ряда деловых и личных записей выделяется лишь одна, отделенная чистым листом от других: «Доношение в правительствующи Синод» об обретении мощей Димитрия Ростовского («Димитрия митрополита Ростовскаго мощи найдены в Ростове в Яковлевскомъ монастыре сего 1752 году...», л. 7–8). По замечанию М.А. Федотовой, «акты, относящиеся к обретению и открытию мощей святого Димитрия <...> очень часто встречаются в рукописной традиции: рукописи, в состав которых наряду с Житием святого или чудесами от его мощей входят ука-

зы Синода или донесения митрополита Арсения, – одни из самых распространенных в рукописной традиции, связанной с канонизацией святого Димитрия Ростовского» [2009, с. 153]. Записная книжка не связана с этой рукописной традицией, и «доношение» об обретении мощей свят. Димитрия выглядит инородным среди сугубо деловых записей. Очевидно, новизна об этом редком современном событии показала А.И. Коновалову столь важной, что была переписана в личную записную книжку.

При публикации орфография и пунктуация источника по возможности сохранены (однако слитное написание предлогов заменяется отдельным, имена и названия пишутся с прописных букв), зачеркнутые записи заключаются в квадратные скобки. Записи, не поддающиеся прочтению, помечаются <нрзб.>, конъектуры заключаются в угловые скобки. Сокращения «ру<бль>», «к<опейка>», «ко<пейка>» не поясняются. Прочтения, вызывающие сомнения, помечаются знаком вопроса. Записи публикуются в порядке их следования на листе.

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА А. И. КОНОВАЛОВА

л. 1

Сия К<нига>

Города Туринска Книга Андрея Иванова Сына Коновалова
1749 Года

л. 1 об.

1256

7645

4321

13222

[Куплено про себя заплат<ил> да<изла(?)>10 ко]

[Петру Осиповичь отдано сто горностагаей да шуба
[отд<ана>] <м>ялница бараня цены 22 ру]

⁶ Любопытные сведения об этом названии приводит Л. Ланг [1776, с. 46]: «камку, называемую от россиян Голь, а от китайцов Коули-Тоанза, сиречь Корейская Камка».

3to tebia let
3to tebia let
S

л. 2

Sego 1751 godu aprilia 28 dnia pohtlo wsei kladi wesom 386 pud / a riada is Turinska do Makovska po 24 s puda Tovarū i deneg pohtlo so mnoi na tri tysiadzi na trista na dvatvet na odin rubl / na sorok na htest kapezk

стоить стои<т>

в томъ

[Gospodin Semutin poslal deneg 4 ru na pokupku]

стоить

[Ку<плено> сапоги девяносто коп<еек>ъ да поесокъ щ<елко>вой дватцетъ ко <пеек>]⁷

л. 2 об.

[припаметовать купить на Тяхте 3 костыля хороших да онну чяшечку сымыхъ (sic) хороших в в (sic) домъ (?)]
[прибыль в Тягинской фарпость 1755 году марта 19 дня] еще куплень зипунъ дано денегъ 1 ру 60 ко

л. 3

[odna lisihta дано – 1 ру <2>0 к
2 lisihtы дано – того – 2 ру 50 к
3 bobra дано – 4 ру 30 к
2 potdzerevka – 80 к
1 rosamaga дано – 2 ру
7 par lisig lap дано – 2 ру
300 belok dzistyг – 15 ру
3 bobra дано – 3 ру 70 к
1 kohtlok – 70 к
5 potdzerevkov – 2 ру 50 к]

л. 3 об.

32 sobolia дано – 54 ру
6 bobrovъ дано 7 ру [6] ру [40] 80 к
1 lisihta – 1 ру 30 к
3 sobolihtka – 2 ру 25 к
1 kohtlok – 50 к
17 lisiht – 26 ру
2 lisihtы – 3 ру 20 к
13 potdzerevkovъ – 5 ру 20 к
1 бобръ (sic) – 1 ру 40 к
3 potdzerevka – 1 ру 50 к
1 vydra дано – 1 ру 50 к

л. 4

1 bobr дано – 80 к
545 gornostalei
4 paгы lisig lap 40
ehte 18 gornostale
ehte 48 gornostalei
ehte 22 gornostalia
3 bobra deneg дано 6 ру 60 к
6 bobrov – 10 ру 50 к

еще 3 bobra – 4 ру
стоить

л. 4 об.

Прибыли в Тоболскъ тако ж і в лавку выбрались 1770 года мая 18 дня
Отвалили іс Тоболска на Об реку іуня 24 дня
Прибыли в Березово месеца іюля 26 число
Отбыли із Березова в намеренный свой путь августа 15 дня

л. 5

wsez bobrov dzislom [24] 25
4 kohtloka
20 potdzerevkov сто<ит>
32 sobolia deneg дано 54 ру
3 sobolihtka deneg дано 2 ру 35 к
11 par lizis lap – 2 ру 20 к
633 gornotalia
11450 belok dzistyг
32 sobolia с хвостами
8 пар лисьихъ лапъ
8 пар sobolihъ

л. 5 об.

Куплено про себя
Сапоги дано 90 ко
Зипунъ дано денегъ 1 ру 60
Поесокъ целковой 20 ко
Чаиникъ дано денегъ 90 ко
Двои чюлки вязаны 36 ко
Перстень серебряной 60 ко
Крестъ две запонки 35 ко

л. 6

[Складни оданы писать Бушкову
Троица святая
Успение Богоматери со опостолы
Николая чудотворца
апостола Ионна Богослова
Михаила архангела
Андрея стратилата
Ирины мучиницы]

л. 6 об.

Без текста

л. 7

Димитрея митрополита Ростовскаго моши найдены
В Ростове въ Яковлевскомъ монастыре сего 1752 году в сентябре месяце в церкви которой погребень былъ въ 709-м году в октябре месяце во оной церкви под поломъ при котом найденъ явилса онъ преосвешенный невредимъ токмо очи вглубились внутрь: у носа нетъ хряшу да верхней губы а шеки лобъ нижняя губа и зубы в целості токмо тело очянь присохло руки целы толко левая рука по локте оделилась да два перста отшибены от струба в котомъ онъ погребень перекладомъ однако оныя персты хотя и отшибены толко нашлись туд же ноги целы и на нихъ башмаки коженяя целы жъ (sic) что на немъ преосвешеномъ поручни и протчез все в целості

⁷ Фрагмент листа утрачен.

л. 7 об.

то на главе ж у шапки которая обложена была горноста-
ломъ весь горносталя истлелъ а шапка присохла к телу
Евангелие которое было положено у него преосвяшеннаго на
персех цело и светло во оном листы все ист[р]лели да одно-
го евангелиста нетъ которое Эвангалие бывають сребрены
или медны да трудовъ эго преосвяшеннаго писма[,] которые
лежали у него под головой все истлели жъ крестъ на шнур-
ку которой надеть на шею ево цель и сфетель и снурокъ
какъ новой гробъ в головахъ и в ногахъ обвалился а в гробе
обито отласомъ которой весь цель светель и крепокъ а
крышка погнила и притом перешибена острубовымъ пере-
кладом а нижняя доска у гроба пот которой на земле ничего
не было токмо

л. 8

одна земля грязь вся цела и не згнила и по найдени оные
моши и старымъ гробомъ в новой гробъ и поставлены жъ
в той церкви у праваго крылеса и заперты замкомъ и запеч-
чатаны святишимъ ростовскимъ митрополитомъ а ключъ
од гроба одан на сохранени эконому /
доношение в правительствующи синодъ /
получено октября :17: дня 1752 году

л. 8 об.

1753 году июля 15 дня плывъ из Иркутска преставился
брат Борисъ Ивановичъ спустивши Стрелошной порогъ
близъ Енисейска и погребенъ в Спаскомъ монастыре в Ени-
сейску /
[На попе Якове за дабокерку 80 к одано]
[да петнацать зипуновъ цветныхъ по 4 ру зипунъ]

л. 9

1750 году послано письмо к родителю марта 15 дня из
Енисейска
еще сего жъ 1750 году сентября 17 дня из Иркутска
на Василе Васильеве сыне Басилове денегъ за рыбу 11 ру
на Василье Матвееве по векселю в том же числе 5 ру

л. 9 об.

[Обше с попомъ с Яковомъ взяли 15 зипуновъ Федоръ Васи-
левъ сынъ Тверитиновъ по 4 ру итого 60 ру]

л. 10

749 году одбыли из двора в намереный свой путь мая :2:
дня: / Сто<ит>
В Тоболскъ привалили мая :12: дня: /
а ис Тобольска отвалили мая :26: дня: /
Саморова отвалили июня :1: дня
и Сургуту июня жъ :12: дня: /
из Нарыму июля :1: дня: /
в Маковску привалили августа :8: дня: /

л. 10 об.

из Енисейска возвратно августа жъ: / :23: / дня
из Маковска сентебря :1: дня: /
в Нарымъ привалили :15: дня: /
отвалили :16: дня[.]
Сургутъ проплыли :27: дня /

в Саморовъ Тмъ привалили октября :2: дня: /
отвалили того жъ месяца :5: числа /
брибыли (*sic*) в Тобольскъ октября :21: дня: /

л. 11

1750 году февраля :7: дня: одбыли в намереный свой путь
из двора
В Тоболскъ прибыль февраля :12: дня:
одбыль :15: дня:
Прибыль в Тару :20: дня:
В Томскъ прибыль марта 5 числа
а отбыль 10 дня марта жъ

л. 11 об.

прибыль в Енисейскъ марта 14 (?) дня
в Мангасей одбыль июля :1: дня: прибыль июля :28: дня в
Енисейскъ. /
в Иркутскъ одбыль горою телегами августа :11: дня при-
быль сентебря :15: дня одбыль на Тяхту :18: дня: / сентебря.
носило и било на святом море сентебря :22: и :23: дня ровно
двои сутки

л. 12

odbel v namerenei svoi put is dvora aprilia 28 dnia
v Tyumen pribyli maia 3 dzisla
odbyli togo s dzisla
sego 1751 godu
v Tobolsk pribyli maia 8 dzislo odbyli 15 [s] dzislo
v Samarov lam pribyli 20 dzislo odbyli 21 dzisla
v Surgut pribyli maia 28 dzislo
v Narym pribyli ionia :15: dzislo /
v Eniseisk pribyli iulia 23 dnia

л. 12 об.

is Eniseiska odbyli avgusta 12 dnia
октября 27 дня сего 1751 году разбило нас в том море

л. 13

Sego 1751 godu aprilia 15 dnia vosymel brak vo vsiakom
blagopoludzii i dzil rovno 10 dnei v dome kogda zenilsa
a nu drugoi den dzena Irina imeninita sego aprilia :16: dzisla
1753 году месеца июню :6: числа
[<нрзб.> до смерти <нрзб.> (?)]

л. 13 об.

без текста

л. 14

[выменено товару и домоі послано / а имяно
9 голей троеголовыхъ в нихъ цветы 5 голей красныхъ
2 жаркихъ 1 зеленой 1 желтой 2 дабы белыхъ ценою по
13 ру 50 к одинъ
итого 120 ру 50 к
за дабы 1 ру 50 к
вышеписаной товаръ суздальскимъ купцомъ с Федоромъ Гаври-
ловымъ посланъ к батюшке

послано с нимъ же Гавриловымъ в числе Борисова товару
мося китайки на – 172 ру 60 к]

л. 14 об.

[сего 1753 году августа :10: дня: отвалили из Верхней деревни

Верхотурез 1756 году марта :10: дня вексель на 770 ру рублевь

считая от сего марта :10: числа 1756 году во одинь годъ по объявлении сего векселя повинен я саплатить верхотурской таможни господину Петру Стефанову Корытову или кому онъ прикажетъ сребреню [ходячю] российской ходячю манетою денегъ семьсотъ семдесятъ рублевь векселедавецъ го<рода> Туринска псаль своеручно]

л. 15

[по сему векселю в платеже оныхъ денегъ ручяюсь отецъ ево родной Иванъ Коноваловъ а протчия ево братья в разделе до ихъ дела нету повины мы саплатить в Енисейскъ прибыль 8 ч 1757 году февраля] дершъ мая а имено 15 ко , 5 ко , 9 ко , 2 2/1 ко , 55 ко , 35 ко писавый

(ИРЛИ. Оп. 23, № 15. Л. 1–15).

БЛАГОДАРНОСТИ

Сердечно благодарю за консультацию А. Н. Левичкина

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алимова Т.А.* Два памятника письменности Древлехранилища Пушкинского Дома о русско-скандинавских связях XVIII–XIX вв. // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1976. Т. 31. С. 390–392.
- Бакланова Н.А.* О составе библиотек московских купцов во второй четверти XVIII в. // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 644–649.
- Бахрушин С.В.* Торги новгородцев Кошкиных // Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1954. Т. II: Статьи по экономической, социальной и политической истории Русского централизованного государства XV – XVII вв. С. 174–223.
- Бахрушин С.В.* Торги гостя Никитина в Сибири и Китае // Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. III: Избранные работы по истории Сибири XVI – XVII вв. Ч. 1: Вопросы русской колонизации Сибири в XVI – XVII вв. С. 226–251.
- Березницкий С.В.* Караванная торговля России с Китаем и отечественная наука XVIII века. СПб.: МАЭ РАН, 2017. 262 с.
- Варлаков Г.А.* Туринск / публ. В.И. Давыдова // Прикосновение к векам: Туринская старина: историко-родоведческий сборник. Туринск, 2012. Вып. 4. С. 4–15.
- Виссарион (Кукушкин), иеромонах.* Городские церкви и часовни Туринска во второй половине XVIII – конце XIX вв. // Вестн. Екатеринбург. духовной семинарии. 2017. Вып. 3 (19). С. 11–51.
- Глацкова Л.А.* Роль Кяхтинской таможи в торговых отношениях с Китаем и деятельность Российско-Американской компании // Русская Америка и Восточная Сибирь: Материалы регион. науч.-практ. конф. Иркутск, 2011. С. 101–121.
- Дамбуев И.А.* Кяхта в одном французском источнике XVIII века // Кяхта – национальное достояние России: материалы Междунар. конф. Улан-Удэ, 2018. С. 89–94.
- Евсеев В.Н., Макашова С.Ж.* Традиционная одежда русского старожильческого населения Обь-Иртышского Севера (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Человек и культура. 2019. № 2. С. 63–72.
- Есипова В.А.* Филигранные на бумаге сибирских документов XVII–XVIII вв. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 204 с.
- Ермолаев А.Н.* Кяхтинская торговля Российско-американской компании в 1840–1860-х годах // Русская Америка и Восточная Сибирь: материалы регион. науч.-практ. конф. Иркутск, 2011. С. 63–100.
- Ефимова С.Н.* Записная книжка писателя: стенограмма жизни. М.: Совпадение, 2012. 392 с.
- Козлова Н.В.* Некоторые черты личностного образца купца XVIII века (к вопросу о менталитете российского купечества) // Менталитет и культура предпринимателей России XVII–XIX вв.: сб. стат. М., 1996. С. 43–57.
- Козлова Н.В.* Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке (20-е – начало 60-х годов). М.: Археогр. центр, 1999. 381 с.
- Комлева Е.В.* Источники личного происхождения по истории сибирского купечества конца XVIII – первой половины XIX в.: введение в научный оборот и информационные возможности // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: История. 2015. Т. 12. С. 94–103.
- Комлева Е.В.* Хозяйственная документация сибирских купцов в конце XVIII – первой половине XIX в. // Сибирские исторические исследования. 2016. № 2. С. 41–57.
- Комлева Е.В.* Письма Тимофея Максимовича Баснина детям (1797 г.) // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: История. 2017. Т. 22. С. 140–150.
- Ланг Л.* Ежедневная записка пребывания г. Ланга... при дворе Пекинском в 1721 и 1722 г. // Белевы путешествия чрез Россию. СПб., 1776. Ч. 3. С. 1–150.
- Миллер Г.Ф.* Известие о торгах сибирских // Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. 1755. Сент. С. 195–250; Дек. С. 525–537.
- Майоров А.П.* Словарь русского языка XVIII в.: Восточная Сибирь. Забайкалье. М.: Азбуковник, 2011. 583 с.
- Мальцев В.И.* Древнерусские рукописи Пушкинского Дома. Обзор фондов. М.; Л.: Наука, 1965. 229 с.
- Мишакова О.Э.* Кяхта: от караванной торговли до Порто-Франко. Из истории торговых отношений России и Китая XVIII – первой половине XIX вв. // Вестн. Бур. гос. ун-та. 2011. № 7. С. 46–50.
- Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1788. Ч. III, половина первая. 624 с.
- Поляков И.А., Смирнова М.А.* «Записки разных годов» московского купца Петра Пороховщикова: фамильный летописец в историческом сборнике второй половины XVIII в. // Два века русской классики. 2021. Т. 3, № 1. С. 6–23.
- Радищев А.Н.* [Письмо о китайском торге] // Радищев А.Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 5–38.
- Разгон В.Н.* Сибирское купечество в XVIII – первой половине XIX в. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. 660 с.
- Силин Е.П.* Кяхта в XVIII веке: из истории русско-китайской торговли. Иркутск: Иркут. обл. изд-во, 1947. 204 с.
- Словарь русских народных говоров. Л.: Наука, 1972. Вып. 8: Дер – ерепениться. 369 с.
- Словарь русского языка XVIII в. СПб.: Наука, 1998. Вып. 10: Кастальский – Крѣпостца. 256 с.
- Смирнова М.А.* Записи в купеческих приходно-расходных книгах: к вопросу о развитии автобиографического жанра в рукописной культуре XVIII – начала XIX в. // Два века русской классики. 2020. Т. 2, № 2. С. 28–45.
- Сперанский М.Н.* Тайнопись в юго-славянских и русских памятниках письма. Л., 1929. 166 с.
- Тимошина Л.А.* «Записная книга» Ивана Андреевича Шергина // Архив гостей Панкратьевых XVII – начала XVIII в. М., 2001. Т. 1. С. 5–24.
- Трусович Х.И.* Посольские и торговые сношения России с Китаем (до XIX века). М., 1882. 306 с.
- Федотова М.А.* Житие святого Димитрия Ростовского (к вопросу об истории создания текста) // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2009. Т. 60. С. 150–182.

Финкельштейн Н.А. Комментарии: Радищев. [Письмо о китайском торге] // Радищев А.Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 360–370.

Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: в 2 т.: Новосибирск: Академическое издательство «Гео», 2012. Т. 1: А – Л / отв. ред. Д.Я. Резун. 450 с.

REFERENCES

Alimova T.A. (1976). Two monuments of writing of the Ancient Depository of the Pushkin House about the Russian-Scandinavian relations of the XVIII – XIX centuries. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. Vol. 31, pp. 390–392. (In Russ.)

Baklanova N.A. (1958). On the composition of the libraries of Moscow merchants in the second quarter of the XVIII century. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. Vol. 14, pp. 644–649. (In Russ.)

Bakhrushin S.V. (1954). Trading of the Novgorodians Koshkins. *Bakhrushin S.V. Nauchnye trudy*. Vol. 2, pp. 174–223. (In Russ.)

Bakhrushin S.V. (1955). Trading of the Merchant Nikitin in Siberia and China. *Bakhrushin S.V. Nauchnye trudy*. Vol. 3, pp. 226–251. (In Russ.)

Berezniy S.V. (2017). Caravan trade between Russia and China and the domestic science of the XVIII century. Saint Petersburg, 262 p. (In Russ.)

Varlakov G.A. (2012). The city of Turinsk. *Prikosnovenie k vekam: Turinskaya starina*. Turinsk. Vol. 4, pp. 4–15. (In Russ.)

Vissarion (Kukushkin), hieromonach (2017). City churches and chapels of Turinsk in the second half of the XVIII – late XIX centuries. *Vestnik Ekaterinburgskoy dukhovnoy seminarii*. Vol. 3, pp. 11–51. (In Russ.)

Glatskova L.A. (2011). The role of the Kyakhta customs in trade relations with China and activities of the Russian-American Company. *Russkaya Amerika i Vostochnaya Sibir'*. Irkutsk, pp. 101–121. (In Russ.)

Dambuev I.A. (2018). Kyakhta in the French source of the XVIII century. *Kyakhta – natsional'noe dostoyanie Rossii: materialy mezhdunar. konf. Ulan-Ude*, pp. 89–94. (In Russ.)

Evshev V.N., Makasheva S.Zh. (2019). Traditional clothes of the Russian old-time population of the Ob-Irtysh North (second half of the XIX – early XX centuries). *Chelovek i kul'tura*. No. 2, pp. 63–72. (In Russ.)

Esipova V.A. (2005). The watermarks on the paper of Siberian documents in the XVII–XVIII centuries. Tomsk, Izd-vo Tom. un-ta, 204 p. (In Russ.)

Ermolaev A.N. (2011). Kyakhta trade of the Russian-American company in the 1840s–60s. *Russkaya Amerika i Vostochnaya Sibir'*: materialy region. nauch.-prakt. konf. Irkutsk, pp. 63–100. (In Russ.)

Efimova S.N. (2012). Writer's notebook: transcript of his life. Moscow, Sofpadenie, 392 p. (In Russ.)

Kozlova N.V. (1996). Some traits of the merchant personal model of the XVIII century (on the issue of mentality of the Russian merchants). In: *Mentalitet i kul'tura predprinimateley Rossii XVII–XIX vv.* Moscow, pp. 43–57. (In Russ.)

Kozlova N.V. (1999). Russian absolutism and merchants in the XVIII century (20s – early 60s). Moscow, Archeogr. Tsentr, 381 p. (In Russ.)

Komleva E.V. (2015). Sources of personal origin on the history of the Siberian merchants of the late XVIII – early XIX centuries: introduction to scientific circulation and information opportunities. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya*. Vol. 12, pp. 94–103. (In Russ.)

Komleva E.V. (2016). Household documentation of Siberian merchants in the late XVIII – early XIX centuries. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. No. 2, pp. 41–57. (In Russ.)

Komleva E.V. (2017). Letters from Timofey Maksimovich Basnin to children (1797). *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. Vol. 22, pp. 140–150. (In Russ.)

Lang L. (1776). Daily notes of Lorenz Lang's staying at the Peeking court in 1721 and 1722. *Belevy putesthestviya chrez Rossiyu*. Saint Petersburg. Pt. 3, pp. 1–150. (In Russ.)

Miller G.F. (1755). The note about the Siberian trades. *Yezhemesyachnye sochineniya, k pol'ze i uvneseleniyu sluzhashchie*. Sept., pp. 195–250; Dec., pp. 525–537. (In Russ.)

Mayorov A.P. (2011). Dictionary of the Russian language of the XVIII century: Eastern Siberia. Transbaikalia. Moscow, Azbukovnik, 583 p. (In Russ.)

Malyshchev V.I. (1965). Old Russian manuscripts of Pushkin House. Collection overview. Moscow, Leningrad, Nauka, 229 p. (In Russ.)

Mishakova O.E. (2011). Kyakhta: from caravan trade to Porto Franco. On the history of trade relations between Russia and China in the XVIII – early XIX centuries. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 7, pp. 46–50. (In Russ.)

Pallas P.S. (1788). Travel to different provinces of the Russian state. Pt. 3. Saint Petersburg, 624 p. (In Russ.)

Polyakov I.A., Smirnova M.A. (2021). “Notes of different years” by Pyotr Porokhovshchikov, Moscow Merchant: the family chronicle in the historical collection of the second half of the XVIII century. *Dva veka russkoy klassiki*. Vol. 3, no. 1, pp. 6–23. (In Russ.)

Radishchev A.N. (1941). The letter about Chinese trade. *Radishchev A.N. Polnoe sobranie sochineniy*. Moscow, Leningrad. Vol. 2, pp. 5–38. (In Russ.)

Razgon V.N. (1999). Siberian merchants in the XVIII – early XIX centuries. Barnaul, Izd-vo Alt. un-ta, 660 p. (In Russ.)

Silin E.P. (1947). Kyakhta in the XVIII century: on the history of Russian-Chinese trade. Irkutsk, Irkut. obl. izd-vo, 204 p. (In Russ.)

Sorokaletov F.P. (ed.) (1972). Dictionary of Russian folk dialects. Vol. 8. Leningrad, Nauka, 369 p. (In Russ.)

Sorokin Yu.S. (ed.) (1998). Dictionary of the Russian language of the XVIII century. Saint Petersburg, vol. 10, 256 p. (In Russ.)

Smirnova M.A. (2020). Entries in merchant income and expense books: on developing an autobiographical genre in manuscript culture of the XVIII – early XIX century. *Dva veka russkoy klassiki*. Vol. 2, no. 2, pp. 28–45. (In Russ.)

Speransky M.N. (1929). Cryptography in South Slavic and Russian writing monuments. Leningrad, 166 p. (In Russ.)

Timoshina L.A. (2001). “Notebook” by Ivan Andreevich Shergin. *Arkhiv gostey Pankrat'evykh XVII – nachala XVIII v.* Moscow, vol. 1, pp. 5–24. (In Russ.)

Trusevich H.I. (1882). Ambassadorial and trade relations between Russia and China (until the XIX century). Moscow, 306 p. (In Russ.)

Fedotova M.A. (2009). Life of Saint Demetrius of Rostov (on the issue of the text creation history). *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. Vol. 60, pp. 150–182. (In Russ.)

Finkel'shtein N.A. (1941). Comments: Radishchev. The letter about Chinese trade. *Radishchev A.N. Polnoe sobranie sochineniy*. Moscow, Leningrad, vol. 2, pp. 360–370. (In Russ.)

Rezun D.Ya. (ed.) (2012). Encyclopedic dictionary on the history of merchants and commerce in Siberia. Novosibirsk, Geo, vol. 1, 450 p. (In Russ.)

Rezun D.Ya. (ed.) (2012). Encyclopedic Dictionary of the History of Merchants and Commerce of Siberia: In 2 vols. Novosibirsk, vol. 1: A–L. 450 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 18.07.2022

Дата рецензирования 17.08.2022

Статья принята к публикации 20.08.2022

DOI: 10.15372/HSS20220306
УДК 94(571)“18”+070

И.С. ЧЕРНОВА

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИИ «ЖУРНАЛИСТ» В СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

Во второй половине XIX в. происходило формирование профессии «журналист», профессиональной идентичности деятелей прессы, выработка их общих целей и задач, этических норм. В статье проанализированы особенности процесса формирования профессии «журналист» в Сибири в изучаемый период. Проблематика исследования соотносится с направлением «историческое профессиоведение». Охарактеризованы подходы к изучению профессий в исторической ретроспективе, представлены дефиниции терминов «профессия», «сибирский журналист». В изучаемый период журналистами в Сибири являлись представители различных профессий, званий, должностей, они совмещали журналистский труд с иным видом деятельности. Такие сотрудники были признаны коллегами-журналистами, являлись членами редакций, их воспринимали частью журналистского сообщества.

Ключевые слова: профессия, сибирские журналисты, сибирская интеллигенция, история сибирской журналистики, периодическая печать, эго-документы.

I.S. CHERNOVA

THE SPECIFICS OF THE FORMATION OF THE “JOURNALIST” PROFESSION IN SIBERIA IN THE SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURY

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

Forming the “journalist” profession, professional identity of press figures, development of common goals and objectives, ethical standards of author took place in the second half of the XIX century. During the period under study, journalists in Siberia were representatives of various professions, ranks, and positions. The article objective is to analyze the formation of the “journalist” profession in Siberia during the mentioned period. The research problematics correlate with the direction of “historical professionology”. The article describes approaches to studying professions in historical retrospect, presents definitions of such terms as “profession” and “Siberian journalist”.

Persons who possessed literary skills, an ability to write vivid, extraordinary, succinct, but at the same time meaningful texts for newspapers, magazines, to observe the public life, started gradually to cooperate with periodicals. The authors were persons without special education, which was a feature of forming the profession and testified to incompleteness of formation of a regional group, establishing its professional boundaries. The community of journalists recruited figures from other groups of intellectuals into its ranks. The spheres of additional or main but not journalistic professional activity of authors could vary in different years under the influence of both external and internal factors. Some journalists became full-time employees, editors. Others combined journalistic work with another type of activity, which was the specifics of the profession formation. The experience gained in a different field of work favored the development of intellectuals as journalists, successful, active employees of editions. This was especially true for some scientists, teachers, doctors, officials, lawyers. Their closeness to society, interaction with the various groups of population were reflected in newspaper notes. Press employees despite their employment in other fields were recognized by fellow journalists, became members of editorial offices and were perceived as members of the journalistic group.

Key words: profession, Siberian journalists, Siberian intelligentsia, history of Siberian journalism, periodicals, ego-documents.

Ирина Сергеевна Чернова – младший научный сотрудник Института истории СО РАН, ORCID 0000-0003-3763-5774, e-mail: chernovairina0611@mail.ru

Irina Chernova – Junior Researcher, Institute of History SB RAS, ORCID 0000-0003-3763-5774, e-mail: chernovairina0611@mail.ru

ВВЕДЕНИЕ

Изучение феномена формирования профессий, обособления и интеграции отдельных профессиональных групп – актуальный вопрос исторической науки. Предметом исследовательского интереса выступают сюжеты, связанные с формированием профессий в исторической ретроспективе, их трансформацией, определением критериев принадлежности субъектов к тому или иному виду занятости, анализом их профессионального быта, специфического «языка» поведения, коммуникативных стратегий, вариантов социальной активности. Во второй половине XIX в. происходило формирование профессии «журналист», профессиональной идентичности деятелей прессы, выработка общих целей и задач, этических норм. Журналисты являлись частью сибирской интеллигенции, выступая транслятором определенных моделей поведения, особенностей мышления, оказывая влияние на читающую публику, стимулируя общественную жизнь региона.

Проблемам истории сибирской журналистики в дореволюционный период были посвящены обобщающая работа В.М. Крутовского [1912] о периодической печати в регионе, а также исследование Н.М. Ядринцева «Сибирь как колония» [1892]. В советский период особую ценность для нас представляют труды Л.Л. Ермолинского [1985], Л.С. Любимова [1982], В.П. Трушкина [1985], посвященные отдельным периодическим изданиям Сибири. Е.Д. Петряевым [1987] выявлен авторский корпус «Восточного обозрения», «Сибирского сборника». В постсоветский период интерес представляют работы Н.В. Жиликовой [2011], В.В. Шевцова [2012], С.И. Гольдфарба [2002] об истории региональной прессы. Наше внимание привлекли статьи Н.Б. Симоновой [2013], Л.С. Любимова [2007], в которых проанализированы особенности складывания журналистского корпуса газет, представлены количественные данные выходящих в Сибири периодических изданий во второй половине XIX – начале XX в. Особый интерес представляет для нас работа Н.Б. Симоновой [2020], посвященная процессу становления журналистики как профессии, ее институализации в Европе, США и России на рубеже XIX – начале XX в. В статье А.П. Шинкаревой и А.В. Гимельштейна [2019] впервые сформулирована тема становления профессионального сообщества сибирских журналистов, хотя и отсутствует определение самого термина, нет и попыток рассматривать это сообщество.

Цель статьи – проанализировать особенности формирования профессии «журналист» в Сибири в изучаемый период. В качестве источников мы обратились к эго-документам сибирских журналистов, а именно Н.М. Ядринцева, Г.Н. Потанина, М.Г. Васильевой, Н.И. Наумова, И.И. Попова, А.В. Адрианова и

др. Объектом нашего внимания выступали наиболее популярные в среде читательской публики периодические издания: прежде всего, томская «Сибирская жизнь», иркутское «Восточное обозрение».

Проблематика настоящего исследования соотносится с направлением «историческое профессиоведение», объектом внимания которого являются профессиональные структуры населения, их мобильность, история и развитие различных видов занятий населения [Владимиров, 2009, с. 96]. В рамках данного направления наше внимание будет сфокусировано на процессах выделения отдельных профессий в качестве специфической деятельности, конструирования их профессиональных границ, определения критериев принадлежности, выявления характерных практик, способов коммуникаций между коллегами, выработки единых взглядов, общности задач и целей.

Вслед за отечественными социологами П.В. Романовым и Е.Р. Ярской-Смирновой, В.А. Мансуровым, О.В. Юрченко, Р.Н. Абрамовым мы выделяем несколько подходов для изучения профессий, профессиональных сообществ:

- 1) функционалистский, в рамках которого исследовательский фокус направлен на анализ «престижных» профессий: их представители имеют высокий образовательный уровень, при этом важным качеством профессионалов является бескорыстная служба государству как основа всей их деятельности;
- 2) неомарксистский подход, представители которого критикуют альтруистические мотивы профессиональной деятельности субъектов, обращаются к изучению рабочих профессий, их коллективов. Труд профессионалов ассоциируется с получением властных, авторитетных полномочий;
- 3) неовеберианский подход, объектом внимания его последователей выступают любые виды занятости, в том числе и менее престижные, а также профессиональные сообщества, имеющие схожие интересы и преследующие конкретные цели;
- 4) феноменологический подход, направленный на изучение жизненного мира, особенностей профессиональных коммуникаций, типичных образцов поведения представителей не только престижных профессий; исследователи обращаются к изучению любых видов занятости, где субъекты не обладают высоким интеллектуальным статусом, но транслируют специфичные знания, правила поведения, профессиональные практики [Мансуров, Юрченко, 2009; Романов, Ярская-Смирнова, 2007, 2009, 2015; Абрамов, 2016].

На современном этапе наблюдается расширение предметного поля изучения профессий, что позволяет сфокусировать исследовательское внимание на профессиональном опыте и традициях различных сообществ. Наибольший интерес вызывают труды П.В. Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой [2007, 2009,

2015], В.А. Мансурова, О.В. Юрченко [2009], Р.Н. Абрамова [2016] и др.

ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ

В Большом социологическом словаре (Collins) «профессия» определяется следующим образом: это какая-либо профессиональная группа *среднего класса*, характеризующаяся требованиями высокого уровня технических и интеллектуальных знаний, а также опыта, автономией в найме и дисциплине, связью с государственной службой [Большой социологический словарь, 1999, с. 105]. В отечественном словаре под редакцией Г.В. Осипова «профессия» означает устойчивый и относительно широкий вид трудовой деятельности, являющийся источником дохода, предусматривающий определенную совокупность теоретических знаний, практического опыта и трудовых навыков и определяемый разделением труда, а также его функциональным содержанием. В качестве второго определения указано, что это большая группа людей, объединенных общим родом занятий, трудовой деятельностью [Социологический энциклопедический словарь, 1998, с. 276]. В основе термина «профессия» преобладают два ключевых признака: наличие специализированной подготовки и получение субъектом определенного дохода, что позволяет отделить профессиональную деятельность от досуговой. Мы придерживаемся позиции П.В. Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой [2009, с. 27], которые под профессией подразумевают «деятельность, приносящую доход и требующую особых знаний, навыков и правил поведения».

Под «сибирскими журналистами» в данном исследовании мы понимаем людей, проживавших на территории Сибири временно или постоянно и являвшихся сотрудниками местных периодических изданий. К ним примыкали и те журналисты, которые проживали на территории Европейской России и профессионально занимались сибирской проблематикой.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИИ «ЖУРНАЛИСТ» В СИБИРИ

Н.Б. Симонова выделяет три этапа в становлении профессиональной деятельности журналистов. Для первого характерно занятие журналистикой наряду с другими видами занятости, для второго – обособление в особую, достаточно узкую социально-профессиональную группу, члены которой основной доход получают от публицистической, литературной работы. Третий этап соотносится с формированием и развитием самостоятельных учреждений, «функции которых разделились между профессиональными объединениями разного рода: сбор информации; создание контента; финансирование; анализ проблем, связанных с профессиональной деятельностью, за-

просов со стороны общества и их решением через разработку и внедрение профессиональных норм и требований» [Симонова, 2020, с. 35–38].

В процессе становления профессии «журналист», региональной группы деятелей прессы можно выделить следующие основные этапы: **вторая половина XIX в.** стала временем становления журналистики как профессии. Именно с начала издания первых официальных и частных газет в 1850–1860-е гг. постепенно происходило выделение первых журналистских кадров из среды местной интеллигенции. Внутри первого этапа можно выделить два подэтапа: 1) 1880-е гг., когда издавались популярные частные периодические издания, был основан Томский университет, 2) середина 1890-х гг., что связано со строительством Транссибирской магистрали. Число журналистов возрастало, вырабатывались их профессиональные практики, постепенно определялась специализация авторов. **В начале XX в.**, особенно после 1905 г., можно говорить о складывании профессии и функционировании региональной группы. Политизация сибирского населения в начале XX в. трансформировала значение и прессы, и статуса журналистов. Внутри журналистской группы происходила профессиональная дифференциация сотрудников: выделялись репортеры, фельетонисты, авторы передовых статей и другие, устанавливалась более стабильная оплата труда, изменялись мотивы вступления на журналистский путь. Многие журналисты призывали своих коллег к созданию профессиональной организации, которая бы консолидировала деятелей прессы. Это свидетельствовало об осознании журналистами своей профессиональной идентичности.

Специфика формирования журналистской профессии в провинции вообще, в частности в Сибири, заключалась в том, что сотрудниками периодических изданий становились лица без специального образования. Корпус сибирских журналистов комплектовался за счет представителей интеллигенции из различных профессиональных сфер деятельности. Некоторые из них выбирали журналистский путь и занимались исключительно газетным трудом, являлись штатными сотрудниками изданий, редакторами. Другие же продолжали совмещать различные виды деятельности, что стало спецификой формирования профессии.

Сотрудниками частных газет «Сибирь», «Восточное обозрение», «Сибирская газета», «Сибирский вестник», «Сибирские вопросы» были политические и уголовные ссыльные, писатели, ученые, офицеры, священники, педагоги, врачи, библиотекари, горные инженеры, путешественники, чиновники, делопроизводители, статистики, землеустроители, агрономы, купцы [Ермолинский, 1985, с. 21; Жиликова, 2011, с. 141, 162–163; Чередниченко, 1999, с. 81]. Деятели

прессе одновременно могли сотрудничать в нескольких изданиях, что объяснялось сходством программ и позиций большинства редакций по вопросам общественно-политического, экономического, культурного развития региона.

Исследователи по-разному определяют профессиональный статус отдельных журналистов. Например, Л.С. Любимов причисляет Т.М. Фарафонову к библиотекарям [2007, с. 11], в то время как Е.Г. Петряев – к педагогам, литераторам [1987, с. 47]. В.И. Вагин был чиновником, историком, публицистом [Любимов, 2007, с. 11; Петряев, 1987, с. 14]. Н.М. Ядринцев в 1863–1865 гг. отнесен по профессиональной деятельности к учителям [Шевцов, 2012, с. 114], также он деятельно участвовал в издании неофициальной части «Томских губернских ведомостей»¹, приобретая опыт сотрудничества как с провинциальными, так и со столичными изданиями, что позволяет соотнести его с формирующейся журналистской профессией. Можно привести и другие факты, которые показывают невозможность окончательного соотнесения какого-либо деятеля прессы с определенной профессией, что свидетельствует о незавершенности процесса складывания специфических областей деятельности.

Гонорарные выплаты на этапе становления журналистики как профессии были невысокими, что осложняло процесс профессионализации. Тяжелые материальные условия, в которых издавались сибирские газеты во второй половине XIX в., подталкивали сотрудников к поиску дополнительного заработка. Пресса развивалась благодаря бескорыстному труду, альтруистическим мотивам авторов публикаций. Журналисты принимали и осознавали ситуацию как данность. Г.Н. Потанин в письме к М.Г. Васильевой сообщал распространенное мнение, бытующее в среде интеллигенции: «Литератора не нужно привлекать к журнальной срочной работе, для него будет плодотворнее и здоровее, если он будет зарабатывать кусок хлеба нелитературным трудом» [Потанин, Васильева, 2004, с. 12]. В письмах, предполагающих более закрытый, интимный характер, сотрудники жаловались на невысокие гонорары. Так, А.В. Адрианов писал, что предпочел на время акцизную службу ввиду обязанности «накормить, одеть и обучить пятерых детей», которая стоит на первом плане, «научные же и литературные занятия не дают для этого средств, не говоря о том, что при большой семье и заниматься наукой весьма трудно» [Адрианов, 2007, с. 135]. Несмотря на закрытие «Сибирской газеты», Адрианов продолжил свое сотрудничество с печатью, публиковал свои тексты в различных газетах и журналах,

влиял на конструирование информационного поля сибирского региона, а также ежедневно с ноября по февраль 1900 г. руководил отделами «Сибирских вестей», «Сибирских очерков», «Корреспонденций» в «Восточном обозрении» [Адрианов, 2007, с. 147]. Ф.Я. Кон в своих воспоминаниях указывал, что профессиональным газетчиком он впервые выступил именно в «Восточном обозрении» по приглашению редактора И.И. Попова. Кон, осознавая степень своего участия в редакционных делах издания, отмечал, что «“финансовая база” во время моего пребывания в Иркутске не давала возможность настолько оплачивать сотрудников, чтобы они могли всецело посвящать себя газете, и все члены редакции вынуждены были заботиться не о добавочном, а об основном заработке, причем работа в редакции была... приработком. Искать основной работы пришлось и мне» [Кон, 1936, с. 371]. Несмотря на отсутствие стабильного гонорара, Кон все же воспринимал себя профессиональным газетным деятелем, членом редакции, что свидетельствовало о специфическом профессиональном сознании. Штатные сотрудники, преданные журналистике, порой были вынуждены иметь иной вид заработка для поддержания своего финансового положения. Редакторы, издатели, получая более стабильный, высокий доход и выполняя значительную часть организационной деятельности, могли полностью посвятить себя газетному делу.

В.Р. Лейкина-Свирская указывает, что «многие писатели получили импульс к литературной работе, пройдя через другие профессии – учителей, врачей, инженеров, агрономов и т.д.» [1981, с. 119]. Смена профессии диктовалась внутренними мотивами личности, желанием служить на благо Сибири, видеть практический результат своего труда, необходимостью материально обеспечивать себя и свои семьи. В 1870-е гг. Н.М. Ядринцев состоял на службе у западносибирского генерал-губернатора Н.Г. Казнакова, а с 1882 г. являлся редактором-издателем «Восточного обозрения». Сам он писал Д.А. Поникаровскому: «Мое чиновничество есть накопление литературного материала» [Ядринцев, 1980, с. 247]. Такое отношение свидетельствовало о приоритете для Ядринцева журналистской деятельности над чиновничьей. Наличие иной занятости благоприятствовало труду в газете, позволяло расширять собственные знания об особенностях и условиях жизни сибирского населения, соприкоснуться с насущными трудностями и проблемами, волновавшими общественность. Г.Н. Потанин был известным ученым-этнографом, также выступал чиновником, сотрудником прессы, активным общественным деятелем в разные годы жизни. В.И. Вагин являлся чиновником, журналистом, редактором, членом комитета местного отдела Географического общества, гласным городской думы,

¹ Ядринцев Н.М. Общественная жизнь в Сибири // Томские губ. ведомости. 1865. 5 февр. С. 1–4.

участвовал в местных просветительных обществах². Н.И. Наумов, по замечанию А.В. Адрианова, для получения дополнительного заработка в Санкт-Петербурге поступил на службу в канцелярию военного министерства, потом устроился на службу в банке, был крестьянским начальником в г. Мариинске, непременным членом присутствия по крестьянским делам от Алтайского округа [Адрианов, 1912, с. 156]. Наумов писал, что девять лет службы в должности крестьянского чиновника обогатили его массой совершенно нового материала [1940, с. 361]. Сам Адрианов также совмещал некоторое время службу в органах власти и журналистский труд. Чиновники благодаря опыту государственной службы, знакомству с системой управления регионом, образовательному уровню, коммуникациям с людьми различного профессионального и социального статуса вступали на журналистский путь с целью активно повлиять на ценностные, поведенческие ориентиры читательской публики, обратив внимание на отрицательные стороны функционирования властного аппарата.

В.М. Крутовский совмещал медицинскую деятельность с исследовательской и просветительской. Он являлся издателем и редактором медицинского издания «Сибирские врачебные ведомости», сотрудничал с газетой «Восточное обозрение». С 1916 по 1919 г. В.М. Крутовский возглавлял красноярский журнал «Сибирские записки». Г.Н. Потанин, представляя данное издание В.П. Сукачеву с целью получения финансовой поддержки, писал: «Содержание книжки серьезное, разнообразное и интересное. Каждая новая книжка занимательнее и содержательнее предыдущей»³. Чтобы повысить статус Крутовского в глазах В.П. Сукачева, Потанин сравнил издание «Сибирских записок» с возрождением сибирской прессы, что в его понимании означало «ядринцевской прессы»⁴. Современники, ближайшее окружение Крутовского воспринимали его именно как журналиста, областника и последователя Ядринцева и Потанина. Значительная часть корпуса журналистов принадлежала к различным профессиональным группам: учителя, врачи, чиновники, военные, юристы, представители технической и творческой интеллигенции сотрудничали с периодическими изданиями, были деятельными сотрудниками газет, журналов, имели высокий показатель публикационной активности, являлись частью этой профессиональной группы.

Несмотря на занятие иной профессиональной деятельностью, журналисты воспринимали друг друга в первую очередь как сотрудников прессы. Харак-

терный случай восприятия представителей интеллигенции в журналистской оптике описан И.И. Поповым относительно С.Я. Елпатьевского. «Сергей Яковлевич жил в Петербурге и довольно часто наезжал в Нижний, где прожил немалое время. Он был врач, и его ценили как специалиста, особенно по легочным болезням. Для нас же он был прежде всего писатель, интересный собеседник» [1989, с. 34]. С одной стороны, эти факты свидетельствовали именно о формировании профессии, соотношении своего «Я» с журналистикой, дальнейшем профессиональном самоопределении. С другой стороны, в силу недостаточной обособленности профессий во второй половине XIX – начале XX в. многие становились журналистами, не прекращая прежней работы. По мнению редакционного коллектива газеты «Восточное обозрение», «истинно интеллигентные люди не должны ограничиваться только одним выполнением своих прямых обязанностей – врача или учителя, но также их обязанность воздействовать будирующим образом на среду вне сферы их профессий; только при таком условии и возможны прогресс и гармоничное развитие общественных, просветительных и вообще культурных тенденций в обществе»⁵. Представители интеллигенции за рамками своей профессиональной деятельности стремились иными способами воздействовать на сибирское общество, например, участвуя в периодической печати. Г.Д. Гребенщиков, приглашая к сотрудничеству адвоката П.А. Казанцева, отмечал положительные стороны журналистской профессии: «Сотрудничество у нас не помешает Вам заняться адвокатством, но думаю, что и одного сотрудничества для Вас пока хватит. <...> Работа – не то, что канцелярская, а живая и должна отвечать Вашему призванию» [2008, с. 79]. Благодаря участию в газетах деятели прессы были в курсе всех новостей сибирской, столичной и зарубежной жизни. Подобная установка транслировалась потенциальным авторам.

Процесс профессионализации журналистов был осложнен медленными темпами развития общественной жизни в сибирских городах, нехваткой таких остросоциальных сюжетов для газетных заметок, которые бы привлекли внимание читательской публики. М.Г. Васильева, сотрудница барнаульских и томских изданий, совмещала канцелярский труд с журналистикой. В письмах Г.Н. Потанину она указывала на незначительное число газет в Барнауле, что ограничивало возможности применения ее журналистского пера. Общественная жизнь в городе была развита слабо, сюжетов для написания газетных публикаций не хватало. Васильева сообщала, что ей «не

² Ленская К. Всеволод Иванович Вагин // Сибирская жизнь, прил. к газ. 1904. 29 авг. С. 1.

³ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1769. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 25.

⁴ Там же. Л. 27–27 об.

⁵ Ното. Запросы жизни и отношение к ним интеллигенции в Кяхте // Восточное обозрение. 1893. 11 апр. С. 9.

особенно хочется садиться опять за канцелярский труд. Он для меня вреден, и я согласна с Вами, что вы одобряете только искание, а не поступление на службу» [Потанин, Васильева, 2004, с. 346]. Васильева неоднократно высказывалась о «творческом голоде», невозможности полностью раскрыть свой журналистский потенциал.

Сибирская интеллигенция не всегда разделяла досуг и профессию. Для некоторых людей интеллектуального труда, в том числе для журналистов, было характерно увлечение работой и превращение работы как профессии в работу как досуг. Г.Н. Потанин писал М.Г. Васильевой: «Я все время просидел в Томске, увлекался журналистикой, в ней находя средство забывать свои огорчения от ударов судьбы» [Потанин, Васильева, 2004, с. 80]. В другом письме находим: «От думы о будущем я старался заслониться настоящим, я опьянял себя журнальной работой» [Там же, с. 80]. Становление профессий способствовало обособлению профессиональной деятельности от досуговой. По мнению И.Л. Пушкаревой, «соотношение труда и отдыха тех, кто занят в интеллектуальной сфере, – это довольно сложное распределение фонда рабочего, вне рабочего и свободного времени» [2021, с. 98].

В начале XX в. с укреплением финансовой базы газет и журналов происходит качественная дифференциация как в мире газет и журналов, так и среди журналистов. Восприятие гонораров как формы оплаты журналистского труда свидетельствовало о выделении профессии, осознании авторами своей деятельности в качестве основной, приносящей доход для обеспечения себя и семьи. Изменяются мотивы вступления в профессию. Коммерциализация прессы на рубеже XIX–XX в. способствовала формированию слоя журналистов, желавших получить от газетного дела прибыль, выгоду. Некоторые авторы трудились исключительно на журналистском поприще, имели регулярный заработок, который зависел как от престижности имени автора, так и от популярности самого издания. Это свидетельствовало о значительных изменениях в профессии журналистов на пути их профессионализации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сообщество журналистов рекрутировало в свои ряды деятелей из разных групп интеллигенции. Одними из мотивов вступления выходцев из различных сфер профессиональной деятельности на литературное поприще являлся характер журналистского труда, наличие практического результата, приближенность к общественной жизни. Совмещение журналистами различных сфер деятельности в значительной степени объяснялось тем, что журналистская профессия еще не была достаточно обособлена. Авторы си-

бирских изданий могли быть штатными сотрудниками периодических изданий, посещать журфиксы, быть признанными коллегами и заниматься дополнительно иной профессиональной деятельностью: среди них были чиновники, учителя, врачи, юристы, педагоги и др. Однако журналистская группа воспринимала их в качестве «своих», коллег, объединенных общими целями, взглядами, поведенческими ориентирами. Редакторы изданий, заведующие газетными отделами нередко отказывались от прежней профессии и полностью посвящали себя газетной деятельности. Невысокие гонорарные выплаты, слабое развитие общественной жизни в сибирских городах осложняли процесс профессионализации журналистов. Коммерциализация прессы, количественный рост изданий в начале XX в. способствовали увеличению числа авторов, которые работали только в сфере печати, что свидетельствовало о выделении журналистского труда, постепенном утверждении этой профессии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамов Р.Н.* Социология профессий и занятий: очерки истории и ключевые концепции дисциплинарной области: М.: Вариант, 2016. 452 с.
- Адрианов А.В.* «Дорогой Григорий Николаевич...»: письма Г.Н. Потанину / сост., публ. Н.В. Васенькин. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. 288 с. (Сер. Сибирский архив, т. 3).
- Адрианов А.В.* Томская старина // Город Томск. Томск: Изд. Сиб. товарищества печатного дела в Томске, 1912. С. 101–183.
- Большой социологический словарь. Collins / под ред. Д. Джери, Дж. Джери. М.: Вече, 1999. Т. 2. 528 с.
- Владимиров В.Н.* Историческое профессиоведение: предмет и проблематика // Вестн. Перм. ун-та. Сер. История. 2009. № 3(10). С. 96–99.
- Гольдфарб С.И.* Газетное дело в Сибири (XIX – начало XX в.). Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 2002. 312 с.
- Гребенщиков Г.Д.* Письма в Сибирь и Петербург (1907–1917) / сост. Т.Г. Черняева. Бийск, 2008. Кн. 1. 172 с.
- Ермолинский Л.Л.* Сибирские газеты 70–80-х годов XIX в. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. 136 с.
- Жилыкова Н.В.* Журналистика города Томска (XIX – начало XX века): становление и развитие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. 446 с.
- Кон Ф.Я.* За пятьдесят лет. М.: Сов. писатель, 1936. Т. 1–2. 364 с.
- Крутовский В.М.* Периодическая печать в Томске // Город Томск. Томск: Сиб. товарищество печатного дела, 1912. С. 279–310.
- Лейкина-Свирская В.Р.* Русская интеллигенция 1900–1917 гг. М.: Мысль, 1981. 287 с.
- Любимов Л.С.* История сибирской печати: учеб. пособие. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1982. 79 с.
- Любимов Л.С.* Российская журналистика прирастала Сибирью // 150 лет периодической печати в Сибири: материалы регион. науч. конф., посвящ. 150-летию издания в Сибири «Губернских ведомостей» (Томск, 19–20 апреля 2007 г.). Томск: Изд-во «ТМЛ-Пресс», 2007. С. 7–12.
- Мансуров В.А., Юрченко О.В.* Социология профессий. История, методология и практика исследований // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 36–46.
- Наумов Н.И.* Письма // Наумов Н.И. Собр. соч.: в 3 т. / ред., вступ. ст. и коммент. С. Кожевникова. Новосибирск: Новосибирское обл. гос. изд-во, 1940. Т. 1. С. 352–363.

Петряев Е.Д. Сотрудники «Восточного обозрения» и «Сибирских сборников» (1882–1906): библиогр. материалы. Киров: Киров. политехн. ин-т, 1987. 54 с.

Попов И.И. Забытые иркутские страницы: записки редактора. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1989. 384 с.

Потанин Г.Н., Васильева М.Г. «Мне хочется служить Вам, одеть Вас своей любовью»: переписка / сост. Н.В. Васенькин, Г.И. Колосова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. 418 с. (Сер. Сибирский архив, т. 2).

Пушкарева Н.Л. Труд и отдых женщин-ученых в оценках их самих в советской и постсоветской России // Этнографическое обозрение. 2021. № 3. С. 98–148.

Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Три типа знания в социологии профессий // Социальная динамика и трансформация профессиональных групп в современном обществе / под ред. В.А. Мансурова. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 2007. С. 12–32.

Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Мир профессий: переосмотр аналитических перспектив // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 25–35.

Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Социология профессий: аналитические перспективы и методология исследований. М.: Вариант, 2015. 234 с. (Библиотека Журнала исследований социальной политики).

Симонова Н.Б. «Газетные люди» в России в конце XIX – начале XX века // Вестн. НГУ. Сер. История, филология. 2013. Т. 12. Вып. 10: Журналистика. С. 17–22.

Симонова Н.Б. Журналистика. Институционализация профессии на рубеже XIX–XX веков: мировые тренды и российская специфика // Вестн. НГУ. Сер. История, филология. 2020. Т. 19. № 6: Журналистика. С. 33–47.

Социологический энциклопедический словарь / под ред. Г.В. Осипова. М.: Норма, 1998. 488 с.

Трушкин В.П. Пути и судьбы. Литературная жизнь Сибири 1900–1920 гг. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1985. 477 с.

Чередниченко И.Г. Николай Михайлович Ядринцев – публицист, теоретик и организатор провинциальной печати. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. техн. ун-та, 1999. 180 с.

Шевцов В.В. «Томские губернские ведомости» (1857–1917 гг.) в социокультурном и информационном пространстве Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. 414 с.

Шинкарева А.П., Гимельштейн А.В. Особенности процесса становления российской провинциальной журналистики как профессии в XIX – начале XX вв. на примере Иркутска // Вестн. Волж. ун-та им. В.Н. Татищева. 2019. № 2. С. 206–217.

Ярлицев Н.М. Письма // Литературное наследство Сибири Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1980. Т. 5 / сост. Н.Н. Яновский. С. 227–297.

Ярлицев Н.М. Сибирь как колония. СПб: Изд-во И.М. Сибирякова, 1892. 720 с.

REFERENCES

Abramov R.N. (2016). Sociology of professions and occupations: essays on the history and patterns of the disciplinary field. Moscow, Variant, 452 p. (In Russ.)

Adrianov A.V. (2007). “Dear Grigory Nikolaevich...”: letters from G.N. Potanin. Tomsk, Izd-vo Tom. un-ta, 288 p. (In Russ.)

Adrianov A.V. (1912). Tomsk Antiquity. In: *Gorod Tomsk*. Tomsk, pp. 101–183. (In Russ.)

Gerl D., Gerl J. (Eds.) (1999). Big sociological dictionary. Collins. Moscow, Veche, vol. 2, 528 p. (In Russ.)

Vladimirov V.N. (2009). Historical professional studies: subject and problems. *Vestnik Permskogo universiteta. Ser. Istoriya*. No. 3, pp. 96–99. (In Russ.)

Goldfarb S.I. (2002). Newspaper business in Siberia (the XIX – early XX centuries). Irkutsk, Izd-vo Irkut. un-ta, 312 p. (In Russ.)

Grebenshchikov G.D. (2008). Letters to Siberia and Petersburg (1907–1917). *Biysk, Biya*, vol. 1, 172 p. (In Russ.)

Ermolinskiy L.L. (1985). Siberian newspapers in the 1870s–80s. Irkutsk, Izd-vo Irkut. un-ta, 136 p. (In Russ.)

Zhilyakova N.V. (2011). Journalism of Tomsk (the XIX – early XX centuries): formation and development. Tomsk, Izd-vo Tom. un-ta, 446 p. (In Russ.)

Kon F.Ya. (1936). For fifty years. Moscow. Sovetskiy pisatel, vol. 1/2, 364 p. (In Russ.)

Krutovskiy V.M. (1912). Periodical press in Tomsk. In: *Gorod Tomsk*. Tomsk, pp. 279–310. (In Russ.)

Leikina-Svirskaya V.R. (1981). Russian intelligentsia in 1900–1917. Moscow, Mysl’, 287 p. (In Russ.)

Lyubimov L.S. (1982). History of the Siberian press: textbook. Irkutsk, Izd-vo Irkut. un-ta, 79 p. (In Russ.)

Lyubimov L.S. (2007). Russian journalism grew with Siberia. In: *150-letie periodicheskoy pechati v Sibiri: materialy nauch. konf., posvyashch. 150-letiyu izdaniya v Sibiri «Gubernskikh vedomostey» (Tomsk, 19–20 apr. 2007 g.)*. Tomsk, Izd-vo “TML-Press”, pp. 7–12. (In Russ.)

Mansurov V.A., Yurchenko O.V. (2009). Sociology of professions. History, methodology and practice of research. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. No. 8, pp. 36–46. (In Russ.)

Naumov N.I. (1940). Letters. *Sobraniye sochineniy*. Novosibirsk, vol. 1, pp. 352–363. (In Russ.)

Petryaev E.D. (1987). Employees of the “Eastern Review” and “Siberian Collections” (1882–1906): bibliographic materials. Kirov, Kirov. politekh. in-t, 54 p. (In Russ.)

Popov I.I. (1989). Forgotten Irkutsk pages: editor’s notes. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoye knizhnoye izd-vo, 384 p. (In Russ.)

Potanin G.N., Vasil’eva M.G. (2004). “I want to serve you, cover with my love”: correspondence. Tomsk, Izd-vo Tom. un-ta, 418 p. (In Russ.)

Pushkareva N.L. (2021). Work and rest of women scientists in the assessment of themselves in Soviet and post-Soviet Russia. *Etnograficheskoe obozrenie*. No. 3, pp. 98–148. (In Russ.)

Romanov P.V., Yarskaya-Smirnova E.R. (2009). World of professions: revision of perspectives. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. No. 8, pp. 25–35. (In Russ.)

Romanov P.V., Yarskaya-Smirnova E.R. (2015). Sociology of professions: the search for perspectives and research methodology. Moscow, Variant Co., 234 p. (In Russ.)

Romanov P.V., Yarskaya-Smirnova E.R. (2007). Three types of knowledge in the sociology of professions. Social dynamics and transformation of professional groups in public society. Moscow, Izd-vo in-ta sotsiologii RAN, pp. 12–32. (In Russ.)

Simonova N.B. (2013). “Newspaper people” in Russia in the late XIX – early XX centuries. *Vestnik NGU. Ser.: Istoriya, filologiya*. Vol. 12, no. 10, pp. 17–22. (In Russ.)

Simonova N.B. (2020). Journalism. Institutionalization of the profession at the turn of the XIX–XX centuries: world trends and Russian specifics. *Vestnik NGU. Ser.: Istoriya, filologiya*. Vol. 19, no. 6, pp. 33–47. (In Russ.)

Osipov G.V. (Ed.) (1998). Sociological encyclopedic dictionary. Moscow, Norma, 488 p. (In Russ.)

Trushkin V.P. (1985). Ways and fates. Literary life in Siberia 1900–1920. Irkutsk, Vost.-Sib. kn. izd-vo, 477 p. (In Russ.)

Cherednichenko I.G. (1999). Nikolai Mikhailovich Yadrintsev is a publicist, theorist and organizer of the provincial press. Irkutsk, Izd-vo IrCTU, 180 p. (In Russ.)

Shevtsov V.V. (2012). “Tomskie Gubernskie Vedomosti” (1857–1917) in the socio-cultural and information environment. Tomsk, Izd-vo TCU, 414 p. (In Russ.)

Shinkareva A.P., Gimelshtein A.V. (2019). Features of the process of forming provincial journalism as a profession in the XIX – early XX centuries, a case of Irkutsk. *Vestnik Povolzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva*. No. 2, pp. 206–217. (In Russ.)

Yadrintsev N.M. (1980). Letters. In: *Literary heritage of Siberia*. Novosibirsk, vol. 5, pp. 227–297. (In Russ.)

Yadrintsev N.M. (1892). Siberia as a colony. Saint Petersburg, Izd-vo Sibiriyakova, 720 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 27.04.2022

Дата рецензирования 13.05.2022

Статья принята к публикации 17.06.2022

DOI: 10.15372/HSS20220307
УДК 655.5(571.6)''19/20''

И.А. ГОНЧАРУК

ИЗДАТЕЛЬСКИЕ СТРАТЕГИИ НА КНИЖНОМ РЫНКЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВВ.

Дальневосточный федеральный университет,
РФ, 690922, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10

В статье анализируются издательские стратегии, реализованные на книжном рынке Дальнего Востока России на рубеже XX–XXI вв. Цель автора – рассмотреть применяемые дальневосточными издательствами стратегии на определенном этапе исторического развития регионального книжного рынка в контексте экономической, социокультурной и политической ситуации конца XX – начала XXI в. Определяются специфические для дальневосточного книжного рынка издательские стратегии, характеризуются главные особенности каждой из них, в том числе инди- и онлайн-стратегий, дается прогноз по развитию регионального книжного рынка с использованием стратегий цифрового будущего.

Ключевые слова: издательские стратегии, книжный рынок, Дальний Восток, издательства, краудфандинг, смешанные стратегии, конкуренция, онлайн-стратегии.

I.A. GONCHARUK

PUBLISHING STRATEGIES IN THE RUSSIAN FAR EAST BOOK MARKET AT THE TURN OF THE XX–XXI CENTURIES

Far Eastern Federal University,
10, Ajax p., Russian island, Vladivostok, 690922, Russian Federation

The paper discusses publishing strategies used by Far Eastern publishing houses at the transition stage from the state to market model (the late 1980s – early 1990s) as well as the book publishing strategies employed in the Russian Far East in the post-Soviet period (mid-1990s – early 2000s). During the transition from the book publishing state to a market model, the leading role in the Russian Far East was assigned to state and institutional publishing houses. The strategies used by them differed from those employed by private publishing houses located in western Russia. In 1986–1991, research institutes were the leaders of the Far Eastern book publishing industry, but in 1990–1991, a significant part of editions produced by Far Eastern publishing houses was science fiction and adventure genres. Therefore, the strategy of the Far Eastern publishing of this period was *literary and artistic* one. In 1991–1994, universities took over the leading positions in producing literature in the Far East, which indicates the presence of *academic strategy*. At the same time, children's book publishing was actively developing, so *traditionalist, or universal, strategy* became widespread. In post-Soviet period (mid-1990s – early 2000s), since 1994–1995 till the middle of 1996, higher education institutions became the most active participants of the publishing process in the Far East, so the *university strategy* became decisive. In 1995–1998, concentration of media assets of various enterprises started in the Russian Far East, and some university publishing houses were transformed into publishing and printing complexes and media holdings, thus the *external growth strategy* was developed. In 1998–2000, the book market of the Far East formed under the effect of specific and mixed strategies, such as the strategy of *launching new products on the market*, which includes a *strategy of focusing, or narrow specialization (regional natural history)* aimed at a verified target audience of the publishing house. Since 2001, *independent* and *online strategies* have emerged, which made it possible to satisfy customers' demand and at the same time diminish risks by reducing circulation.

Key words: publishing strategies, book market, Far East, publishing houses, crowdfunding, mixed strategies, competition, online strategies.

Гончарук Инна Алексеевна – ведущий специалист, Редакционно-издательский отдел Политехнического института Дальневосточного федерального университета, e-mail: inna-korrektor@mail.ru.

Inna A. Goncharuk – leading specialist of the Editorial and Publishing, Department, Polytechnical Institute FEFU.

ВВЕДЕНИЕ

Издательские стратегии – действия, направленные на воплощение миссии издательства, реализацию разработанной концепции, достижение поставленных целей, ранжирование приоритетов по степени важности планируемых результатов [Лизунова, Метельков, 2019, с. 19].

Выбор той или иной стратегии обусловлен экономическими и социокультурными условиями конкретного региона, в данном случае – Дальневосточного, которые сложились на определенном историческом этапе его развития. Применение издательских стратегий рассмотрено в ситуации перехода издательств и издающих организаций к рыночным методам хозяйствования и направлено на их выживание в конкурентной среде.

Основным учреждением в системе издательского дела является *издательство* – государственное, общественное, кооперативное, акционерное или частное предприятие, обладающее правом на издательскую деятельность, осуществляющее подготовку, выпуск и реализацию печатной продукции (книг, газет, журналов, нот, плакатов, электронных и комбинированных изданий и других видов продукции) на принципах самостоятельной коммерческой деятельности и в соответствии с требованиями государственных стандартов, или *издающая организация* – предприятие, учреждение, организация, обладающие правом на издательскую деятельность и ведущие ее главным образом ради собственных нужд [Современное отечественное и зарубежное издательское дело, 2008, с. 71].

Отслеживая путь реформирования книгоиздания из советского в постсоветское, А.М. Ильницкий делит исследуемый период на пять этапов: «перестройку» (1986–1991 гг.), отличавшуюся «половинчатыми» мерами; этап накопления (1991–1994 гг.), первый кризис и его последствия (1994–1995 гг.), этап укрепления (1995–1998 гг.), второй кризис, так называемый «дефолт» и его последствия (1998–2000 гг.), и современный этап (с 2001 г.) [Ильницкий, 2002, с. 12]. Данная периодизация относится в основном к концу XX в., а начало XXI в. будет рассмотрено нами ниже.

На практике потребовалось применение определенных издательских стратегий как инструмента, позволяющего издательству выйти на рынок и закрепиться на нем.

**ИЗДАТЕЛЬСКИЕ СТРАТЕГИИ
В ПЕРИОД ПЕРЕХОДА ОТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
К РЫНОЧНОЙ МОДЕЛИ КНИГОИЗДАНИЯ
НА РОССИЙСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ
(КОНЕЦ 1980-х – НАЧАЛО 1990-х гг.)**

В рассматриваемый период в результате расширения законодательства в сфере книгоиздания, а

именно перевода предприятий на самофинансирование, расширения прав и самостоятельности государственных издательств (1988 г.), отмены предварительной цензуры (1990 г.), закрепления права на выпуск книг за предприятиями любой формы собственности (1991 г.), прекратила действовать отлаженная десятилетиями централизованная система книгоиздания и книгораспространения, основанная на госзаказе. Это привело к тому, что все издательства приобрели реальную независимость от центральных и местных политических, государственных органов, ранее осуществлявших повседневной контроль за деятельностью издательств и тематикой выпускаемых ими изданий, явственной стала тенденция к резкому росту численности альтернативных негосударственных структур. Разгосударствление книгоиздания в 1990-е гг. в свою очередь способствовало возникновению многоукладной и многоуровневой системы «издательств различных форм собственности, масштабов деятельности, читательского назначения...» [Лизунова, 2013, с. 36].

Отказ от государственно-административных методов управления обществом и переход на экономические рычаги издательской деятельности стимулировали появление такой формы книгоиздательской деятельности, как *выпуск книг за счет средств авторов*. (В 2000-х гг. появилась иная форма – выпуск книг за счет читателей – *краудфандинг*.) В апреле 1988 г. Госкомиздат СССР разработал документ, регламентирующий выпуск изданий за счет средств авторов, и рекомендовал этот способ выпуска книг всем издательствам независимо от ведомственной подчиненности. Уже 7 февраля 1989 г. на заседании коллегии Госкомиздата СССР была обобщена практика издания книг за счет средств автора, в частности, решение коллегии и принятое новое Положение о выпуске произведений за счет автора существенно повлияли на дальнейшее развитие этого направления в издательской деятельности. Получила развитие практика привлечения к книгоиздательскому делу спонсоров: к примеру, в Благовещенске спонсорами издания книг местных авторов выступили Благовещенский сельскохозяйственный институт, Амурское отделение Российского фонда культуры, Амурское отделение Союза театральных деятелей, фирма «Амуртурист», ассоциация «Амурбампресса», фирма «Харбо», СМУ-1, трест «Дальвостуголь» и фирма «Восток» [Очерки книжного дела Сибири и Дальнего Востока, 2006, с. 319].

Однако на Дальнем Востоке процесс перехода к рыночному книгоизданию имел свои особенности, продиктованные таким фактором развития регионального книгоиздания, как *сформированность издательской системы региона в целом*, под которой понимается инфраструктура книгоиздательского дела,

состоящая из совокупности издательств и других предприятий и организаций, так или иначе вовлеченных в работу по выпуску книг, брошюр и другой печатной продукции в качестве равноправных ее участников. Эта система способна была отражать и удовлетворять информационные, научные, образовательные и иные потребности в книге общества в целом, а также различных социальных групп, слоев, объединений и отдельных граждан [Ленский, 2001, с. 8].

В отличие от Центра, где основную часть составляли частные издательства, в Дальневосточном регионе, наоборот, ведущую роль играли государственные и ведомственные издательства, особенно в национальных республиках, где издательства, выполняя госзаказ, выпускали нерентабельную социально значимую литературу. (Ведомственный сектор включает издательства вузов, научных организаций и других учреждений, при этом роль лидеров принадлежит издательствам вузов, численность и издательский потенциал которых в рассматриваемый период постоянно росли.) Специфику развития дальневосточного книгоиздания создает также удаленность региона от Центра, поэтому особое значение имел уровень развитости культурного центра, в котором создавалось издательство.

Во второй половине 1980-х гг. на российском Дальнем Востоке имелось 3 издательства и 3 их филиала, бывших до 1963 г. самостоятельными: Хабаровское издательство с Амурским областным отделением в Благовещенске, Магаданское и Дальневосточное (во Владивостоке) с Сахалинским и Камчатским отделениями. При этом по масштабам деятельности последнее, состоявшее из трех издательских центров, было весьма представительным: его финансовый оборот в ценах 1990 г. приближался к 3 млн руб. Кроме того, свыше 200 учреждений и организаций занимались издательской деятельностью самостоятельно. Ведомственные издающие организации выпускали в 1990-е гг. около 70 % числа названий и 20 % их общего тиража [Очерки книжного дела Сибири и Дальнего Востока, 2006, с. 331].

Наглядным примером воплощения *академической стратегии*, которая являлась частью *стратегии вывода на рынок нового продукта*, стали модификации в структуре дальневосточного научного книгоиздания: созданные на востоке страны в начале 1990-х гг. академические издательские ячейки к концу десятилетия превратились в лидирующие региональные предприятия по выпуску литературы научной тематики. Например, издательство «Дальнаука» ДВО РАН, образованное в 1991 г. с целью подготовки и выпуска научной литературы на собственной полиграфической базе, ежегодно к середине последнего десятилетия XX в. выпускало до 100–150 названий книг тиражом до 2 тыс. экз. каждая. Причем в струк-

туре книгоиздания 80 % занимала научная литература ДВО РАН и других научных учреждений и вузов Дальнего Востока, публиковались журналы и художественная литература. С середины 1990-х гг. издательство входило в число лидеров российского книгоиздания по количеству и качеству печатной продукции и, по данным Российской книжной палаты¹, указывалось в числе 100 ведущих издательств России, а среди научно-технических издательств страны занимало высокое 5-е место (2001 г.) [Лизунова, 2012].

В начале 1990-х гг. почти половину количества изданий и 6–10 % общего тиража книг за Уралом выпускали не издательства и распространяли не книоторги, а сами учреждения и организации [Гарева, 2006, с. 24]. Однако лидерами книгоиздания в этот период выступали вузы: в 1993 г. они издавали уже в 2 раза больше книг, чем НИИ (из 545 работ 355 принадлежало вузам, 190 – НИИ). Тогда же начался процесс создания предпринимательских структур на базе местных типографий, в том числе с целью печатать в них работы местных авторов. В 1990 г. Сахалинское и Камчатское отделения были переведены на самостоятельный баланс, что подорвало их финансовые возможности. Управление печати и массовой информации Приморского крайисполкома в декабре 1990 – июле 1991 г. преобразовало все 14 районных типографий края в государственные предприятия («Восток России», «Вангоу», «Слово», «Реал», «Гротеск» и т.п.). Чтобы сформировать у будущих малых предприятий собственную материально-техническую базу, Управление печати передало все здания, находившиеся до этого в совместной собственности районных газетчиков и полиграфистов, с балансов редакций газет на баланс типографий. В г. Уссурийске было учреждено ООО «Скопа», которому безвозмездно было передано некоторое количество типографского оборудования с Приморского полиграфкомбината и другое имущество². Все это делалось с целью коммерциализации полиграфической отрасли, и отношения между госзаказчиками и исполнителями переводились в денежную форму. По аналогичному пути власти пошли и в г. Благовещенске, где 16 августа 1989 г. Управление издательств, полиграфии и книжной торговли Амурского облисполкома создало собственное издательство «Районная газета», объединившее все редакции городских и районных газет Амурской области с целью использовать все возмож-

¹ В соответствии с указом Президента РФ от 09.12.2013 № 894 «О некоторых мерах по повышению эффективности деятельности государственных средств массовой информации» Российская книжная палата стала филиалом ФГУП «Информационное телеграфное агентство России (ИТАР-ТАСС)».

² Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. Р-1337. Оп. 1. Д. 549. Л. 8, 16–23, 26, 29, 41–42.

ности «большой» редакционно-издательской деятельности для выпуска неперIODических изданий в районах. Однако 29 декабря 1990 г. Упрполиграфиздат был вынужден ликвидировать издательство, ссылаясь на изменение своих функций и отсутствие средств на содержание такого издательства.

В 1990–1991 гг. среди произведений, выпускаемых издательствами Дальнего Востока, широким потоком к читателю шли книги в жанре фантастики и приключений – как переиздания столичных авторов, так и оригинальные повести, рассказы и романы дальневосточных авторов. В эти годы на порядок возрос выпуск российской художественной литературы за счет дальневосточных переизданий книг, запрещавшихся прежде цензурой. Стратегию дальневосточных издательств на этом этапе можно охарактеризовать как *литературно-художественную*, входящую в рамки *стратегии фокусирования, или узкой специализации* (она же может являться частью *стратегии вывода на рынок нового продукта*, – популярной для регионов стратегией, связанной с выпуском литературы краеведческой тематики).

Примером *литературно-художественной стратегии* является выпуск дальневосточными издательствами книг местных писателей. Дальиздат (Дальневосточное издательство Комитета по печати при Совете Министров РСФСР, основанное в 1963 г. на базе «Примиздата», корни которого уходят еще дальше – в 1945 г., объединило издательскую деятельность Приморского края, Сахалинской и Камчатской областей) выпустил антологию «Дальний Восток в поэзии современников» (1990 г.). Вышли книги прозаиков Е.В. Гропянова «В Камчатку», В. Едифанова «Серпантин», Р. Коренева «Собака – зверь домашний», Т. Чинаревой «Командир в полоску», В. Гейкера «Акашины берега», сказка «Хитрая Сайнака» в изложении Н. Дункай, вторая книга сказок народов Юго-Восточной Азии «Веер Тэнгу» (1991 г.). Однако книги местных писателей были низкорентабельными в период перехода к рыночным отношениям: последней книгой в серии «Молодая проза Дальнего Востока» стал сборник рассказов и повестей В.В. Илюшина «Первому встречному» (1990 г.), на рубеже советской и постсоветской эпох были изданы последние выпуски традиционных альманахов-ежегодников «Сахалин-91», «Приамурье мое – 1990», «Литературный Владивосток» (1990 г.), последний впоследствии был возобновлен, продолжалось издание художественно-популярной серии «Море и судьба».

Вместе с тем сегмент общественно-политической литературы в местных государственных издательствах стремительно сжимался. Например, «Дальиздат» в марте 1990 г. упразднил редакцию массово-политической литературы как литературы, не пользующейся повышенным спросом, договоры с ав-

торами были расторгнуты, книги из темплана исключены. В частности, была прекращена работа по переизданию известной книги воспоминаний В.Г. Болдырева «Директория. Колчак. Интервенция». В свою очередь, в Хабаровском книжном издательстве под разделом общественно-политической литературы стали выпускать научно-художественные и художественно-документальные переиздания, такие как книги В.И. Леви «Нестандартный ребенок» и В.Я. Цветова «Пятнадцатый камень сада Реандзи»³. К тому же, если в начале 1990-х гг. еще печатались книги, не рассчитанные на быструю реализацию (Н.К. Илюхов «Эхо приморских сопок»), то спустя полгода из печати появлялись только быстро расходящиеся политические и исторические издания: «Избранное» Н.С. Гумилева (Благовещенск), «Исповедь на заданную тему» Б.Н. Ельцина (Владивосток) и др. Из смежных разделов выпускалась немногочисленная литература по социальным и медико-просветительным темам – «Экология и экономика» Ф.Н. Рянского (Благовещенск), «Мужчина и женщина. Отношения полов» А.А. Логинова (Владивосток) [Посадсков, 2006].

В Хабаровском книжном издательстве (ведет свою историю от акционерного общества «Книжное дело», существовавшего в 1923–1931 гг. в Чите, которое в 1931 г. было преобразовано в Дальневосточное государственное книжное издательство «Дальгиз», а в 1953 г. реорганизовано в Хабаровское краевое книжное издательство) вышел в свет «Чевенгур» А. Платонова, в «Дальиздате» – «Жизнь и судьба» В. Гроссмана, «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина» В. Войновича, три тома «Архипелага ГУЛАГ» А. Солженицына, «Соседей не выбирают» Н.В. Курочкина, «Охота на красного волка» А.А. Воронкова (Благовещенск).

Примером воплощения *традиционалистской, или универсальной, стратегии* стал выпуск издательствами детской литературы.

Отличительной яркой особенностью первого постсоветского этапа [Ильницкий, 2002, с. 12] в развитии детского книгоиздания стало появление нового вида изданий – книжек-игрушек и новых жанров художественной литературы, остродефицитных в советский период: детские повести, романы, фантастика, стихи и рассказы, книги научно-познавательного, духовно-просветительного характера и др. Детская литература оставалась в региональных издательствах последней категорией книг, выпуск которых государство оплачивало как госзаказ (в 1990 г. к госзаказу была отнесена также справочная литература). Издательства, лишенные других дотаций, стара-

³ Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р-846. Оп. 2. Д. 274. Л. 16; 2; Ф. Р-1180. Оп. 1. Д. 120. Л. 21; Д. 123. Л. 37–38.

лись не просто выполнить, а перевыполнить госзаказ, повышая тиражи детских книг, включая в заказ внеплановые издания. В частности, так поступали Хабаровское и Дальневосточное издательства: вне плана во Владивостоке вышел в 1990 г. первый красочный фотоальбом «Город морской судьбы» (подробнее о выпуске краеведческой литературы, в частности историко-региональных фотоальбомов, см. в статье⁴, из которой можно сделать вывод, что выпуск сериальных и продолжающихся изданий представляет собой пример *смешанной стратегии* (литературно-художественной и краеведческой) и является характерным для дальневосточного книгоиздания).

К концу 1990-х гг. большинство государственных издательств исчезло с рынка детской литературы, на смену им пришли частные издающие организации: ИД «Приамурские ведомости» (Хабаровск) «Лукоморье» (Южно-Сахалинск), холдинговая компания «Новая книга» (Петропавловск-Камчатский) и др. Все они включили в свой издательский портфель выпуск книг для детей. Хотя в эти годы в Дальневосточном регионе предпринимались попытки создать издательства, выпускающие литературу исключительно для детской аудитории, однако и к началу 2000-х гг. специализированных постоянно действующих детских книжных издательств полного цикла в регионе не было. Исключение составил короткий период деятельности дальневосточного издательства детской и юношеской литературы «Амур» (1989–1996 гг.), не пережившего кризисов середины 1990-х гг.

«Амур» – дальневосточное издательство детской и юношеской литературы, просуществовавшее 7 лет и выпустившее в свет более 40 книг, 3 номера газеты «Форум-ДВ», около 10 номеров ежемесячной газеты «Публикатор», а также реализовавшее ряд проектов: 1) издание книг, авторами которых были дети от 6 до 16 лет из Хабаровска, Донецкой области Украины, Подмосковья, о. Сахалин; 2) публикация четырехтомника «Хоббит, или Туда и обратно» и трехтомника «Властелин колец» (Джон Рональд Ролд Толкин); 3) проект «Фант: Книжка-минутка для любителей фантастики, приключений и детективов» (на 16 страницах – 3-4 рассказа); 4) проект «Мир чудес: Альманах фантастики для детей и взрослых». Самым плодотворным для издательства оказался период с 1990 по 1993 гг. За это время было напечатано свыше 30 наименований книг тиражом от 25 тыс. до 300 тыс. экз. [Ремизовский, 2009].

⁴ Гончарук И.А. К вопросу об особенностях дальневосточного книгоиздания на рубеже XX–XXI веков // Программа и тезисы докладов и научных сообщений второй международной научной конференции. Владивосток, 2012. URL: <https://kzref.org/programma-i-tezisi-dokladov-i-nauchnih-soobshenij-vtoroj-mejdu.html?page=6> (дата обращения: 17. 08.2022).

СТРАТЕГИИ КНИГОИЗДАНИЯ НА РОССИЙСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (СЕРЕДИНА 1990-х – НАЧАЛО 2000-х гг.)

Этап творческого подъема в издательской деятельности закончился вместе с кризисами середины 1990-х гг.: рост цен на бумагу, расходные материалы, типографские и транспортные услуги негативным образом сказался на деятельности издательства «Амур», которое так и осталось единственным издательством за Уралом, специализирующимся на выпуске литературы для детей, подростков и юношества в постсоветский период.

Накануне кардинальных рыночных трансформаций детское книжное пространство Дальнего Востока формировали лидирующие государственные областные и краевые книжные издательства: Магаданское (1954–1998), Хабаровское (1963 г.), Дальневосточное (1963 г.), Сахалинское (1954–2008), а также Национальное книжное издательство – якутское «Бичик» (1926 г.). В постсоветские годы национальное книгоиздание в России полностью сместилось в регионы [Lizunova, 2016], поэтому перед региональными издательствами встала задача обеспечить литературой самой разнообразной тематики, в том числе ориентированной на детей, титульные и малочисленные народы Дальнего Востока. В новых экономических условиях рубежа XX–XXI вв. издание книг для детей малочисленных народов Дальнего Востока оказалось коммерчески невыгодным для действующих в регионе книжных издательств, отсюда резкое снижение их числа в постсоветские годы. По мнению И.С. Трояк [2006], «многое зависело как от энтузиазма самих издателей, так и желания местных властей поддерживать книгоиздание в своем регионе». Так как деятельность Национального книжного издательства «Бичик» Республики Саха (Якутия) регулируется Республиканской целевой программой государственной поддержки, оно наращивает издание книг самой разнообразной тематики, в том числе детской литературы на языках народов Сибири и Дальнего Востока (якутском, русском, эвенском, эвенкийском и юкагирском [Лизунова, Енгальчева, 2016]. Однако число издаваемых книг в регионах по сравнению с Центром было катастрофически малым: ежегодный выпуск детской книги в Дальневосточном федеральном округе в постсоветские годы в соотношении с общероссийским количеством изданий не превышал 1–2 % [Трояк, 2014]. Издание детской литературы на Дальнем Востоке находится на начальном этапе развития и зависит от многих факторов: финансовых предпочтений, почтовых и транспортных льгот, поддержки властей, конъюнктуры рынка.

В период 1991–1994 гг., называемый А.М. Ильницким этапом накопления, из 4 тыс. зарегистрированных в России издательств частные фирмы или из-

дательства со смешанными формами собственности составляли к августу 1992 г. чуть меньше половины, причем каждая четвертая книга в первом полугодии 1992 г. была выпущена негосударственными издательствами, а среди художественной и детской литературы – каждая третья [Майсурадзе, 1992, с. 6]. Непосредственно в Дальневосточном регионе в 1993 г. действовало 67 новых издательств, и если начиная с 1993–1994 гг. ситуацию в книжном деле России стали определять *частные* издательства, то для Дальневосточного региона дело обстояло далеко не так вследствие концентрации издательских мощностей преимущественно в столицах – Москве и Санкт-Петербурге. Такая тенденция тяготения книжного бизнеса к центральным районам, идущая из дореволюционного прошлого России, в советский период значительно усилилась, и это привело к тому, что к 1990–2000 гг. на долю остальной России приходилось не более трети общего выпуска в стране по числу названий книг и менее 10 % по тиражу [Ленский, 2007]. По сравнению с 1980-ми гг. в общем выпуске литературы значительно уменьшилась доля книжной продукции ведомственных учреждений (с 55,6 до 30,1 %), доля краевых, областных и республиканских издательств в выпуске книг тоже продолжала уменьшаться (с 29,7 % в 1988 г. до 18,5 % в 1993 г.), так как они с трудом вписывались в рыночные отношения, а задачи удовлетворения потребностей массового читателя перешли к *негосударственным* издательствам [Волкова, 2001, с. 50].

В период первого кризиса, с 1994–1995 гг. до середины 1996 г., в Сибири и на Дальнем Востоке получили лицензию 80 издательств, которые чаще всего создавались при каком-нибудь государственном или общественном образовании (вузе, НИИ, библиотеке, журнале, газете, полиграфическом предприятии и др.). Однако самыми активными участниками издательского процесса стали высшие учебные заведения [Волкова, 2001, с. 50], их роль усилилась в 1995–1997 гг. Лидерами издательского дела среди многих дальневосточных вузовских издательств страны являлись издательства Якутского государственного университета и Дальневосточного государственного университета. Таким образом, именно *вузовская стратегия*, которая была частью общей *стратегии вывода на рынок нового продукта*, выступала ранее и в настоящее время является определяющей для развития книгоиздания в Дальневосточном регионе.

В период 1995–1998 гг., определяемый А.М. Ильницким как этап относительного укрепления новой издательской системы, в целом по России продолжался рост числа издательств и издающих организаций. На начало 1998 г. было выдано более 11 тыс. ли-

цензий⁵, причем увеличение числа издательств шло преимущественно за счет *негосударственных* структур различных форм собственности: по статистике, частных издающих организаций на начало 1998 г. было 6054 [Делятицкая, 1999, с. 16]. За Уралом также продолжали возникать новые издательства, однако изменился характер таких издательских учреждений: чаще всего они создавались не самостоятельно, а при государственном или общественном образовании (вузе, НИИ, библиотеке и др.).

Получив первый опыт выживания на формирующемся медиа-рынке, региональные издательства стали искать новые возможности для укрепления своей финансовой базы и таким образом подошли к следующей ступени развития, присущей обостряющейся конкурентной борьбе – этапу объединения, или интеграции собственности. Именно вторая половина 1990-х гг. отмечена в региональной инфраструктуре книгоиздания концентрацией собственности, образованием крупных полиграфических предприятий, способных на значительные вложения в техническое обновление, финансирование смелых творческих проектов, вывод на рынок новых издательских проектов. Интеграция породила различные формы мультимедийных объединений (издательств с радио- и телекомпаниями), многоотраслевых холдингов (редакционно-издательских компаний с включением полиграфии и сети дистрибуции), альянсов (сосредоточение в одной компании всех этапов производства и распространения печатного и электронного контента).

В этот же период ситуация на книжном рынке меняется в сторону насыщения книжной продукцией, между издательствами возникает конкуренция, начинается процесс концентрации медиа-активов различных предприятий – издательств, типографий, структур по распространению печатной продукции и др. Вследствие этого многие издательства региональных вузов в эти годы трансформировались в многопрофильные издательско-полиграфические комплексы, дополнительно включившие в свою структуру книготорговые подразделения, так как функции создания, полиграфического исполнения и распространения книг несли вузам дополнительную финансовую выгоду. *Стратегия внешнего роста – горизонтальная*, предполагает слияние предприятий, действующих на одной и той же стадии производства, позволяет наращивать темпы собственного роста, сохранить и рас-

⁵ Количество полученных лицензий на право издательской деятельности было бы неверно рассматривать как показатель реальной издательской активности на той или иной территории, так как это были, скорее, декларации о намерениях, которые далеко не всегда воплощались в жизнь.

ширить их влияние на книжном рынке; *вертикальная – стратегия*, выражающаяся в установлении контроля над полиграфическим производством), характерна для конца 1990-х гг., когда слияния и объединения начались с появления первых многопрофильных издательско-полиграфических объединений, собиравших под крышей одной фирмы книжных, журнальных и газетных редакций либо путем возникновения на базе влиятельной газеты укрупненно-диверсифицированного издательского предприятия – издательского дома, печатного медиа-холдинга.

Примером *вертикальной стратегии* выступает создание в 1995 г. на базе Издательства ДВГУ (1983 г.) Издательско-полиграфического комплекса (ИПК), который, будучи крупнейшим издательско-полиграфическим предприятием за Уралом, предоставлял целый набор услуг – от издания монографий, научной, учебной, методической, справочной литературы, журналов и другой печатной продукции для обеспечения учебного процесса вузов, а также выпуска художественной, научно-популярной, научной литературы, журналов и другой печатной продукции для сторонних заказчиков до реализации литературы как собственного изготовления, так и других издательств. ИПК ДВГУ ежегодно выпускал до 300 наименований научной, учебной и методической литературы, университетскую газету «Дальневосточный университет», журналы «Азиатско-Тихоокеанский регион. Экономика. Политика. Право», «Известия Восточного института», «Фишка-Владивосток», альманахи «Молодой международник», «Власть книги: Библиотека. Издательство. Вуз» и др. Кроме того, ИПК располагал собственной сетью сбыта – торговыми точками в стенах нескольких корпусов университета и магазином «Университетская книжная лавка», при этом типография ИПК была оснащена современным оборудованием [Прудкогляд, 2010].

Еще одной медиа-компанией стал издательско-полиграфический комплекс «Дальпресс», образованный в 1987 г. на базе газетного издательства «Красное знамя». Первоначально созданный для печатания газет, он превратился в крупнейшую полиграфическую компанию региона, работающую со всеми субъектами ДФО. В частности, его давними партнерами являются хабаровский медиа-холдинг «Приамурские ведомости», Национальное издательство «Бичик» (Республика Саха (Якутия)), Холдинговая компания «Новая книга» (Петропавловск-Камчатский) [Кузьмина, 2007]. Как газетные комплексы создавались ИПК «Приамурье» в Благовещенске и медиа-холдинг «Якутия», преобразованный из ГУП «Национальная издательско-полиграфическая компания «Сахаполиграфиздат». Постепенно расширяя производство, они освоили новое направление деятельности – книгопечатание [Козин, 2006].

В качестве примера *горизонтальной стратегии* можно привести создание крупнейшего и наиболее успешного негосударственного издательства на Дальнем Востоке – хабаровского ИД «Приамурские ведомости», который появился в 1995 г. в результате структурной перестройки на базе редакции газеты «Приамурские ведомости» и сначала занимался выпуском проспектно-буклетной продукции, а через несколько лет превратился в ведущее издательство Дальнего Востока и вошел в пятерку лучших издательств России [Карпов, 2008, с. 45]. Другой хабаровский ИД – «Частная коллекция» – был основан в июле 1996 г. Приоритетными направлениями его деятельности стали выпуск и распространение краеведческих, исторических и учебных изданий. Это оказалось возможным благодаря созданию собственного полиграфического объединения и собственных точек распространения издательской продукции. Основной тематикой книг, выпускаемых ИД, является история развития Дальневосточного региона. Таким образом, можно говорить о *смешанных стратегиях* – сочетании нескольких стратегий, в данном случае – *стратегии внешнего роста* и *стратегии нового продукта (краеведческой)*.

В середине и второй половине 1990-х гг. заметные изменения произошли в группе самостоятельных издательств различных форм собственности: из тематических планов исчезла значительная доля развлекательной литературы, появились издательства, ориентированные на выпуск учебной, справочной, научной, краеведческой, религиозной, миниатюрной и иной книги, но возможности их маневров на книжном рынке были крайне ограничены, тиражи выпускаемых книг вынужденно малы, а полиграфические, торговые и транспортные издержки, напротив, очень велики. Поэтому доля их продукции в общей структуре дальневосточного книгоиздания являлась незначительной и без общего подъема экономической и социальной сфер в восточной части страны не имела шансов на существенный рост.

1998–2000 гг. ознаменовались вторым крупным кризисом – так называемым дефолтом, разразившимся в стране в августе 1998 г. Вновь региональное книгоиздание оказалось в негативной ситуации: сократился выпуск переводных изданий, прекратилось печатание тиражей на зарубежных полиграфбазах, снизился общий уровень качества книг. В конце 1990-х гг., после дефолта, деятельность ряда дальневосточных издательств и издающих организаций была прекращена. Такая же участь постигла предприятия, не имевшие регулярного финансирования и собственной полиграфической базы. Тем не менее, сократив тиражи, оптимизировав цены на продукцию и пересмотрев содержание книжного репертуара, дальневосточные издатели преодолели этот кризис,

однако число вновь возникших издательств в регионе в 1998–2000 гг. было незначительно.

К началу XXI в. *стратегии интенсивного роста и глубокого проникновения на рынок* исчерпали себя. Книжный рынок Дальневосточного региона продолжал формироваться под влиянием специфических и смешанных стратегий, выбор которых был обусловлен социально-политическими, экономическими и образовательными факторами развития сбалансированной многоукладной издательской системы. Это *стратегия вывода на рынок нового продукта*, включающая *стратегию фокусирования*, или *узкой специализации*, которая была рассчитана на то, что предприятие имеет выверенную аудиторию потребителей. Политика ориентации на спрос читателей и потребности рынка (узкую сегментированную аудиторию, выпуск издательской продукции определенного формата, периодичности, целевого назначения или характера информации) показала свои преимущества над конкурентами в определенном сегменте рынка. Издающие предприятия Дальнего Востока в поиске региональной идентичности стали опираться на местную специфику, которая нашла воплощение в *краеведческой стратегии* – выпуске музеями, библиотеками, архивными и другими учреждениями культуры краеведческой литературы [Гончарук, 2016].

Основная часть региональной литературы – историко-краеведческие издания, социально значимые труды, выпускаемые за счет государственной поддержки, грантов, спонсоров, федеральных и региональных целевых программ. Однако участие Дальневосточного региона в федеральной целевой программе «Культура России»⁶ колебалось на уровне от одной сотой до одной десятой процента: Республика Саха (Якутия) – из 2142 профинансировано 13 (0,607 %), Приморский край – из 4450 – 4 (0,090 %), Хабаровский край – из 4912 – 2 (0,041 %), профинансированных изданий не было в областях: Камчатской (771 выпущенное издание), Амурской (665 изданий), Магаданской (539 изданий), Сахалинской (503 издания) [Солоненко, 2012]. Краеведческая тематика – «это фактически единственный доступный и перспективный в плане занятости сегмент рынка, в котором местные издатели могут реализовать себя» [Лизунова, 2013, с. 96]. Например, в Хабаровском краевом музее им. Н.И. Гродекова, при котором в

2001 г. был создан отдел научных изданий, регулярно издаются: 1) материалы научно-практических конференций «Гродековские чтения», где аккумулируются работы музейной направленности не только жителей Хабаровска, но и авторов со всего российского Дальнего Востока, а также ученых и музейных специалистов из западных регионов страны, зарубежных исследователей; 2) сборники «Записки Гродековского музея»; 3) «Музейные вести», выходящие ежеквартально, – у них обширная география распространения и немалый общественный резонанс; 4) сборник Приамурского историко-родоведческого общества, в котором публикуются авторы из Хабаровска, Владивостока и других городов.

На рубеже XX–XXI вв. вместе с ростом мощностей дальневосточных издательских предприятий усилилась их активность, однако наряду с расширением ассортимента книг в регионе преобладали небольшие средние тиражи, что объяснялось, с одной стороны, стремлением издателей максимально удовлетворить целевой покупательский спрос с помощью *диверсификации производства* (имеется в виду расширение ассортимента выпускаемой продукции, освоение новых видов производств, появление цифровой, офсетной, широкоформатной, трафаретной печати, внедрение сувенирного производства и дополнительных услуг), а с другой – желанием снизить риски за счет уменьшения тиражей и объемов. Удовлетворить эти требования призвана издательская *онлайн-стратегия*, о которой речь пойдет ниже.

В этот период возникло новое направление в книгоиздании – *краудфандинг* – публикация книг, газет и журналов за счет читателей, альтернативный способ финансирования издательских проектов через интернет-сервисы как часть культурного феномена – альтернативного книгоиздания, основу которого составляют различные направления издательской деятельности: 1) традиционный «самиздат» – издания, которые печатаются в авторской редакции самостоятельно, на свои или привлеченные средства. В этом факте отражается отсылка к началу 1990-х гг., когда получила развитие практика привлечения к книгоизданию спонсоров. Согласно Положению о выпуске произведений за счет автора, принятому Приказом Госкомиздата СССР от 7 февраля 1989 г., право на выпуск таких изданий было предоставлено практически всем организациям, имеющим разрешение на издательскую деятельность. Одним из пунктов приказа предусматривалось, что выпуск печатной продукции за счет средств автора будет считаться «одним из показателей при подведении итогов социалистического соревнования» [Ленский, 2001]; 2) независимое книгоиздание (производство инди-издательствами некоммерческой, малотиражной литературы (в том чис-

⁶ Федеральная целевая программа книгоиздания была утверждена 3 августа 1992 г. на период 1993–1995 гг., а затем получила продолжение (1996–2001 гг.). В последний год действия этой программы стала разрабатываться ФЦП «Культура России» (2001–2005 гг.), а в ее рамках – подпрограмма «Поддержка полиграфии и книгоиздания России на 2002–2005 гг.». То же самое – спустя 4 года (на период 2006–2011 гг.). В итоге за 6 лет в ней участвовало 55 регионов и было профинансировано 3650 изданий.

ле «самиздата»), ориентированной на ограниченный читательский спрос – одна из стратегий, применяемых региональными, в том числе дальневосточными, издательствами; 3) экспансия самопубликующихся авторов – «электронный самиздат» – выпуск собственных произведений без участия издательства через цифровые сервисы [Лизунова, Савенко, 2018] (*онлайн-стратегия*). По словам директора издательства «Фантаверсум» А. Антоновой, «краудфандинг вполне можно рассматривать как альтернативу высокорискованному офсету, по крайней мере для малых издательств. Ведь он позволяет выпускать тысячами тиражами только те книги, на которые уже определен спрос. И после того, как он определен» [Лизунова, Савенко, 2018].

Кризис в экономике 2008–2009 гг. вызвал снижение количества выпускаемой региональными издательствами продукции; так, если в 2010–2011 гг. столичные издательства наращивали количество выпускаемых названий, то в региональных издательствах, наоборот, этот показатель с каждым годом уменьшался [Александрова, 2014, с. 96–97]. По данным Российской книжной палаты, в 2010–2014 гг. объемы регионального книгоиздания выросли незначительно: увеличение составило не более 35 % по названиям, показатели по тиражности остались прежними. Данные, приведенные И.В. Лизуновой, наглядно демонстрируют, что в течение всей истории российского книгоиздания наблюдается территориальная диспропорциональность издательского бизнеса [Лизунова, 2013, с. 289–290], а это негативно влияет на функционирование книжного рынка, замедляет создание цивилизованной развитой инфраструктуры издательского дела, «тормозит, а зачастую и подавляет стабильное функционирование регионального книгоиздания, в том числе местных издательств...» [Лизунова, 2013, с. 41].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Расширение законодательных основ книгоиздания в 1990-х гг. оказало большое влияние на формирование новой инфраструктуры книжного рынка: акцент в книгоиздательской деятельности сместился с выполнения издательствами и издающими организациями госзаказов на получение прибыли, продвижение издательской продукции. Но так как процесс развития книгоиздания на Дальнем Востоке шел с опозданием, то столичные издательства имели преимущество первыми выйти на рынок, используя *универсальные издательские стратегии*, которые предполагали применение методов агрессивного маркетинга, направленных на увеличение размера или объема продаж; *стратегию конкуренции*, позво-

ляющую мобильно реагировать на трансформацию рынка, когда в зависимости от спроса и предложения возможен был запуск нового печатного продукта; *стратегию выхода на новый рынок*, означавшую различные способы вступления в мультинациональные коммерческие операции, включающие экспорт, лицензирование, создание совместных предприятий и дочерних компаний. Укрепив свои позиции на рынке, издательства стали использовать *стратегию внешнего роста*, выразившуюся в установлении контроля, слиянии и поглощении более мелких издательств, выстраивании договорных отношений с полиграфическими и книготорговыми предприятиями.

Издательские стратегии играют определяющую роль в конкурентной борьбе между книгоиздательскими структурами. Сложившиеся на дальневосточном книжном рынке издательские стратегии были предопределены той исторической ситуацией, в которой развивался региональный рынок, а именно, политическим, экономическим и социокультурным развитием инфраструктуры Дальневосточного региона. Поскольку книгоиздательская деятельность на Дальнем Востоке России в рассматриваемый период оказалась сосредоточена в вузах и научно-исследовательских учреждениях, выпускающих литературу малыми тиражами для «узких» специалистов, дальневосточные издательства «закрывали» нишу, в которой они сохраняли и преумножали свои конкурентные преимущества. Для того чтобы обеспечить высокие темпы роста, издательства Дальнего Востока использовали *стратегию вывода на рынок нового продукта*, или стратегию фокусирования (*узкой специализации*), включающую *краеведческие* (большинство издающих организаций: музеи, архивы, библиотеки и другие госучреждения, издательства); *академические* (научное академическое книгоиздание); *вузовские* (издательства вузов – лидеров регионального книгоиздания); *литературно-художественные*; *традиционалистские*, или *универсальные* (рассчитанные на массовую аудиторию: поддержание литературного канона, семейных библиотек); *инди-* (независимые издатели) и *онлайн-стратегии* (цифрового будущего).

Таким образом, в период перехода от государственной к рыночной модели книгоиздания дальневосточными издательствами использовались *литературно-художественная, академическая, традиционалистская, или универсальная, стратегии*; в постсоветский период применялись *вузовская стратегия, стратегия внешнего роста, стратегия вывода на рынок нового продукта*, включающая *стратегию фокусирования*, или *узкой специализации*, в частности *краеведческую*, а также *инди- и онлайн-стратегии*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Александрова Н.О. Регионы на книжном рынке России // Книжная культура региона: исторический опыт и современная практика: материалы III Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. (Челябинск, 23 апр. 2014 г.). С. 92–97.

Волкова В.Н. Книгоиздание российских регионов в конце XX столетия (на материале Сибири и Дальнего Востока) // Книга: Исслед. и материалы. М.: Терра, 2001. Сб. 78. С. 47–50.

Гареева И.В. Сибирская книга и рынок: издательское дело Сибири в 90-е гг. XX – начале XXI в. // Книга в эпоху общественных трансформаций: этапы и итоги развития книжной культуры на востоке России в 60-е гг. XX – начале XXI века: сб. науч. тр. по итогам выполнения проекта РГНФ № 05-01-01426а в 2007 г. Новосибирск, 2006. С. 19–52.

Гончарук И.А. К вопросу об издательской деятельности музеев, архивных учреждений и библиотек Дальнего Востока России // Вестн. РГГУ. Сер. Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность. 2016. № 2 (4). С. 113–123.

Делятицкая А.В. Основные тенденции развития и проблемы книгоиздания в современных условиях // Состояние и перспективы развития книгоиздания в Российской Федерации: межвед. сб. науч. тр. М.: Изд-во МГУПИ, 1999. С. 16.

Егоров А.В. Не изменяя выбранному пути // Печатный двор – Дальний Восток России. 2006. № 6. С. 49–51.

Ильицкий А.М. Книгоиздание в современной России. М.: Вагриус, 2002. 52 с.

Карпов А.А. Успехи Издательского дома «Приамурские ведомости» // Региональное книгоиздание в России: сб. науч. тр. / отв. за вып. В.К. Солоненко. М., 2008. С. 85–88.

Козин В.Д. Мы плывем по бурному морю // Печатный двор – Дальний Восток России. 2006. № 6. С. 26–28.

Кузьмина Н.И. Лидеру полиграфии на Дальнем Востоке – 20 лет! // Печатный двор – Дальний Восток России. 2007. № 7. С. 38–39.

Ленский Б.В. Книгоиздательская система современной России. М.: Наука, 2001. 206 с.

Ленский Б.В. Российское книгоиздание в начале нового века // Грани книжной культуры: сб. науч. тр. к юбилею Научно-го центра исследований истории книжной культуры. М., 2007. С. 103–118.

Лизунова И.В. Медиапространство российского региона: книга, пресса, радио, телевидение, интернет (на примере Сибири и Дальнего Востока 1991–2011 гг.): монография. Новосибирск: СГГА, 2013. 299 с.

Лизунова И.В. Структурная трансформация книгоиздательской индустрии Сибири и Дальнего Востока в 1990-е гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 4. С. 78–81.

Лизунова И.В., Енгальчева Е.В. Издание детской литературы: российские тренды и региональная специфика // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. № 3. С. 95–100.

Лизунова И.В., Метельков А.С. Издательские стратегии XXI в.: универсальные, специфические, смешанные // Книжное наследие и культура. 2019. № 4. С. 19–26.

Лизунова И.В., Савенко Е.Н. Современное альтернативное книгоиздание: общая характеристика и тенденции развития // Вестн. КАЗГУКИ. 2018. № 4. С. 22–30.

Майсурадзе Ю.Ф. Десять мифов российского книгоиздания // Книжное обозрение. 1992. № 34. С. 6.

Очерки книжного дела Сибири и Дальнего Востока: в 5 т. Новосибирск: ГИИТБ СО РАН, 2006. Т. 5: 1963–1991 гг. / отв. ред. А.Л. Посадсков. 535 с.

Посадсков А.Л. Государственные издательства на Дальнем Востоке в условиях перестройки (1985–1991 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2006. № 3. С. 40–45.

Прудкогляд Т.В. Концепция развития издательско-полиграфического комплекса ДВФУ. Владивосток, 2010. 17 с.

Ремизовский В. «Амур»: история издательства детской и юношеской литературы // Печатный двор – Дальний Восток России. 2009. № 9. С. 38–39.

Современное отечественное и зарубежное издательское дело / сост. А.В. Зарубин; под ред. Т.В. Поповой. Екатеринбург: УГТУ–УПИ, 2008. 112 с.

Солоненко В.К. Государственная поддержка книгоиздания. Итоги 2006–2011 гг. // Университетская книга. 2012. № 3. С. 24–29.

Трояк И.С. Выпуск детской литературы для коренных малочисленных народов Дальнего Востока в конце XX – начале XXI в. // Книжная культура народов Сибири и Дальнего Востока на рубеже XX–XXI веков: сб. науч. тр. Новосибирск, 2014. С. 191–201.

Lizunova I.V. National book publishing in Siberia and the Far East at the turn of XX–XXI centuries: current state and prospects of development // European Journal of Scientific Research. 2016. № 1 (13) (January–June). P. 237–244.

REFERENCES

Aleksandrova N.O. (2014). Regions on the Russian book market. *Knizhnaya kul'tura regiona: istoricheskiy opyt i sovremennaya praktika: materialy III Vseros. (s mezhduнар. uchastiem) nauch. konf.* Chelyabinsk, pp. 92–97. (In Russ.)

Volkova V.N. (2001). Book publishing in Russian regions in the late XX century (based on Siberia and the Far East). *Kniga: issledovanie i materialy*. Moscow. Vol. 78, pp. 47–50. (In Russ.)

Gareeva I.V. (2006). Siberian book and market: Siberian publishing in the 1990s. The XX – early XXI centuries. *Kniga v epokhu obshchestvennykh transformatsiy: etapy i itogi razvitiya knizhnoy kul'tury na vostoке Rossii v 60-e gg. XX – nachale XXI veka: sb. nauch. tr. po itogam vypolneniya proekta RGNF 05-01-01426a v 2007 g.* Novosibirsk, pp. 19–52. (In Russ.)

Goncharuk I.A. (2016). On the issue of publishing activities of museums, archival institutions and libraries of the Russian Far East. *Vestnik RGGU. Seriya: Dokumentovedenie i arkhivovedenie. Informatika. Zashchita informatsii i informatsionnaya bezopasnost'*. No. 2, pp. 113–123. (In Russ.)

Delyatitskaya A.V. (1999). The main development trends and problems of book publishing in modern conditions. *Sostoyanie i perspektivy razvitiya knigoizdaniya v Rossiiskoy Federatsii: mezhved. sb. nauch. tr.* Moscow, p. 16. (In Russ.)

Egorov A.V. (2006). Without changing the chosen path. *Pechatnyy dvor – Dal'niy Vostok Rossii*. No 6, pp. 49–51. (In Russ.)

Ilyitskiy A.M. (2002). Book publishing in modern Russia. Moscow, Vagrius, 52 p. (In Russ.)

Karpov A.A. (2008). Successes of Publishing House “Priamurskiye Vedomosti”. *Regional'noe knigoizdanie v Rossii: sb. nauch. tr.* Moskva, pp. 85–88. (In Russ.)

Kozin V.D. (2006). We're sailing on a stormy sea. *Pechatnyy dvor – Dal'niy Vostok Rossii*. No. 6, pp. 26–28. (In Russ.)

Kuz'mina N.I. (2007). The leader of the printing industry in the Far East is 20 years old! *Pechatnyy dvor – Dal'niy Vostok Rossii*. No. 7, pp. 38–39. (In Russ.)

Lenskii B.V. (2001). Formation of non-state book publishing in Russia. 1987–1993. Moscow, Nauka, 206 p. (In Russ.)

Lenskii B.V. (2007). Russian book publishing at the new century start. *Gрани knizhnoy kul'tury: sb. nauch. trudov k yubileyu Nauch. tsentra issledovaniy istorii knizhnoy kul'tury*. Moscow, pp. 103–118. (In Russ.)

Lizunova I.V. (2013). Media space of the Russian region: book, press, radio, television, Internet (a case of Siberia and the Far East, 1991–2011). Novosibirsk, SGA, 299 p. (In Russ.)

Lizunova I.V. (2012). Structural transformation of the book publishing industry in Siberia and the Far East in the 1990s. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. No. 4, pp. 78–81. (In Russ.)

- Lizunova I.V., Engalycheva E.V. (2016). Publication of children's literature: Russian trends and regional specifics. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. No. 3, pp. 95–100. (In Russ.)
- Lizunova I.V., Metel'kov A.S. (2019). Publishing strategies of the 21st century: universal, specific, mixed. *Knizhnoe nasledie i kul'tura*. No 4, pp. 19–26. (In Russ.)
- Lizunova I.V., Savenko E.N. (2018). Modern alternative book publishing: general characteristics and development trends. *Vestnik KAZGUKI*. No 4, pp. 22–30. (In Russ.)
- Maisuradze Yu.F. (1992). Ten myths of Russian book publishing. *Knizhnoe obozrenie*. No 34, p. 6. (In Russ.)
- Posadskov A.L. (ed.). (2006). Essays on the book business of Siberia and the Far East. Vol. 5. 1963–1991 gg. Novosibirsk, GPNTB SO RAN, 535 p. (In Russ.)
- Posadskov A.L. (2006). State Publishing Houses in the Far East under Perestroika (1985–1991). *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. No 3, pp. 40–45. (In Russ.)
- Prudkoglyad T.V. (2010). The concept of development of the publishing and printing complex of FEFU. Vladivostok, 17 p. (In Russ.)
- Remizovskiy V. (2009). "Amur": the history of the publishing house of children's and youth literature. *Pechatnyy dvor – Dal'niy Vostok Rossii*. No 9, pp. 38–39. (In Russ.)
- Popova T.V. (ed.), Zarubin A.V. (comp.) (2008). Modern domestic and foreign publishing. Ekaterinburg, UGTU–UPI, 112 p.
- Solonenko V.K. (2012). State support for book publishing. Results of 2006–2011. *Universitetskaya kniga*. No. 3, pp. 24–29. (In Russ.)
- Troyak I.S. (2014). Issue of children's literature for the indigenous peoples of the Far East in the late XX – early XXI centuries. *Knizhnaya kul'tura narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka na rubezhe XX–XXI vekov: sb. nauch. tr.* Novosibirsk, pp. 191–201.
- Lizunova I.V. (2016). National book publishing in Siberia and the Far East at the turn of XX–XXI centuries: current state and prospects of development. *European Journal of Scientific Research*. No. 1, pp. 237–244.

Статья поступила в редакцию 14.03.2022

Дата рецензирования 12.06.2022

Статья принята к публикации 15.08.2022

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

DOI: 10.15372/HSS20220308
УДК 94:72(470)“14”

А.В. ЗАБЕЛИН

СИМВОЛИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СТРОИТЕЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ ИВАНА III

Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет,
РФ, 630008, г. Новосибирск, ул. Ленинградская, 113

В статье предпринят историко-искусствоведческий анализ строительной программы Ивана III. Источниковую основу исследования составили введенные в научный оборот делопроизводственные, архитектурные и религиоведческие материалы. Изучаются характер и объемы частного меценатства европейских правителей XV в., формы государственного представительства и патронажа эпохи Ренессанса. Рассматриваются заимствования и переработки образцов, покровительство архитекторов «нового профессионализма». Обсуждается дилемма «светского и религиозного» в характере великого князя. Автор приходит к выводу об индивидуальных чертах его строительной программы: великий князь был меценатом средневекового типа, а черты Нового времени проявились под влиянием Софии Палеолог и ее окружения; только вторая половина программы имеет сходство с европейскими аналогами. Разработана типология строительной программы на основе пяти символических семейств: «уважение к памяти, деяниям и славе предков», «почет патрональному святому», «обет и благодарение Богу», «Москва – Третий Рим», «забота о загробной жизни». Составлена сводная таблица по 39 строительным объектам.

Ключевые слова: Иван III, строительная программа, меценатство, Аристотель Фиораванти, новый профессионализм, Ренессанс, Новое время.

A.V. ZABELIN

THE SYMBOLIC FEATURES OF IVAN III'S BUILDING PROGRAM

Novosibirsk State University of Architecture and Civil Engineering,
113, Leningradskaya str., Novosibirsk, 630008, Russian Federation

The article discusses the issue of the building program by Ivan III and its place in the art history. To do this the author correlates Ivan's personality and the list of his architectural works. The issue is studied not in frames of archaeology, but in terms of anthropology, that requires the typological approach application. The author relies on published architectural and religious materials to identify the types-symbols inherent in the Grand Duke's building activities.

Firstly, the paper studies the character and objects of private patronage of such XV century European rulers as bishop of Rome Nicholas V, Cosimo de' Medici, Francesca Sforza, Jan Zamoyski and others. Many of them needed the state representation effective forms. Therefore, the arts patronage developed more actively during the Renaissance.

Артеми́й Викторович Забелин – бакалавр архитектуры, магистр философии, аспирант Новосибирского государственного архитектурно-строительного университета, e-mail: zabelin90artyom@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6949-8201>

Artemiy V. Zabelin – Bachelor of Architecture, Master of Philosophy, postgraduate student of Novosibirsk State University of Architecture and Civil Engineering.

Then the author turns directly to the activities of Ivan III; notes both possible borrowings and explicit recycling samples of building programs. For example, Ivan III was the patron of architects, who were parts of the New Professionalism in the Renaissance. The Russian ruler invited such architects as Aristotle Fioravanti, Aloisio the Old, Aloisio the New, Antonio Gislaridi, Marco Ruffo and Pietro Antonio Solari. They were all representatives of a Renaissance type architect of the post-classical history.

The fact of these Italians invitation brought the author to the dilemma of the Grand Duke's religious and secular character. It was impossible to bypass it as Ivan III was very different from the patrons mentioned above. First of all, he was far from the Renaissance humanism.

The paper concludes that Ivan's building program has a number of unique features: its first half is medieval in style, but by design repeats the new modern trend to represent spectacularly the new power; all architectural objects are full of religious meaning, but, at the same time, it is a common case of typically secular ambitions of the ruler. Sophia Palaiologina and her entourage reinforced the influence of features of the post-classical history in her husband's program. Therefore, the author considers that only the program's second half should be regarded equal to its European counterparts.

The five symbolic families ("Respect to the memory, deeds and glory of ancestors", "Honor to the patron Saint", "Vow and thanksgiving to God", "Moscow is the third Rome", "Care for the afterlife") are the base of the building program typology. Thirty-nine architectural works are compiled at the summary table.

Key words: Ivan III, building program, patronage, Aristotle Fioravanti, New Professionalism, Renaissance, Early modern period.

ВВЕДЕНИЕ

Одной из самых загадочных страниц истории архитектуры России был период правления Ивана III. Уже много поколений ученых пишут о сооружениях итальянцев в Московии. Однако исчерпать тему архитектуры Ивана III в контексте рождения поствизантийского мира удастся еще не скоро. Она будет интересна как для отечественной, так и для зарубежной науки¹. Строительная программа Ивана III остается малоизученной, несмотря на обширную литературу по данному вопросу. Мы знаем о ней из открытий в истории и археологии, но все они носят фрагментарный характер и не позволяют представить строительную деятельность Ивана III как систему. Поэтому в данном исследовании ко всем 39 строительным объектам программы был применен метод «символической типологизации», согласно которому архитектура этой программы рассматривается с учетом взаимодействия мецената и архитектора. Данный способ упорядочения объектов и интерпретации их религиозного и идеологического значения основывается на текстах Библии, анализе летописей из книги Н.С. Борисова «Иван III», а также на специальных исследованиях историков, архитекторов, искусствоведов и философов.

В XV–XVI в. многие правители создавали строительные программы [Anderson, 2013, p. 176]. Идея «частного меценатства» или «покровительства» была рождена в Италии вместе с «воскресением» античных идеалов. Сам термин «меценат» (*ит.* *meценate*, *фр.* *mécène*, *исп.* *mecenas*) указывает на человека, обладающего властью или ресурсами, который «покровительствует», т.е. поддерживает творческую деятельность тех или иных писателей и художников. Как и в Средние века, в XV в. идеалом многих меценатов был образ римского императора. Например, образцом

для подражания мог быть Константин I – основатель христианской архитектуры [Gilbert, 2005]. Среди создателей строительных программ Ренессанса особенно выделялись папа Николай V, Козимо Медичи и Франческа Сфорца. Именно они были патронами архитекторов так называемого нового профессионализма, которые работали во Флоренции и Милане: Брунеллески, Альберти, Филарете и др. [Забелин, 2021]. Процесс «перемещения культур» привел к тому, что правители Восточной Европы стали подражать итальянскому меценатству. К примеру, король Венгрии Маттиас Корвин (правил в 1448–1490 гг.) и его преемник Владислав II (1471–1516) покровительствовали строительству в итальянской манере. Тем же занимались и польские короли: Александр (правил в 1501–1506 гг.) и Сигизмунд I (правил в 1506–1548 гг.). Прозванный «польским Медичи» канцлер Ян Замоиский (1542–1605) создал строительную программу идеального города Замостье [Дмитриева, 2015, с. 160]. Все упомянутые программы объединяла задача легитимации власти с помощью визуальных видов искусства. Иными словами, все строительные программы светских правителей XV–XVI в. служили формой государственного представительства.

Однако мода на меценатство не означала, что правители обязательно покровительствовали «новому профессионализму». Спрос на архитекторов, которые возрождали древнеримское зодчество, был относительно невелик.

Причин оказалось несколько. Во-первых, «новый профессионализм» – это деятельность архитекторов классицизма XV–XVI вв., а господствующее в европейской архитектуре кватроченто принадлежало не ему, а позднеготической традиции строительства, которую формировал так называемый старый профессионализм. Согласно Уилкинсон Зернер, архитекторы «нового профессионализма» охотно приняли «разрыв между архитектором и ремесленником» (*a gap between the architect and the craftsman*). В 1450 г. этот разрыв описал Альберти, а XVI в. он

¹ В частности, о восточноевропейском пути архитектуры позднего Средневековья в Новое время писали М.Э. Дмитриева [2015] и Д.О. Швидковский [2016].

распространился по всей Италии, и преодолеть его было уже невозможно, ожесточенные споры о компетентности происходили между сторонниками «свободных и механических искусств» (*the liberal and the mechanical arts*) [Wilkinson, 1977, p. 130].

Во-вторых, как было установлено К. Андерсон, строительные программы эпохи Ренессанса разрабатывались разными путями. Например, строительная программа короля Португалии Жуана I (1358–1433), а затем Дуарте I (правил в 1433–1438 гг.) включала мастеров готики, т.е. представителей «старого профессионализма». Строительная программа султана Османской империи Мехмеда II (правил в 1446–1481 гг.) развивалась по пути исламской традиции архитектуры [Anderson, 2013, p. 3, 23–26]. Таким образом, в строительной деятельности правителей XV в. были не только сходные, но и отличительные черты.

МЕСТО СТРОИТЕЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ ИВАНА III В ИСТОРИИ АРХИТЕКТУРЫ

Как известно много исследований посвящено отдельным зданиям – памятникам архитектуры XV в., но представление об индивидуальных особенностях строительной программы Ивана III (правил в 1462–1505 гг.) отсутствуют. Прежде всего, мы рассмотрим связь его политики со строительством, а затем остановимся на эстетико-символических аспектах самой программы.

Следует ли относить строительную программу Ивана III, как и его сына Василия III (правил в 1505–1533 гг.), к архитектуре итальянского Ренессанса? Или, точнее, «нового профессионализма»? Представители «старого профессионализма» строили для правителей в духе теократии и теоцентризма. Адепты «нового профессионализма», увлеченные язычеством, строили для правителей с учетом норм «раннего секуляризма» [Гура, Давыденкова, 2018, с. 5]. Но был Иван III религиозным или светским правителем? Несомненно, Иван III придавал большое значение архитектуре как средству легитимации власти и как форме государственного представительства. Такую архитектуру ему могли спроектировать только представители «нового профессионализма». Однако, когда Иван III объединял земли и строил храмы и дворцы, он согласовывал свои действия с церковным календарем. В этом проявлялось его «чувство религиозной ответственности» за свое дело [Борисов, 2018, с. 82]. Он стремился сделать свою строительную программу «удобной в очах Господних»². Сложная дилемма «светского и религиозного» в характере Ивана Великого вынуждает рассматривать факты его меценатства с нескольких сторон.

С одной стороны, все сооружения, возведенные на средства Ивана III, были «мемориальными», т.е. строительная программа должна была сохраниться в памяти государства. По словам Н.С. Борисова, эти сооружения «создают иллюзию бессмертия» диктатора. Строительные объекты Ивана III символичны, так как «являются важным элементом тех сложных отношений ... с Богом» [2018, с. 507–508]. И пожертвования на строительство сами по себе еще не следуют из влияния «перемещения» итальянской культуры (предки Ивана III тоже строили храмы и крепости). Но идея создания памятника событию укоренена уже в Ветхом Завете. Поэтому, когда Иван III слушал чтение о «Лестнице Иакова»,³ он воспринимал эту историю применительно к себе. Факты об объектах строительной программы свидетельствуют, что Божии обетования Иван III воспринимал на личном уровне, а обеты Иакову – как свои собственные. По выражению Н.С. Борисова, фигура этого великого князя обладает «таинственным ветхозаветным величием» [2018, с. 10].

С другой стороны, Иван III не увлекался меценатством как вышеупомянутые правители, а подготавливал почву для развития активной торговли по всей Руси. К.С. Бельский пишет, что финансирование на Руси XV–XVI вв. «строго контролировалось властью, так как приносило казне большие доходы» [2020, с. 87]. То же писал барон Сигизмунд Герберштейн [2008, с. 90]. Согласно Н.С. Борисову, Иван III на основе «быстрорастущей бюрократии» создал великолепную «систему управлению войском» [2018, с. 285]. Дж. Флетчер засвидетельствовал, что Иван III «обращался к боярскому совету ежедневно, особенно по финансовым вопросам» [Бельский, 2020, с. 10]. В бюрократии входили руководители приказов, которые на бумаге отчитывались о затратах на военные дела, строительство и внешняя политика.

Иван III был очень бережлив, когда дело касалось найма иностранцев. Яркий пример – случай его финансовой проделки. Возвращая итальянца Тревициана его покровителю – венецианскому дожу Никколо Трона, Иван III вручил перед дорогой провинившемуся послу 70 руб., но в сопроводительном письме написал, будто дал 700 [Борисов, 2018, с. 295–296]. Венецианский дож заплатил за своего посла лишние 630 рублей (позже Иван III платил итальянскими деньгами своему первому чужеземному архитектору – Аристотелю Фиораванти). Известны и другие примеры бережливости правителя. Зачастую он переносил тяжесть финансовых расходов на духовенство.

² Пар 34:2.

³ Быт 28:12–22.

Митрополита Филиппа он уговорил оплатить строительство первого Успенского собора, который «мастерили» Кривцов и Мышкин [Борисов, 2018, с. 300–301]. Пополнение государственной казны осуществлялось в основном за счет налогообложения крестьян [Бельский, 2020, с. 84]. Дополнительные средства взимались с «золотой курицы» – Новгорода, союзной Казани и подчиненной Вятки [Борисов, 2018, с. 285, 390, 354].

Иван III положил начало русской традиции – приоритетному финансированию армии и военной промышленности. Строительство крепостей и храмов осуществлялось в этом русле его политики. Внешняя политика Ивана III, особенно посольствам и строительству дворцов, отражала еще одну форму государственного представительства.

Мы снова возвращаемся к дилемме «светского и религиозного» в характере политики Ивана III. Строка расходов на строительство была в ней второй по приоритетам. Эстетика средневекового христианства в своей основе связана с символикой. Иван III был готов «тратить колоссальные деньги и непомерные силы на символы» [Борисов, 2018, с. 507]. А.В. Пустовита заметил, вся средневековая христианская культура, в частности ее эстетика, символична, поскольку она отсылает к чему-то трансцендентному, потустороннему, так как «символ – такой объект, который имеет значение не только сам по себе, но и как указание на другую сущность» [2006, с. 106–107]. Таким образом, Иван III был меценатом средневекового типа.

В отличие от итальянских меценатов, Иван III не имел соответствующего образования. Когда Н.С. Борисов связал образ «князя» Макиавелли и фигуру Ивана III, говоря о последнем как о ренессансном правителе, то он доказал секулярный характер его отношения к престолу, отцу, братьям и духовенству. Однако, как меценат Иван III больше напоминает средневекового человека.

Если наше предположение верно, то имеет смысл сосредоточить внимание на эстетической и символической сторонах строительной программы Ивана III. Военные победы, преодоление кризисных ситуаций, проявление Божьей милости к народу или его семье – все это было поводом для материализации его чувств в виде строительных объектов [Борисов, 2018, с. 508]. Для удобства анализа все объекты строительной программы поделены на символические семейства. Их пять: «уважение к памяти, деяниям и славе предков», «почет патрональному святому», «обет и благодарение Богу» и «Москва – Третий Рим», «забота о загробной жизни» (таблица, № 1–39).

АНАЛИЗ СТРОИТЕЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ ИВАНА III

К первому символическому семейству относятся: церковь Рождества Иоанна Предтечи на Бору, Кремлевские стены, Фроловская башня, интерьеры церкви Воздвижения на Торгу и Георгиевского собора в Юрьев-Польском, а также храма Рождества Богородицы.

Отправным событием строительной программы Ивана III было появление на свет его первенца. Молодой отец хотел, чтобы у него с сыном был общий «патрональный святой» – Иоанн Креститель. Поэтому, в 1458 г. Иван III приказал начать каменное строительство церкви Иоанна Предтечи «на Бору», которое было завершено в 1461 г.⁴ (таблица, № 1).

Идея создания репрезентаций представителей правящей династии вдохновляла многих правителей эпохи Ренессанса. По словам М.Э. Дмитриевой, «гуманизм Петрарки» повлиял на императора Карла IV (1316–1378), который заказал изображение родословного дерева Люксембургов с бюстами работы мастерской Парлера в пражском соборе Св. Вита [Дмитриева, 2015, с. 237]. Пример Карла IV вдохновил Фердинанда II (Тирольского), который заказал аналогичную галерею своих предков сначала в Испанском зале в Амбрасе, после чего посоветовал сделать то же отцу-императору во Владиславском зале в Праге. Ивана III тоже интересовала тема памяти о «достославных деяниях великих владимирских правителей». Чтобы завершить строительные дела отца, Иван III способствовал завершению обновления Кремлевских стен – от Свибловой башни до Боровицких ворот (Таблица, № 2–4).

По фрагментам сооружений и архитектурного декора, сохранившимся с XV в., а также из летописей мы можем рассмотреть первые шаги меценатства Ивана III. В 1464 г. он повелел украсить внешнюю сторону Фроловской башни каменной скульптурой св. Георгия Победоносца. Н.С. Борисов пишет, что Иван III заказал скульптуру, которая бы символизировала крестителя Руси – князя Владимира (правил в 980–1015 гг.) [Борисов, 2018, с. 510]. Через два года Иван III продолжил украшать Фроловскую башню. Скульптура св. Дмитрия Солунского заняла внутреннюю сторону башни. Н.С. Борисов раскрыл глубину смысла этой работы: св. Дмитрий был покровителем Всеволода Большое Гнездо (правил в 1117–1212 гг.), а затем и всех киевско-владимирских князей [2018, с. 183].

Обновление интерьеров трех храмов показывает, как последовательно происходила символизация

⁴ В 1508 г. церковь отстроена заново итальянским архитектором Алевизом Новым.

«уважения к деяниям и славе предков». В 1468 г. Иван III восстанавливал небольшую церковь Воздвижения во Владимире. Ее построил в 1218 г. князь Константин (правил в 1205–1218 гг.) – наследник Всеволода [Борисов, 2018, с. 190]. Затем был обновлен храм Положения Ризы Господней на Золотых Воротах во Владимире. В 1160 гг. Андрей Боголюбский (правил в 1149–1174 гг.) повелел построить боевую и проездную башню из белого камня с учетом возможности проводить богослужения. Из-за необычной формы башня несколько раз обрушивалась и восстанавливалась. Ивану III пришлось вложить немало средств, чтобы сохранить памятник боевой славы своего предка. За большим старинным Георгиевским собором должны были ухаживать лучше, чем за малыми церквями, однако и он обрушился к середине XV в. Здание было сооружено в 1230–1234 гг. по приказу князя Святослава Всеволодовича (правил в 1140–1194 гг.) в городе Юрьеве-Польском. Иван III не сразу обратил внимание на запущенный вид этого здания. Только в 1470 г., чтобы сохранить лицо перед иностранными послами, Иван III приказал отремонтировать и этот храм [Борисов, 2018, с. 511]. Интерьеры Георгиевского собора примечательны росписями в итальянской манере: в них видна проработка светотени и построение перспективы. Внешний облик собора был восстановлен в упрощенных формах, с четырехскатной кровлей и приземистым барабаном⁵.

Реконструкциями вышеназванных храмов руководил Василий Ермолин (1420–1485). Его можно отнести к мастерам «старого профессионализма», он не учился у итальянских архитекторов. Ермолин не умел чертить и проектировать, подобно итальянцам, и являлся «лишь организатором строительных работ» [Медведь, 2017]. Но чтобы взаимодействовать со своим меценатом, ему не требовалось быть архитектором. Иван III высоко ценил его талант руководителя строительством. Он не оценивал эстетику произведений Ермолина, как это сделал бы ценитель искусства итальянской манеры. Вероятно, начальное исполнение строительной программы (1458–1475) целиком принадлежит Ермолину (таблица, № 1–11).

Итак, церковные здания, возведенные для представления родословной Ивана III, мы объединили в

одно символическое семейство – «уважение к деяниям и славе предков».

Рассмотрим следующее символическое семейство. Н.С. Борисов пишет, что в 1480-е гг. «очерчивается круг тех святых, которых было принято считать небесными покровителями Московского государства и его правителей» [2018, с. 516]. Из 19 только 5 святым возводились отдельные храмы. Важно заметить, что 9 из 39 объектов посвящены Богородице, т.е. она имела преобладающее значение для Ивана III. Здания строились в память о: (а) ее рождении и смерти (таблица, № 5, 14, 29; 10, 12, 19, 34); (б) событиях ее земной жизни (таблица, № 6, 21). С одной стороны, приоритет поклонения Св. Марии объясняется так называемым культом Марианской преданности 431 г. С другой стороны, этот приоритет был частью московского нарратива [Медведь, 2017]. По легенде, когда в 1395 г. Тамерлан хотел завоевать Московию, его остановила Владимирская икона Божией Матери [Борисов, 2018, с. 315]. В 1480 г. икона Богородицы снова сыграла важную роль в истории Руси. Когда священники принесли образ Божией Матери, «стояние на Угре» закончилось победой над Большой Ордой хана Ахмата. Однако для Ивана III имя Богородицы было также именем его матери – Марии Ярославны. Известно, что это была «энергичная, властная и достаточно богатая» женщина, которую сын не только любил, но и побаивался [Там же, с. 508]. Поэтому, вероятно, желание угодить 7 храмами «небесной» Марии, было дополнено почитанием «земной» Марии.

Итак, программа Ивана III включала три храма Рождества Богородицы: первый (1466 г.) был возведен в Пафнутьево-Боровской монастыре; второй – только обновлен в 1480–1481 гг., а третий построен в 1490 г. при Ферапонтове монастыре [Борисов, 2018, с. 516]. Кроме того, в программе имелось три Успенских собора: первый – московского Кремля в 1479 г.; второй – Иосифо-Волоколаменского монастыря в 1484 г.; третий Кирилло-Белозерского монастыря в 1497 г. Были и два объекта деревянного зодчества: Церковь Гребневской Богородицы 1472 г. в Новгороде и церковь Положения Ризы 1485 г. в с. Бородава (таблица, № 5, 6, 10, 12, 14, 16, 18, 19, 21, 29, 34).

Успенский собор (1479 г.) является самым ярким сооружением строительной программы Ивана III. Почему и при каких обстоятельствах он был построен? Сначала он предпочитал ремонтировать здания, а не строить новые. Однако белокаменный Успенский собор 1327 г. (времен Калиты) уже не подлежал обновлению» [Борисов, 2018, с. 289]. Изначально Иван III не хотел финансировать строительство нового Успенского собора. Поэтому он переложил финансовые

⁵ Козиров И. Роспись конхи алтарной апсиды «Тайная вечеря»; Роспись внутреннего свода «Христос и Никодим». Роспись внутреннего свода «Сопрестолние»; Роспись внутреннего свода. Интерьер церкви Воздвижения на Торгу (1218 г. постр.). – Изображение // Центральный музей древнерусской культуры и искусства им. Рублева. URL: <https://www.rublev-museum.ru> (дата обращения: 28.06.2022).

проблемы на митрополита Филиппа. Этот поступок вполне согласуется с вышеприведенными приоритетами в расходах правителя. Филипп старался оправдать ожидания князя, так как «был верным союзником Ивана III». Однако он не смог завершить этот проект. Помешали даже не конфликты, обиды или скандалы, которые сопровождали строительство митрополичьего собора⁶. Князь мечтал сделать Успенский собор доминантой Кремля, но Ермолин не умел строить большие храмы. Поэтому приехали мастера из Пскова – Кривцов и Мышкин. Изменив обмерный чертеж древнего Успенского собора во Владимире, они увеличили контур плана храма. Тем временем митрополит уже в начале строительства испытывал острую нехватку средств и во всем старался экономить. Так, он облагал дополнительными налогами священников и монахов. Вдобавок к техническим и финансовым сложностям участок строительства оказался неудобным. Несмотря на строительные работы, в старом соборе должны были продолжаться богослужения. Гробницы московских святителей Петра, Феоноста, Киприана, Фотия и Ионы накладывали дополнительную ответственность [Борисов, 2018, с. 302].

Таким образом, Иван III усложнил мастерам и меценату проектное задание. Он хотел угодить Богородице и одновременно упрочить память о деяниях Калиты. Но из-за недостатка опыта в строительстве крупных храмов Успенский собор Кривцова и Мышкина рухнул. За год до этого (1473 г.) скончался митрополит Филипп и был рукоположен епископ Геронтий [Борисов, 2018, с. 316]. В тот момент Иван III решил, что он сам станет покровительствовать строительству Успенского собора. Он отправил в Италию своего посла Семена Толбузина, откуда тот возвратился с Аристотелем Фиораванти.

Фиораванти был первым архитектором «нового профессионализма» в Московии, взаимодействовал почти со всеми крупными меценатами и архитекторами Италии, формировался в среде ренессансного гуманизма. В Болонье Фиораванти состоялся как цеховой мастер, в Риме определилась его специализация по подъему сверхтяжелых деталей, в Италии он обрел славу «человека, который двигает башни», но в масштабе Европы ему не удалось достичь наименования «ученого архитектора» [Забелин, 2021, с. 128]. Согласившись служить Ивану III, Фиораванти хотел поднять свой социальный статус.

Болонский архитектор получил от князя сразу два задания – «техническое» и «эстетическое». Второе было сформулировано так: храм должен выражать «прежнее греческое богоустановленное благочестие» [Швидковский, 2016, с. 91]. Фиораванти успешно выполнил оба задания, но Иван III отказался отпустить его домой в Болонью. Вежливые письма итальянских покровителей Фиораванти остались без ответа, а возмущения самого архитектора Иван III подавил так же сурово, как поступил с братьями и аристократами Пскова и Новгорода. Фиораванти был нужен князю не только для формирования государственного представительства, но и для совершенствования артиллерии и фортификации. Но архитектор не дождался начала обновления Московского Кремля, и Иван III пригласил новых итальянских мастеров.

Среди исполнителей воли Ивана III были те, кто интересовался итальянским искусством. Сначала в роли подмастерья художник Дионисий (1440–1508) рисовал фрески в церкви Пафнутьево-Боровского монастыря, в 1481–1482 гг. вошел в артель, которая занималась живописью Успенского собора Фиораванти. В 1484–1486 гг. он руководил росписью собора Иосифо-Волоколамского монастыря. Вероятно, князю нравились образы Богородицы кисти Дионисия, поэтому он заказал ему фрески площадью 600 м² в соборе Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря⁷.

В 1484 г. Иван III снова нанял Кривцова и Мышкина, чтобы в честь Благовещения Богородицы они построили новую придворную церковь. Почему для строительства Благовещенского собора правитель пригласил не Фиораванти, а псковских мастеров «старого профессионализма»? По мнению М.Э. Дмитриевой, восточноевропейские правители предпочитали заказывать возведение важных зданий у итальянских мастеров, а не у местных [Гура, Давыденкова, 2018, с. 88]. Вероятно, болонский архитектор болел и не мог принять активное участие в строительстве. Тем не менее Фиораванти консультировал псковских мастеров, так как собор возводился из кирпича, изготовленного на его фабрике, а старые стены XIII в. до уровня цокольного этажа были достаточно мощными, поэтому строительство упрощалось – требовалось возвести верхнюю часть стен и украсить фасад. Иван III доверил работы мастерам, ненадежным в плане устройства фундаментов. Но эстетику архитектуры этой церкви определял не Фиораванти, а Иван

⁶ Василий Ермолин был оскорблен молодым напарником из аристократии, Иваном Головой, поэтому он отказался от любого участия в строительстве Успенского собора. [Борисов, 2018, с. 301–302].

⁷ *Щавелев А.В.* Роспись внутреннего свода – Изображение // Центральный музей древнерусской культуры и искусства им. Рублева. URL: <https://www.rublev-museum.ru> (дата обращения: 28.06.2022).

III и его мастера. Во-первых, в ней использовались мотивы псковского владими́ро-суздальского и местного зодчества. Во-вторых, в ней отсутствуют мотивы зодчества Болоньи (в отличие от интерьера Успенского собора).

Итак, мы показали, что доминирующим образом в строительной программе Ивана III была «градозащитница» Св. Мария [Лихачев, 1985]. Эта особенность подтвердила наше предположение, что в строительной деятельности Иван III следовал давней христианской традиции, характерной для мецената средневекового типа. Для сооружения крупных объектов, как правило, таящего много опасностей, он нанимал опытных итальянских архитекторов – представителей «нового профессионализма», но для безопасных работ (росписей или декора) он предпочитал привлекать проверенных русских мастеров.

По убеждению Ивана III, Иоанн Златоуст покровительствовал военным походам [Борисов, 2018, с. 516]. В летописях его называли «небесным покровителем государя всея Руси»⁸. Тип храмов, который строился после удачного военного похода, именовался «обетным». К примеру, благодарственное настроение великого князя отражает каменная церковь в Ивановском монастыре 1479–1480 гг. Обетный храм символизирует помощь «патронального святого» – Иоанна Златоуста (таблица, № 13). По мнению Н.С. Борисова, Иван III полагал, что именно Златоуст даровал ему свое красноречие в ходе успешных переговоров с новгородцами [2018, с. 514]. Мы считаем, что правитель неслучайно выбрал именно этот монастырь. Меценат заметил, что обитель имени Иоанна крайне запущена и неприглядна; он «смилоствился»⁹ над ней и включил ее в свою строительную программу. Эти он «оживил» ансамбль монастыря новым бесстолпным одноглавым храмом с тремя выдвинутыми к востоку апсидами. Академик А.А. Баталов считает, что этот храм построил кто-то из итальянских мастеров [2018, с. 294].

Особое внимание Ивана III к «обетным» церквям вызывает два важных вопроса. Почему он почитал архангела Михаила? Какая скрывается за этим почитанием традиция? Как строился посвященный ему храм в московском Кремле: по одному проекту или по нескольким? А.А. Симонова выяснила, что образ архангела исходит, как минимум, из трех источников: (а) древнееврейского, где он уничтожает вражеские силы; (б) византийского, где он – основной союзник в военных походах Константина; и (в) ир-

ландского, где он помогает монахам войти в «народ Святых». «В империи он – Царь и Архистратиг, а в монастырской ипостаси – Ангел, который является на помощь душе» [Симонова, 2017. С. 129–130]. А.А. Симонова доказала, что эти источники повлияли на древнерусский культ архангела Михаила. Монахи воспринимали его как помощника в духовных делах, а правители – в делах военных. Данная гипотеза вполне убедительна и увязывается с фактом первой реконструкции московского собора 1471 г. (времен Калиты) [Борисов, 2018, с. 512]. Этими работами Иван III символически отметил победу над новгородцами на р. Шелони. И если воссозданный исследователем характер архангела верен, то становится понятнее, почему великий князь был готов и далее благодарить своего «патронального святого» [Лихачев, 1985, с. 129].

Однако в 1475 г. (т.е. всего через четыре года после реконструкции двух приделов) храм сгорел. Пожар уничтожил все основные деревянные конструкции [Борисов, 2018, с. 124]. Вероятно, князь не мог немедленно приняться за его восстановление из-за текущих расходов на возведение Успенского собора Фиораванти. Но уже через два года после его завершения (в 1481–1482 гг.) Иван III снова велел обновить храм архангела Михаила, но это здание довольно скоро пришло в негодность. Через тринадцать лет (в 1505 г.) Иван III в последний раз «отблагодарил» своего «патронального святого». К тому времени стало ясно, что Архангельский собор слишком мал для гробниц всех его предков. Поэтому в 1505 г. Иван III приказал разобрать храм. Памятуя о положительном опыте работы с Фиораванти, он заказал новый проект храма у итальянского архитектора Алевиза Нового. Согласно В.В. Кавельмахеру, Иван III перестраивал собор с явным намерением больше не заниматься «приделотворчеством» [2002, с. 123]. «Новый профессионализм» убедил мецената, что здания выглядит лучше, если оно составлено по архитектурному проекту. Поэтому Кавельмахер уверен, что с 1479 г. эстетика строительной программы Ивана III существенно меняется, и в 1508 г. правитель уже не платит за пристройки к старым зданиям, поскольку ему интересны только ясные и продуманные архитектурные формы [2002, с. 125].

Архитектор Алевиз Новый (Ламбэрти да Монтиньяна, около 1460–1531) приехал в Московию в 1504 г. вместе с другими итальянцами. Алевиз умел возводить крестово-купольную конструкцию и оформлять ее элементами классицизма. Он первым применил к московским храмам ордерную систему. Проектируя Архангельский собор, архитектор руководствовался произведением Фиораванти [Швидковский, 2016, с. 128].

⁸ Полное собрание русских летописей. Т. 8. С. 223.

⁹ Имя Иоанн, церковная форма русского имени Иван, происходит от древнееврейского יְהוָה (yo-ha-nan), что означает «Бог смилоствился» или «сжалился».

Итак, церковные здания, посвященные Богородице, Златоусту и архангелу Михаилу, мы объединили в еще одно символическое семейство – «почет патрональному святому». Все объекты связаны с историческим строительством Ивана Калиты. Иван III отошел в эстетике храмового строительства от подражания прославленному предку, обратившись к «новому профессионализму».

С 1463 по 1480-е гг. Иван III обеспечивал безопасность московского Кремля и усиливал централизацию Русского государства. Он женился на дочери последнего византийского императора – Софье Палеолог. Вопрос о ее участии в приглашении итальянских архитекторов для перестройки Московского Кремля изучался Л.В. Соловьевой и М.Г. Ракитиной. Ими установлено, что Софья Палеолог инициировала приезд своего знакомого Аристотеля Фиораванти, а затем Алевиза Нового и других итальянских мастеров [Соловьева, Ракитина, 2019, с. 39]. На средневековое меценатство Ивана III влияла его вторая жена, которая несла с собой культуру Нового времени. В этом существенная особенность строительной программы Ивана III: греко-римское окружение Софьи Палеолог обеспечило подобающий прием архитекторам «нового профессионализма», но проектные задания (символично-смысловое наполнение архитектурных заказов) возводились в русле «старого профессионализма».

Каждая победа над сильным врагом (будь то пожар или военная победа) отмечалась новыми постройками. В 1468 г. Иван III построил церковь Симеона Дивногорца в благодарность за то, что сильный пожар этого города не перекинулся на Кремль. Симеон был аскетом, который жил в Антиохии в VI в. и, согласно легенде, имел прямое «богообщение» [Жития святых..., 2003, с. 449]. Символизировала ли построенная из дерева церковь самого Иисуса Христа? Возможно, но лишь опосредованно, через антиохийского аскета. Симеон не был «патрональным святым», а скорее «угодником» – человеком, который старался подражать жизни Спасителя. В программе Ивана III не было храмов, которые бы посвящались самому Иисусу Христу.¹⁰ Все объекты, которые Иван III строил, исходя из заботы о своей загробной жизни, мы выделили в отдельное символическое семейство (Таблица, № 36–39).

¹⁰ Храмы во имя Христова появились в строительной программе сына Ивана III – Василия III. Это церковь Воскресения Христова в Кремле. Подобно Успенскому собору Фиораванти, эта «соборная звонница является прототипом для подколоколенных сооружений с большим звоном» [Баталов, 2012].

С 1480-х гг. Иван III начал строительство светских зданий. Они представляли его земную власть. Возможно, что с приездом Софьи Палеолог идея теократии стала уступать идеям гуманизма. Ниже мы раскроем значение символа «Москва – Третий Рим», которая объединяет большую часть объектов программы. Мы не будем следовать устаревшему мнению историков XIX в., согласно которому единственная цель формулы «Москва – Третий Рим» – экспансионистская внешняя политика Руси. В настоящее время согласно точке зрения Ника Мэйхью, эта идеологическая формула олицетворяла – с одной стороны непрерывную московскую экспансию, а с другой – религиозную ответственность [Mayhew, 2021, p. 2]. Первая трактовка – значительно более поздняя, чем вторая. Источники идеологии – три послания монаха Филофея – были написаны в XVI в. и имели моральный подтекст. В первом послании монах писал о последствиях захвата Константинополя (Москва унаследовала статус православного центра). Во втором, Филофей обвинял Василия III в грехе прелюбодеяния, когда тот в 1525 г. развелся со своей первой женой, а через несколько лет взял себе вторую жену. В третьем послании Церковь представлялась в образе беременной, которая подвергается атакам ереси Рима, как змея. Таким образом, Феофила заботило завоевание Константинополя, грех царя и насаждение католичества. Идею же создания империи выдвинул не Иван III, а более поздние интерпретаторы XVIII в. Для современников строительной программы Ивана III дворцы и крепость Кремля еще не могли быть символами имперской идеологии.

Однако, хотя подданные Ивана III не могли считать себя «новыми римлянами» или «новым Израилем», все же великое Московское княжество признавалось одним из самых сильных государств Европы, а произведения итальянских архитекторов еще более убеждали в этом иностранных послов. Иван III не меньше Мехмеда II заслуживал прозвища Завоевателя. После покорения Новгорода и стояния на Угре его всерьез опасались польско-литовский король Казимир, хан Большой Орды Ахмат и даже римские папы стали регулярно отправлять ему своих легатов, чтобы договориться о взаимопомощи. Неудивительно, что в такой ситуации Иван III вел себя «с хамоватой самоуверенностью, слегка прикрытой холодной дипломатической вежливостью» [Борисов, 2018, с. 446]. Несмотря на неубедительность зарождающейся идеологии, Иван III уверенно называл себя «государем всея Руси», т.е. правителем страны, воссозданной в границах до монгольского завоевания.

Перенастройка строительной программы началась через шесть лет после удачного опыта с Успенским собором Фиораванти. Она включала фортификационные и дворцовые объекты. Так в 1485 г. великий князь задумал перестроить обветшавший белокаменный Кремль Дмитрия Донского, для чего пригласил итальянского архитектора Антона Фрязина (Антонио Джиларди), чтобы тот заменил материал некоторых участков стен и Тайницкой башни. Вместо белого камня применялся кирпич Фиораванти. Обновление по итальянским технологиям должно было символизировать «крепость», а не только «хранение» от нашествия врагов. Эстетика ренессансной фортификации должна была повлиять на восприятие иностранных гостей [Швидковский, 2016, с. 110].

В 1485 г. Антон Фрязин заложил стрельницу на месте Чешковых ворот белокаменной крепости 1366–1368 гг., предусмотрев внутри (на случай осады) колодец-тайник и скрытый выход к Москве-реке, в связи с чем башню прозвали Тайницкой. Башня имела проездные ворота и отводную стрельницу, соединенную высокими арочными переходами. Через год, в 1487 г., Иван III пригласил итальянца Марка, чтобы тот помог Антону реконструировать стены и построить Беклемишевскую башню (по имени боярина, чей двор в конце XV в. находился внутри Кремля и примыкал к новой башне) [Швидковский, 2016, с. 106–107]. В 1488 г. оба итальянца взялись за строительство Свибловой башни и возведение зубчатых стен.

Через два года, в 1490–1492 гг., Иван III пригласил еще одного итальянца (из свиты брата своей жены) – потомственного архитектора Пьетро Антонио Солари (1445–1493). Он возвел Фроловскую башню (или Фроло-лаврскую, ведь рядом с ней стояла церковь Фрола и Лавра) [Соловьева, Ракитина, 2019, с. 128]. По распоряжению Ивана III храмы и дома разобрали в радиусе 18 м. от крепости. В этот же период был демонтирован храм Фрола и Лавра. Заметим, что после этой очистки москвичи стали именовать башню «Иерусалимской» (по церкви «Входа Господня в Иерусалим»). До реконструкции в XVII в., это была постройка в духе классицизма, а вместо привычных курантов находился колокол.

В 1493 г. Иван III приказал сделать барьер от огня в виде канала из реки Неглинки (таблица, № 32). Кроме фортификационных сооружений в Москве, великий князь не забывал охранять Владимир от нашествия врагов. В 1484–1485 г. он приказал построить из дерева дополнительные башни. Западная сторона площади стала постепенно застраиваться дворцовым

комплексом (Набережной, Средней Золотой, Большой Грановитой палатами) [Соловьева, Ракитина, 2019, с.115]. Первая палата закладывалась Марко и Солари в 1487 г. Золотая (Средняя) палата создавалась ими для официальных приемов (обе не сохранились). Построенная из кирпича и камня в 1487–1491 гг. Грановитая палата была украшена «бриллиантовым» рустом. Она и сегодня символизирует Москву как Третий Рим. Марко спроектировал палату двухэтажной, верхний этаж занимал просторный квадратный тронный зал. Очевидно, что Иван III хотел, чтобы его дворцовый комплекс представлял московский двор как равный другим ренессансным государевым дворам (таблица, № 24–26).

В 1492 г. правитель приказывает построить себе из дерева великокняжеский дворец [Соловьева, Ракитина, 2019, с. 110]. Но через пять лет случился очередной пожар. Через семь лет Алевиз Новый построил на этом месте новый дворец Ивана III (таблица, № 31, 35).

Кроме дворцов, европейские меценаты закладывали сады, которые также (вместе с архитекторами) наполняли разными символами и аллегориями. Скульптуры и формы посадки растений в виде эмблем должны были напоминать о славе и деяниях древнеримских императоров, а также сообщать посетителям сада о силе и эрудиции патрона. Андерсон считает, что «ренессансный сад выполнял одновременно как функциональную, так и символическую роль» [Anderson, 2013, p. 200]. Иван III заметил эту форму государственного представительства. И в 1495 г. решил расширить «Государев сад», который был разбит Василием I. Для этого разобрали имевшиеся там жилые дворы [Комиссия по изучению... 1997, с. 600].

Итак, дворцы, сад и противопожарные объекты мы объединили в единое символическое семейство «Москва – Третий Рим». Мы рассмотрели все значительные объекты строительной программы Ивана III. Некоторые объекты отнесены к двум семействам (таблица, № 12, 14, 15, 36, 39).

Особого внимания заслуживает почитание Иваном III Единого Бога – Саваофа. Благодарил ли великий князь Его за успехи в военных походах?¹¹ Верил ли он в свою неизменную «богоизбранность» (особенно в предопределении своей миссии по объединению государства)? Понимание этих моментов позволяет раскрыть символические особенности строительной программы великого князя.

¹¹ Титул «Саваоф» (евр. שָׂבָאֹף (Saba'ōth) означает «Военачальник», свойство всемогущества.

Н.С. Борисова убедительно показывает, что Иван III, несмотря на сильную занятость государственными делами, всегда находил время на утренние и вечерние богослужения. «Благодарение Богу» было частью его жизни¹² [Борисов, 2018, с. 245]. В конце жизни Ивана III пережил немало трагедий: от дворцовых интриг погибла его первая семья¹³; страдала от распрей и вторая семья¹⁴. В 1503 г. глаз, руку и ногу Ивана III сковал паралич. У ослабевшего князя не оставалось надежды самостоятельно спасти государство. Он сосредоточился на новых объектах своей строительной программы, не переставал одаривать своих «патрональных святых» за земные победы, но больше сил отдавал монастырям (добрые дела для спасения души). До 1500 г. Иван III больше разорял монастыри, чем помогал им.

Забота о посмертной жизни отразилась в украшении Чудового и Андроникова монастырей. Церковь Козьмы и Демьяна при Чудовом монастыре 1504–1505 гг. можно отнести к тому же типу, что и храм Симеона Дивногорца. В 1504 г. правитель заложил трапезную Андроникова монастыря. Она возводилась из кирпича до 1506 г.¹⁵ Ее конструкция повторила Грановитую палату Московского Кремля.¹⁶ Став доминантой ансамбля, этот объект строительной программы Ивана III сформировал архитектурный облик всего Андроникова монастыря [Соловьева, Ракитина, 2019, с. 129].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, строительная программа Ивана III включала две части: его политику и его религиозные убеждения. Первая часть носила глубокий отпечаток культуры Нового времени, а вторая – средневековой. Поэтому, с одной стороны, в программе Ивана III больше «просвечивает» личность, чем в программах его предков. С другой стороны, в ней меньше секуляризма¹⁷, чем в итальянской культуре Ренессанса. По выражению Н.С. Борисова, «лик князя» виден за кирпичными и каменными стенами, хотя и не так выпукло, как в архитектуре итальянских, литовских, или венгерских правителей. Меценатство Ивана III можно сравнить с немецкими строительными программами, в которых «новый профессионализм» также постепенно заменяет «старый», но внешний вид построек остается более средневековым, чем в других землях. Строительная программа Ивана III делится на два этапа: до и после приезда Софии Палеолог. Первая половина программы должна была представить князя как богоугодного наследника правителей всех славянских земель. Вторая половина отмечена поворотом к религиозной идеологии «Москва – Третий Рим». Строительная программа Ивана III имела огромное значение: она изменила представление об архитектурной профессии в России и сформировала идейную основу для строительного меценатства следующих поколений Рюриковичей.

¹² Великий князь регулярно отправлялся на богомолье по разным монастырям. Особенно он любил молиться в обители Сергия Радонежского (в настоящее время – Троице-Сергиева Лавра) [Баталов и др., 2005, с. 582]. В молодости он ездил туда, когда успешно тушил очередной пожар внутри своей крепости, а в старости, когда хотел потушить «огонь» семейных распрей.

¹³ Борисов полагает, что сын первой жены князя – Иван Молодой – был отравлен второй женой, Софией Палеолог.

¹⁴ К Палеолог с подозрением относилась как аристократия, так и духовенство московского двора. С самого начала приезда Софии из Рима ее подозревали в выполнении особой миссии папы.

¹⁵ Вероятно, кирпичи для трапезной палаты Андроникова монастыря делались из добытой неподалеку, в с. Калитниково, глины, которая использовалась также Аристотелем Фиораванти при постройке Успенского собора Московского Кремля и других московских сооружений.

¹⁶ В первом ярусе палаты располагались хозяйственные службы. Второй ярус занимал парадный зал трапезной. Большое пространство зала перекрыто четырьмя крестовыми сводами, опирающимися на расположенный в центре столп.

¹⁷ Секуляризм правителей Ренессанса – здесь понимается как «переход европейского сознания от религиозного миро- и жизне-воззрения к гуманистическому» [Гура, Давыденкова, 2018].

ПРИЛОЖЕНИЕ

№ п/п	Дата Date	Строительные объекты Building object	Автор и тип работ Author and type works	Символическое семейство Symbolic type
1	2	3	4	5
1	Февраль 1458–1461	Церковь Рождества Иоанна Предтечи на Бору	Василий Ермолин (предположительно)	Уважение к памяти, деяниям и славе предков
2	Март 1462	Кремлевские стены (Москва)	В. Ермолин. Обновление от Свибловой башни до Боровицких ворот	То же
3	15 июля 1464	Фроловская башня (Москва)	В. Ермолин. Украшение с внешней стороны каменной скульптурой св. Георгия Победоносца	То же
4	15 июля 1466	Фроловская башня (Москва)	Украшение с внутренней стороны каменной скульптурой Св. Дмитрия Солунского	То же
5	1466	Собор Рождества Богородицы (Пафнутьево-Боровской монастырь)	В. Ермолин. Возведение из камня	Почет патрональному святому
6	1 сентября 1468–31 августа 1469	Церковь Положения Ризы Божией Матери на Золотых воротах (Владимир)	В. Ермолин. Обновление интерьеров	Уважение к памяти, деяниям и славе предков
7	1468	Церковь Симеона Дивногольца (Москва)	В. Ермолин. Возведение из дерева	Обет и благодарение Богу
8	1 сентября 1470–31 августа 1471	Георгиевский собор (Юрьев-Польский монастырь)	В. Ермолин. Обновление здания, особенно интерьеров	Уважение к деяниям и славе предков
9	14 июля 1471	Архангельский собор Московского Кремля	Устройство двух приделов из дерева	Обет и благодарение Богу
10	1472	Церковь Гребневской Богоматери / Успения Божией Матери (Новгород)	В. Ермолин. Возведение из дерева	Обет и благодарение Богу
11	1474–1476	Церковь св. Алексия при Чудовом монастыре	В. Ермолин. Возведение из камня	Почет патрональному святому
12	12 мая 1476–12 августа 1479	Собор Успения Божией Матери	Аристотель Фиораванти. Возведение из камня и кирпича	Почет патрональному святому Москва – Третий Рим
13	11 июля 1479	«Обетная» церковь Иоанна Златоуста при Ивановском монастыре	Возведение из камня	Обет и благодарение Богу
14	1480–1481	Церковь Рождества Богородицы	Восстановление из камня	Уважение к деяниям и славе предков Почет патрональному святому
15	8 сентября 1481	Архангельский собор Московского Кремля	Устройство двух приделов из камня	Почет патрональному святому Обет и благодарение Богу
16	1481–1482	Собор Сретинского монастыря	Разборка деревянной, возведение каменной постройки	Уважение к деяниям и славе предков
17	1481	Собор на Кубенском озере (Спасо-Каменный монастырь)	Возведение из камня	Уважение к деяниям и славе предков
18	1484–1489	Благовещенский собор (придворная церковь Московского Кремля)	Кривцов и Мышкин (с консультациями Фиораванти). Кирпичная надстройка на старых стенах XIII в. и фасадные украшения	Москва – Третий Рим

Продолжение прил.

1	2	3	4	5
20	1 сентября 1484– 31 августа 1485	Крепость (Владимир)	Дьяк Василий Мамырев Возведение из дерева	Москва – Третий Рим
20	1 сентября 1484– 31 августа 1485	Крепость (Владимир)	Дьяк Василий Мамырев Возведение из дерева	
21	1 октября 1485	Церковь Ризоположения из села Бородава	Возведение из дерева	
22	19 июля 1485	Кремлевские стены: Тайниц- кая башня (Москва)	Антон Фрязин. Замена белока- менных стен и башен на кир- пичные	
23	1487	Кремлевские стены: Беклеми- шевская башня (Москва)	Антон и Марко Фрязины. Замена белокаменных стен и башен на кирпичные	
24	1487	Набережная палата	Антон и Марко Фрязины Возведение из камня.	
25	1487	Золотая Средняя палата	Антон и Марко Фрязины Возведение из камня.	
26	1487–1491	Грановитая палата	Марко Фрязин и Пьетро Антонио Солари. Возведение из камня и кирпича	
27	19 июля 1488	Кремлевские стены: Свиблова башня (Москва)	Антон и Марко Фрязин. Возведение зубчатых стен	
28	1490–1992	Кремлевские стены: Фролов- ская (Спасская) башня (Москва)	Марко Фрязин и Пьетро Антонио Солари	
29	1490	Собор Рождества Богородицы (Ферапонтов монастырь)	Возведение из камня	Почет патрональному святому
30	1491–1496	Спасский монастырь	Перемещение из Кремля, возведение каменного собора	Москва – третий Рим
31	Весна–осень 1492	Великокняжеский дворец	Возведение из дерева	
32	1493	Барьер для огня	Канал из реки Неглинки	
33	1495	Государев сад	Расширение сада до велико- княжеского дворца	
34	1497	Успенский собор (Кирилло- Белозерский монастырь)	Возведение из камня	Почет патрональному святому»
35	Весна 1499– весна 1508	Великокняжеский дворец	Алевиз Фрязин. Возведение из камня	Москва – Третий Рим
36	1500–осень 1503	Собор Архангела Михаила при Чудовом монастыре	Разборка деревянной, возведе- ние каменной постройки. Украшение Чудова монастыря	Почет патрональному святому
37	1504–1505	Церковь Козьмы и Демьяна при Чудовом монастыре	Перестройка каменной постройки	Забота о загробной жизни
38	Лето 1504	Трапезная Андроникова монастыря	Заложение кирпичной трапезной	Забота о загробной жизни
39	Весна 1505	Архангельский собор	Алевиз Новый. Разборка и пе- рестройка из кирпича и камня	Почет патрональному святому Забота о загробной жизни

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баталов А.Л., Головкова Л.А., Харченко Г. Московский Иоанно-Предтеченский женский монастырь: Страницы истории. М.: Лето, 2005. 128 с.
- Баталов А.Л. Церковь Воскресения Христова в Кремле – малоизученная постройка Петрока Малого // Лазаревские чтения: Искусство Византии, Древней Руси и Западной Европы: материалы науч. конф. 2011. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2012. С. 162–183.
- Бельский К.С. Финансы и финансово-правовые отношения в Московском царстве. Финансово-правовые преобразования в Московском царстве во второй половине XV–XVI вв. // Государство и право. 2020. № 8. С. 81–90.
- Борисов Н.С. Иван III. Отец русского самодержавия. 3-е изд. М.: Академический проект, 2018. 639 с.
- Герберштейн С. Записки о Московии. / под ред. А.Л. Хорошкевич. М.: Памятники исторической мысли, 2008. 776 с. Т. 1: Латинский и немецкий тексты, русские переводы с латинского А.И. Маленина и А.В. Назаренко, с ранненововерхнемецкого А.В. Назаренко
- Гура В.А., Давыденкова А.Г. Ренессансные истоки секуляризации // Вестн. ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2018. № 3. С. 3–10.
- Дмитриева М.Э. Италия в Сарматии. Пути Ренессанса в Восточной Европе. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 420 с.
- Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского: с дополнениями, объяснениями, примечаниями и изображениями святых. Репринтное издание. Печенга (Мурманская область): Трифонов Печенгский монастырь. М.: Книжное Дело, 2003. Кн 7. 750 с.
- Забелин А.В. Социальное положение архитектора Аристотеля Фиораванти в домосковский период // Вестник РГГУ. Сер. Философия. Социология. Искусствоведение. 2021. № 4. С. 128–141.
- Кавельмахер В.В. О приделах Архангельского собора // Архангельский собор Московского Кремля. М., 2002. С. 123–160.
- Комиссия по изучению Старой Москвы // Москва: Энциклопедия / гл. ред. С.О. Шмидт; сост. М.И. Андреев, В.М. Карев. М.: Большая российская энциклопедия, 1997. 976 с.
- Лихачев Д.С. Градозащитная семантика Успенских храмов на Руси // Успенский собор Московского Кремля: материалы и исследования. М.: Наука, 1985. С. 17–23.
- Медведь А.Н. Василий Ермолин – скульптор, зодчий, подрядчик? // Вопр. истории естествознания и техники. 2017. Т. 38, № 1. С. 149–155.
- Пустовит А.В. Этика и эстетика: Наследие Запада. История красоты и добра: учеб. пособие. Киев: МАУП, 2006. 680 с.
- Симонова А.А. Древнерусское религиозное мировоззрение и ирландская христианская традиция. М.: Прометей, 2017. 354 с.
- Соловьева Л.В., Ракитина М.Г. К вопросу об участии Софьи Палеолог в приглашении итальянских архитекторов для перестройки Московского Кремля // Ист. вестн. 2019. Т. 28. С. 28–41.
- Швидковский Д.О. Исторический путь русской архитектуры и его связи с мировым зодчеством. М.: Архитектура-С, 2016. 512 с.
- Anderson C. Renaissance architecture. Oxford: Oxford Univ. Press, 2013. 272 p.
- Gilbert K.A. Medici power and patronage under Cosimo the Elder and Lorenzo the Magnificent. Senior Honors Thesis. Eastern Michigan University, 2005. 103 p.
- Paoletti J.T., & Radke G.M. Art in Renaissance Italy. Laurence King publishing, 2005.
- Mayhew N. Moscow: The Third Rome. Oxford Research Encyclopedia of Literature. 2021. P.15–25.
- Wilkinson C. The New Professionalism in the Renaissance // The Architect: Chapters in the History of the Profession / ed. by S. Kostof. N.Y., 1977. P. 124–60.

REFERENCES

- (1997). Commission to study Old Moscow. *Moskva: entsiklopediya*. Moscow, Big Russ. encycl. (In Russ.)
- (2003). Hagiographies of Saints in Russian, set out according to the Manual of the Lamentations of St. Demetrius of Rostov: with extras, explanatory notes and pictures of saints. Peprint edition of Pechenga (Murmansk Region), Trifonov Pechenga Monastery. Moscow, Book business, bk. 7, 750 p. (In Russ.)
- Anderson Ch. (2013). Renaissance architecture. Oxford, Oxford Univ. Press, 272 p.
- Batalov A.L., Golovkova L.A., Kharchenko G. (2005). Moscow St. John the Baptist convent: pages of history. Moscow, Leto, 128 p. (In Russ.)
- Batalov A.L. (2012). Church of Resurrection in the Kremlin is a little-studied building of Petrok Maly. *Lazarevskie chteniya: Iskustvo Vizantii, Drevney Rusi i Zapadnoy Evropy: materialy nauchnoy konferentsii 2011*. Moscow, Moscow Univ., pp. 162–183. (In Russ.)
- Belsky K.S. (2020). Finances and financial-legal relations in Moscow Kingdom. Financial and legal transformations in Moscovite Tsardom in the second half of XV–XVI centuries. *Gosudarstvo i pravo*. No. 8, pp. 81–90. (In Russ.)
- Borisov N.S. (2018). Ivan III. Father of the Russian Autocracy. Moscow, Acad. Project, 639 p. (In Russ.)
- Dmitrieva M.E. (2015). Italy in Sarmatia. Pathways of the Renaissance in Eastern Europe. Moscow, New lit. rev, 420 p. (In Russ.)
- Gilbert K.A. (2005). Medici power and patronage under Cosimo the Elder and Lorenzo the Magnificent. Michigan, Eastern Michigan Univ. Publ, 103 p.
- Gura V.A., Davydenkova A.G. (2018). Renaissance origins of secularization. *Vestnik LGU im. A.S. Pushkina*. No. 3, pp. 3–10. (In Russ.)
- Herberstein S. (2008). Notes on Muscovia. Moscow, Histor. thought monuments, vol. 1, 776 p. (In Russ.)
- Kavelmakher V. (2002). On the side chapels of the Archangel Cathedral. *Arkhangel'skiy sobor Moskovskogo kremlya*. Moscow, pp. 123–160. (In Russ.)
- Likhachev D.S. (1985). Town-protective semantics of Assumption temples in Russia *Uspenskiy sobor Moskovskogo Kremlya: materialy i issledovaniya*. Moscow, Nauka, pp. 17–23. (In Russ.)
- Mayhew N. (2021). Moscow: the third Rome. *Oxford Research Encyclopedia of Literature*. Oxford, pp. 15–25.
- Medved A.N. (2017). Vasily Yermolin – sculptor, architect, contractor? *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*. Vol. 38, no. 1, pp. 149–155. (In Russ.)
- Paoletti J.T., Radke G.M. (2005). Art in Renaissance Italy. London, Laurence King Publ, 576 p.
- Pustovit A.V. (2006). Ethics and aesthetics: legacy of the West. The history of beauty and goodness: a textbook. Kiev, IAUP, 680 p. (In Russ.)
- Shvidkovsky D.O. (2016). Historical path of Russian architecture and its connections with the world architecture. Moscow, Arkhitektura-S, 512 p. (In Russ.)
- Simonova A.A. (2017). Ancient Russian religious worldview and the Irish Christian tradition: monograph. Moscow, Prometei, 354 p. (In Russ.)
- Solovieva L.V., Rakitina M.G. (2019). On the issue of Sophia Palaiologina's participation in the Italian architects invitation to rebuild the Moscow Kremlin. *Istoricheskiy vestnik*. Vol. 28, pp. 28–41. (In Russ.)
- Wilkinson C. (1997). The new professionalism in the Renaissance. *The architect: chapters in the history of the profession*. New York, pp. 124–160.
- Zabelin A.V. (2021). The social position of the architect Aristotile Fioravanti in the pre-Moscow period. *Vestnik RGGU. Seriya «Filosofiya. Sotsiologiya. Iskustvovedenie»*. No. 4, pp. 128–141. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 22.03.2022

Дата рецензирования 11.05.2022

Статья принята к публикации 07.07.2022

DOI: 10.15372/HSS20220309

УДК 94(470+571.52)

А.А. САМДАН

**ПОЗИЦИЯ УСИНСКОГО ПОГРАНИЧНОГО НАЧАЛЬНИКА А.Х. ЧАКИРОВА
ПО «УРЯНХАЙСКОМУ ВОПРОСУ» В 1907–1912 гг.**

Тувинский институт гуманитарных и прикладных
социально-экономических исследований
при Правительстве Республики Тыва,
РФ, 667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, 4

В статье анализируется деятельность усинского пограничного начальника А.Х. Чакирова, которую можно условно разделить на исполнение административных функций русского населения Усинского округа и регулирование русско-тувинских отношений. Утверждается, что пограничный начальник стал инициатором, по крайней мере, переселения старожилов с. Усинского в Туву, которое прежде носило стихийный характер. Он добивался установления русских караулов по хребту Танну-Ола, выделения ему военного гарнизона и расширения штата Усинского пограничного управления. Впервые подробно описан визит М. Хайдыпа – правителя Хемчикского хошуна, в с. Усинское. Освещаются отдельные моменты консультаций и совещаний на разных уровнях по вопросу самоопределения Тувы.

Источниковой базой стали ранее неопубликованные, а также широко не использовавшиеся до сих пор в научной литературе архивные документы (рапорты, доклады, переписка и др.), которые позволили реконструировать основные вехи в деятельности пограничного начальника.

Ключевые слова: пограничный начальник, Тува, Хайдып, русские караулы, консультации, совещания, урянхайский вопрос.

А.А. SAMDAN

**THE POSITION OF THE LAST USINSK BORDER CHIEF A.H. CHAKIROV
ON THE “URYANKHAI ISSUE” IN 1907–1912**

Tuvan Institute for the Humanities and Applied
Social and Economic Research
under the Government of the Republic of Tuva,
4, Kochetova str., Kyzyl, 667000, Russian Federation

The article analyzes A.H. Chakirov's activity (1907–1912) in the position of Usinsk border chief, who was responsible to administrate the Russian population in the Usinsk district and control Russian-Tuvan relations. The paper objective is to analyze the content and main directions of Russian-Tuvan relations during Staff Captain A.H. Chakirov's tenure of office. The study methodology is based on the historicism principle, which allows seeing historical processes and events in their real development and interrelation. The author has used an integrated approach as well as comparative historical analysis of archival sources that provide an objective analysis and assessment of facts related to the investigation in their entirety. The source basis of the article consists of previously unpublished archival documents (reports, correspondence, etc.), which give an opportunity to rediscover main milestones in the border chief's activities related to Tuva. It is claimed that the border chief initiated the resettlement of Usinsk old-timers to Tuva, and it was a spontaneous process. At the same time, A.H. Chakirov paid low attention to the process of rapprochement in cultural and economic terms. Rather, he was a supporter of forceful pressure, as he sought the establishing Russian guards along the Tannu-Ola ridge, setting a military garrison and expanding the Usinsk border department staff. For the first time in historiography the author described in detail the visit of Khemchik ruler M. Khaidyp to the Usinsk settlement in 1907, some important moments of consultations of Tuvan officials with A.H. Chakirov, as well as the results of the All-Tuvan meeting on Tuva self-determination. A.H. Chakirov did not consider industrial and peasant colonization as a way of peaceful annexation of Tuva to Russia. The situation's escalation forcing the issue of the Tuva expansion led to the development of a military plan to conquer the region. The main thing for him was “a bayonet in front and a yard behind”.

Key words: border chief, Tuva, instructions, Khaidyp, Russian guards, consultations, meetings, Uryankhai issue.

Аяна Анай-ооловна Самдан – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, e-mail: camayana@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7785-7497>.

Ауана А. Samdan – Candidate of Historical Sciences, Leading Research Fellow, Tuvan Institute for the Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva.

ВВЕДЕНИЕ

В 1885 г. по высочайшему повелению был образован Усинский пограничный округ в составе Енисейской губернии. В него вошла «южная часть Минусинского округа, заключающаяся между пограничной с Китаем чертою на протяжении от 20 до 24 пограничного знака, Ойским хребтом и течением реки Контенгира»¹.

Штат Усинского пограничного управления состоял из пограничного начальника, помощника и переводчика монгольского языка. Назначение пограничного начальника и его помощника было двухэтапным: назначал енисейский губернатор, а утверждал генерал-губернатор Восточной Сибири. Переводчик назначался непосредственно пограничным начальником. В распоряжение последнего выделяли 14 казаков с одним урядником.

Для усинского пограничного начальника была разработана инструкция, которую утвердил 24 сентября 1884 г. управляющий МВД России. Согласно ей, ведению пограничного начальника подлежало только русское население, проживавшее на российской территории (ст. 2), но никак не жители, населявшие Урянхайский край. Начальник не должен был вступать ни в какие отношения с тувинскими правителями (ст. 3). Помимо обязанностей непосредственно пограничного комиссара он исполнял функции окружного и горного исправника, крестьянского начальника и торгового комиссара [Дулов, 1956, с. 352].

В 1886 г. была утверждена вторая временная инструкция, которая значительно расширяла его обязанности. Он должен был регулировать торговые споры, реагировать на личные обиды и оскорбления, взыскивать долги с русских и тувинцев, а также принимать участие во взаимной передаче скота в случае перепаса или угона его за границу, выдавать русским поданным торговые свидетельства на русском и китайском языках с переводом на монгольский или татарский язык, что предусматривалась ст. 2 Правил для сухопутной торговли между Россией и Китаем (1881) [Русско-китайские отношения, 1958, с. 61]. С 1900 г. по распоряжению министра внутренних дел пограничный начальник выдавал заграничные билеты русским поданным, отправлявшимся через Туву в Монголию на пребывание в Урянхайской земле, и тувинцам при условии наличия у них разрешения от их начальства (ст. 7, 10).

Пограничный начальник обязан был ежегодно составлять отчет о русской торговле в крае, который предоставлял енисейскому губернатору и в департамент внешней торговли Министерства финансов Рос-

сии (ст. 8). В его компетенцию не входило обсуждение с тувинскими властями пограничного вопроса (ст. 13). Местопребыванием пограничного комиссара было назначено с. Усинское (Верхне-Усинское).

Первым пограничным начальником назначили А.М. Африканова, который известен как автор работ «Русская торговля в Урянхайском крае» и «Урянхайская земля и ее обыватели», опубликованных в «Известиях Восточно-Сибирского отделения ИРГО» [Африканов, 1890а, с. 1–33; 1890б, с. 34–59]. Его заменил коллежский асессор Н.Ф. Талызин, затем В.А. Александрович, статский советник Харченко. А.Х. Чакиров был назначен в 1907 г.

Внешне- и внутривластные аспекты двухсторонних связей рассматривались в литературе весьма активно. Это фундаментальный труд В.И. Дулова «Социально-экономическая история Тувы XIX – начало XX в.» [1956], монографии Ю.Л. Аранчына «Исторический путь тувинского народа к социализму» [1982], Е.А. Белова «Россия и Монголия» [1999], В.Г. Дацышена «Саянский рубеж» [2005], В.Г. Дацышена и Г.А. Ондар «Саянский узел» [2003], Н.М. Моллерова и В.Д. Март-оола «Урянхайский вопрос» [2013] и др.

В работах Ф.С. Мусина анализируется нормативно-правовая база и механизмы ее применения относительно реализации пограничной политики российскими властями, в которых в том числе были прописаны процедуры, права и обязанности в осуществлении деловых отношений с населением приграничья и др. [2015, с. 78–86; 2016, с. 53–62]. Е.В. Почеревиным рассмотрены вопросы финансирования образования, коммуникации и другие из земских бюджетов крупных имперских проектов, связанных с колонизацией Сибири, ее интеграцией в состав империи. Автор подчеркивает, что основным направлением «участия местных бюджетов в процессе колониального освоения Сибири стала практика строительства и содержания транспортных магистралей» [2021, с. 156]. В трехтомном издании Кембриджского университета в разделе «Провинциальное и местное самоуправление» также затронут вопрос законодательного сопровождения местного самоуправления Российской империи, которое, по мнению Д. Хартли, было ориентировано на «вестернизацию», т.е. введение в административно-территориальное устройство гильдий западного типа и разделение городского населения на разные категории [Hartley Janet, 2006, p. 449–467].

Представляет интерес статья А.Х. Чакирова – тезки и внука пограничного начальника А.Х. Чакирова. В ней приведены биографические данные А.Х. Чакирова. Он родился 9 декабря 1877 г. в Крыму, по национальности грек. Окончил церковно-приходскую школу и Константиновское реальное учили-

¹ Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1886. № 16. 25 февр. Ст. 156.

ше в г. Севастополе, затем выбрал карьеру военного и поступил в Московское военное училище. По окончании его был направлен в 11-й Восточно-Сибирский стрелковый полк, дислоцировавшийся в Порт-Артуре. Когда в Китае началось восстание ихэтуаней («боксеров»), А.Х. Чакиров принимал участие в обороне морского порта и во взятии г. Мукдена. Затем перевелся старшим адъютантом окружного штаба в г. Харбин. В феврале 1907 г. после окончания Русско-японской войны был прикомандирован в Иркутский военный округ и затем по болезни переведен на гражданскую службу. В том же году был назначен усинским пограничным начальником. После отставки служил в армии Колчака, затем написал рапорт о принятии его на нестроевую службу в Красную армию, но 16 августа 1920 г. в Москве умер от тифа [Чакиров, 2015].

Задача статьи – с привлечением новых источников реконструировать русско-тувинские взаимоотношения, в том числе особенности функционирования российских административно-судебных структур в рассматриваемый период. Впервые подробно раскрывается роль А.Х. Чакирова в подготовке включения Урянхайского края в зону геополитических интересов России в 1914 г.

«УРЯНХАЙСКИЙ НАЧАЛЬНИК»

В 1907 г. А.Х. Чакиров впервые высказал мысль о мирном заселении Урянхайского края в письме, адресованном в Управление государственными имуществами Енисейской губернии, в котором он ходатайствовал о направлении в с. Усинское 300–400 семейств-переселенцев, подчеркивая, что «крайне желательно»², чтобы старожильческое население, знающее обычаи и язык тувинцев, переселилось в соседнюю страну. Таким образом, он преследовал цель – заселение и в последующем возникновение русских населенных пунктов на территории Тувы. Но уже через несколько лет он же пожаловался енисейскому губернатору, что вследствие беспорядочной внутренней и внешней миграции, когда засельщики «идут и пешие, едут и верхом», «образовалась масса новых займков, а в поселках расселяются, где придется и ... часто в ущерб интересам другого»³. «Священное рыбное озеро, – продолжил он в своем рапорте, – где до 1911 г. никто не имел право рыбачить, а теперь масса русских без всякого разрешения рыбачат и добывают по 100–250 пудов на артель, а также Соляное озеро, где ставятся уже русскими работы»⁴. А.Х. Чакиров не учел, что отсутствие каких-либо русских

переселенческих институтов власти в Туве приведет к неконтролируемому миграционному процессу со всеми вытекающими последствиями.

Неосторожное утверждение пограничного начальника и слухи, распространившиеся среди коренного населения, о том, что край будет принадлежать русским, сыграли свою роль и против засельщиков. Началась беспорядочная вырубка леса «где и когда угодно», обработка земли без разрешения местной власти, что являлось, безусловно, раздражающим фактором в русско-тувинских отношениях.

После изменения геополитической ситуации в Центральной Азии в связи с падением Цинской империи А.Х. Чакиров, руководствуясь девизом «Тува была, есть и будет Российской», предложил воспользоваться «благоприятным временем для России»⁵ и в срочном порядке объявить о включении Тувы в состав России, выставить караулы по хребту Танну-Ола или же разместить в с. Усинское военный малый гарнизон под его распоряжением. Так, в рапорте от 1 ноября 1911 г. иркутскому генерал-губернатору он сообщал о необходимости выставить караулы в Чаа-Холе, Булуке, Усть-Бурене и около монгольских караулов, «введя незначительный гарнизон в район Усинского пограничного округа». Тувинцам следует объявить о том, что, если желают принять российское подданство, то могут остаться и «подчиниться российским законам»⁶, в противном случае могут перекочевать за Танну-Ола.

Другой важной задачей для Чакирова было расширение штата Усинского пограничного управления. Он добивался этого с 1908 г. вплоть до своей отставки. За октябрь–декабрь 1911 г. Чакиров отправил 5 рапортов, за январь 1912 г. – уже 9. В феврале 1911 г. данный вопрос он поднимал на совещании в Иркутске, где получил поддержку иркутского генерал-губернатора Л.М. Князева.

В рапорте от 25 января 1912 г. Чакиров убеждал иркутского генерал-губернатора в том, что объявление Тувы «независимым вольным княжеством» никого не заинтересует – ни Европу, ни Америку и даже не затронет русско-монгольских взаимоотношений. Он опрометчиво, забыв положения инструкции пограничного начальника и взяв на себя функции МИДа, военного ведомства России, утверждал, что тувинцы всю «надежду возлагают только на меня. Советов прочих избегают, а ждут, что скажет Чакиров», просил разрешения захватить край, принять бразды правления в свое ведение и объявить себя «урянхайским начальником»⁷. При этом он считал, что нужно временно оставить самоуправление тувин-

² Национальный архив Республики Тыва (НАРТ). Ф. 12. Оп. 1. Д. 1. Л. 146.

³ Там же. Д. 2. Л. 170, Л. 171.

⁴ Там же. Л. 171.

⁵ Там же. Л. 155, Л. 122.

⁶ Там же. Оп. 2. Д. 1. Л. 17.

⁷ Там же. Д. 2. Л. 137.

цев «под нашим контролем и отменив биение, истязание и круговую поруку, ввести наши законы подсудности»⁸. Пограничный начальник самоуверенно полагал, что найдет поддержку не только со стороны «смертных урянхов», но и у тувинского духовенства, чиновников и нойонов. «Подобной симпатией, подобным временем, – писал он в рапорте, – не воспользоваться мне для блага России было бы не только большой ошибкой с моей стороны, но и вполне справедливо запятнал бы свое имя и заслужил бы порицание истории»⁹. При этом Чакиров настойчиво просил дать в его распоряжение 200 конных казаков. Следует отметить, что эти утверждения имели под собой основания.

Еще одним рычагом давления стало обращение в конце 1911 г. амбын-нойона¹⁰ Тувы Комбу-Доржу к русским властям с просьбой выдать 100 тыс. руб. в кредит на 5 лет без процентов с целью погашения податной недоимки¹¹. В связи с этим обращением А.Х. Чакиров направил рапорт на имя Л.М. Князева, где он, придавая данной просьбе огромное значение для России как «в торговом, так и в политическом отношении», предложил не выдавать ссуду напрямую тувинцам, а «потребовав от них все кредиты, долги и обязательства, самим распоряжаться ссудой». Для этого он предлагал правителям Оюннарского, Салчакского, Тоджинского и Бейсе хошунов «приставить по одному русскому агенту, ...который должен ... [взять] бразды правления хошуном в свои руки»¹². Он предложил выдать кредит под 8–10 % годовых, а на проценты содержать русских агентов при хошунных правителях. А.Х. Чакиров считал, что китайскую торговлю нужно запретить, китайские торговцы без ведома русской власти не должны кредитовать тувинцев, а также взыскивать налоги. Тувинцы, по его мнению, без согласия русских властей не должны продавать или закладывать свое движимое и недвижимое имущество.

ВЗАИМНЫЕ ВИЗИТЫ

А.Х. Чакиров подробно рапортовал иркутскому военному генерал-губернатору о посещении М. Хайдыпом с. Усинского. Остановимся подробнее на этом факте, поскольку, во-первых, он ранее не освещался в литературе и, во-вторых, на его примере можно проследить ход событий, приведших к русско-тувинскому конфликту 1908 г. на Хемчике¹³.

В самом начале октября 1907 г. состоялась встреча штабс-капитана А.Х. Чакирова и М. Хайдыпа в с. Усинское. Последнего сопровождали дарга¹⁴ Эрэндондов, соржи¹⁵ Мейрен, Сурен-мейрен¹⁶, Езуту-чалан¹⁷, Шири-Санаа чалан, Ендан-хелин¹⁸, Хелин-дарга и еще 24 мелких чиновника, а также «более ста урянхов, составлявших его конвой»¹⁹. На всем пути следования присутствовал старший выборный на Хемчике Д.М. Боярский. Тувинскую делегацию везде встречали по русскому обычаю с хлебом и солью. А.Х. Чакиров встретил своего гостя весьма помпезно. Улицы села были украшены российскими флагами. Для Хайдыпа была подготовлена отдельная квартира. Во въездах в дома М. Хайдыпа и А.Х. Чакирова «были устроены арки, разукрашенные национальной трехцветной материей»²⁰. Но Хайдып поставил для себя привычную юрту. Переводчиком с тувинского языка стал купец Р.В. Вавилин. 3 октября 1907 г. А.Х. Чакиров принял нойона вместе с его свитой у себя, а затем пограничный начальник и сопровождавшие его священник С.Е. Суховский, врач Я.Н. Высоцкий, акцизный контролер Г.В. Фон-Брюммер и учителя нанесли ответный визит Хайдыпу. Вечером А.Х. Чакиров организовал у себя обед и принял нойона вместе с приближенными, а всю свиту из более 100 чел. отдельно пригласил в здание училища. На следующий день М. Хайдып и А.Х. Чакиров посетили священника С.Е. Суховского, затем посмотрели школу, где пограничный начальник озвучил инициативу открытия русско-тувинской школы на территории Хемчика. Это предложение было воспринято Хайдыпом с большим одобрением. Посетили еще женскую церковно-приходскую школу, аптеку и больницу. Затем уже Р.В. Вавилин дал обед на 150 чел., в конце его он подарил Хайдыпу граммофон с пластинками стоимостью 120 руб., Эрэндондову – подзорную трубу (40 руб.), остальным чиновниками – часы и по одной шкуре рыси. На этом официальная часть закончилась.

На третий день пребывания делегации А.Х. Чакиров, взяв с собой только переводчиков (Шелкунова, Р.В. Вавилина) и старшего выборного Д.М. Боярского, встретился с Хайдыпом в узком кругу, где он говорил об острых вопросах русско-тувинских взаи-

¹⁴ Дарга (монг.) – наместник, голова, начальник, командир, глава, председатель, управляющий.

¹⁵ Соржи (монг. цорж) – следующий за настоятелем высший буддийский сан.

¹⁶ Мейрен (монг. мээрэн), мэйрэн – воинское звание командира соединения.

¹⁷ Чалан (монг. залан), дзалан – командир полка, управляющий хошуном.

¹⁸ Хелин (монг. гэлэн) – буддийский монах, принявший на себя 253 обета.

¹⁹ НАРТ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1. Л. 163об.

²⁰ Там же. Оп. 2. Д. 1. Л. 17.

⁸ НАРТ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 2. Л. 145.

⁹ Там же. Л. 146.

¹⁰ Амбын-нойон (маньч. амбан) – наместник, вельможа, сановник, губернатор, министра, генерал.

¹¹ НАРТ. Ф. 12. Оп. 2. Д. 2. Л. 115.

¹² Там же. Л. 98.

¹³ Подробно об этом см.: [Самдан, 2017, с. 27–35].

моотношений. Это, прежде всего, запрет русским на вырубку леса и заготовку сена, а также неуплата долгов тувинцами. Беседа, как признавался А.Х. Чакиров, была непродолжительной, а после, выйдя из юрты, он снял своим фотоаппаратом Хайдыпа со свитой и отдельно Хайдыпа около его юрты.

Вдвоем они присоединились к крестному ходу, направлявшемуся к месту закладки Усинской русско-уряньхайской больницы, которая строилась за счет добровольных пожертвований. После молебна и освящения этого места А.Х. Чакиров и Хайдып заложили в фундамент будущей больницы первый камень. Хайдып пожертвовал на ее строительство 200 царских рублей. Жители села просили будущую больницу называть «Алексеевской», в честь наследника цесаревича Алексея Николаевича. Об этом событии А.Х. Чакиров информировал телеграммой иркутского генерал-губернатора, а он, в свою очередь, министра внутренних дел Российской империи. Строительство больницы, как писал А.Х. Чакиров, должно было стать «первым памятником дружбы и мира русских и урянхайцев». В ответ министр МВД России П.А. Столыпин информировал Л.М. Князева: «На всеподданнейшем докладе моем о верноподданнических чувствах, заявленных жителями Усинского пограничного округа ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР собственноручно начертать соизволил: ИСКРЕННЕ БЛАГОДАРИЮ»²¹.

Возвращались в с. Усинское к волостному старшине Г.Н. Смолину на пароме, переезжая через р. Ус. Здесь Хайдып обратился к Чакирову с просьбой «устроить подобную переправу и через Енисей у Чаа-Холя»²². А.Х. Чакиров согласился построить временный паром. Нойон, в свою очередь, предложил построить русский поселок на Хемчике, где он предполагал обустроить всех русских жителей, переселив их с дальних заимок. Идею А.Х. Чакиров поддержал. Состоялся еще ряд встреч, обедов и церемоний вручения подарков. 6 октября А.Х. Чакиров предложил гостю посетить базар, который был открыт 29 сентября. Его посещение Хайдыпа очень впечатлило, «и потому решил приказать своим уряням приезжать на базар для продажи шкурья и скота и за покупкой русских товаров»²³. В конце состоялся взаимный обмен подарками. 7 октября утром тувинская делегация отбыла домой.

По приезде на Хемчик Хайдып разрешил Д.М. Боярскому, как представителю русского населения, принимать участие в судебных съездах по разбору мелких гражданских и уголовных дел.

А.Х. Чакиров, учитывая заслуги Д.М. Боярского, который «неся безоплатно обязанность старшего, исполнением пограничных, политических, полицейских поручений и требований»²⁴, ходатайствовал перед енисейским губернатором о награждении его серебряной медалью «с надписью за усердие на Станиславской ленте». Одновременно, учитывая честолюбие хемчикского нойона и узнав «от многих русских, как его (Хайдыпа. – А.С.) огорчило пожалование одного Амбын Нойона Российским орденом»²⁵, просил губернатора рассмотреть возможность «пожалования» ордена Станислава 2-й степени и нойону. «Это пожалование, – писал пограничный начальник, – не только склонило бы в нашу пользу Ухери-ду»²⁶, но и подвластных ему урянхов, которые на подобное пожалование смотрят как на переход их начальника в подданство и во власть России»²⁷. Но енисейский губернатор отклонил данное предложение как преждевременное.

По задумке А.Х. Чакирова, ответный визит должен был состояться в апреле 1908 г. Тогда же он планировал «инкогнито объехать всю Туву, встретиться с амбын-нойоном и даже поехать в Улясутай к русскому консулу». По его предварительным расчетам, поездка заняла бы 15 дней, а расходы на 6 чел. составили бы 800 руб., из них на подарки – 350 руб. Заодно он выдвинул предложение – построить на Хемчике дом для заседания смешанного суда – «съездов», а на самом деле иметь «постоянного агента», хотя бы в лице сторожа²⁸.

Л.М. Князев отклонил предложение А.Х. Чакирова, разрешив только летом будущего года ограничиться посещением ставки Хайдыпа, посчитав, что визит должен «иметь своею целью укрепление взаимного доверия и личной дружбы»²⁹. Запретил возбуждать вопросы о границе и постройке русского поселка как не входящие в компетенцию пограничного начальника. Генерал-губернатор распорядился, чтобы в случае настойчивости М. Хайдыпа, переадресовать эти вопросы русскому консулу в Улясуатае и улясутайскому цзянь-цзюню. Л.М. Князев отправил по железной дороге подарки, предназначенные М. Хайдыпу, его семье и чиновникам, а расходы на поездку значительно урезал и выделил только 200 руб.

В сентябре 1910 г. второй раз большая тувинская делегация уже во главе с амбын-нойоном Комбу-Доржу нанесла визит пограничному начальнику. Улицы с. Усинское, как и в 1908 г., были украшены россий-

²¹ НАРТ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1. Л. 153, Л. 157

²² Там же. Л. 167.

²³ Об открытии базара А.Х. Чакиров сообщил Комбу-Доржу и Хайдыпу, тем самым приглашая торговать и тувинцев. См.: НАРТ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1. Л. 168.

²⁴ Там же. Л. 179.

²⁵ Там же.

²⁶ Ухэрида (*маньжэ. ухер-да*) – правитель хошуна.

²⁷ НАРТ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1. Л. 179.

²⁸ Там же. Л. 174–175.

²⁹ Там же. Л. 184.

скими флагами, построены две торжественные арки. В состав делегации входили тоджинский нойон, дарга Бээзи-хошуна, «наследники амбын-нойона, нойона Тоджи, высшие чиновники и родственники главы Тувы» [Дацышен, 2006, с. 200]. Для них специально был сооружен «целый город из юрт, заранее поставленных рядом с русским поселком» [Там же, с. 200]. Показали джигитовку казаков, а тувинцы продемонстрировали национальную борьбу с участием 8 участников. Кроме того, устроили скачки, в которых приняли участие и русские, и тувинские наездники. Комбу-Доржу был награжден золотой медалью на Станиславской ленте. Данный визит продолжительностью 10 дней носил официально-дружеский характер. 13 августа 1911 г. переводчик Самойлов ездил в Самагалтай для предварительной подготовки визита пограничного начальника. Дал указание организовать станции в Хадан-Аме (в 50 верстах от Булука) и Шугуй-хурээ (в 90 верстах от Хадана) и «приготовить на каждой станции по 12 лошадей, поставить ... по 3 юрты, а по прибытии на Самагалтай ... приготовить 7 юрт»³⁰. Сама поездка А.Х. Чакирова состоялась осенью.

ЗАМЕТКА «О ПОЛОЖЕНИИ УРЯНХА ЗА ПОСЛЕДНЕЕ ТРЕХЛЕТИЕ – 1909–1911 гг.»

В заметке «О положении урянха», составленной А.Х. Чакировым, проанализировано положение китайской и русской торговли в Туве и предложены меры по улучшению последней. Пограничный начальник, руководствуясь девизом «Штык впереди – аршин позади», аргументировал свое видение того, как, развивая торговлю, можно «мирно» захватить Туву и убедить местное население в «необходимости свергнуть желтое покровительство и искать милости белой»³¹.

А.Х. Чакиров коснулся истории появления русских и китайских торговцев в Туве. Приграничные казаки первыми еще в XVII столетии совершали вылазки в Туву с небольшим количеством товаров. Русские торговцы первыми «поставили свои амбары» по р. Уюк, на левом берегу Большого Енисея, на Булуке и Салдаме. Позже они заселились уже на Хемчике, Чаа-Холе, на правом берегу р. Енисея. А с 1907 г. уже стали строить торговые фактории и целые селения в центральной части Тувы. В 1911 г. в Туве всего насчитывалось 10 русских селений и поселков, 90 заимок³² и торговых факторий. Русские занимались зем-

леделием, скотоводством, коневодством, мараловодством и торговлей.

Русские торговцы получали письменное разрешение на въезд в Туву за 1 руб. 50 коп., приобретали патент, платили таможенную пошлину и промысловый налог. По оценке А.Х. Чакирова, они, «наживая сто и более процентов», никаким образом не заботились «как об увеличении количества сбываемого товара, так и о его качестве». Даже на сумму кредита насчитывались проценты, взыскания обращались в скот, который оценивался «по своему усмотрению». На этой почве возникало много конфликтов между русскими и тувинцами. Отмечались случаи, когда, встретив должника на дороге, отнимали лошадей в счет долга или же отнимали скот уже за оплаченный товар. «...Среди русских торговцев, – писал А.Х. Чакиров, – встречались и встречаются форменные скандалисты и пьяницы, позволяющие себе чинить самоуправствовать, торговые книги вести небрежно, не отмечая в таковых возврата урянхами своих долгов и возбуждать вторичных требований по уплате»³³. «В Урянхае найдет себе дело и пропитание, – писал А.Х. Чакиров, – не только скотовод, коневод, мараловод, золотопромышленник, пахарь, но и охотник, рыбак, кустарь, плотник, кузнец, торговец и т.д.»³⁴.

С развитием русской торговли в Туве, которая играла важную стратегическую роль, по мнению А.Х. Чакирова, выиграет «русское дело на границе с Китаем, ибо Россия в лице ... Урянхия приобретает и необходимый буфер меж Россией и Китаем»³⁵. Отсутствие дорог, почты, телеграфа, банка в Туве во многом тормозило развитие русской торговли. А.Х. Чакиров предложил открыть отделение Государственного или же Русско-азиатского банка, которое кредитовало бы тувинцев под залог скота или сырья, а также назначить торгового агента. При наличии их, по мнению пограничного начальника, русская торговля шагнет «гигантским шагом вперед»³⁶ не только в Урянхае, но и в Монголии.

Китайские торговцы проникли в Туву в 1903 г. К 1907 г. уже насчитывалось 14 китайских фирм с отделениями в разных хошунах Тувы. Как утверждал пограничный начальник, первые прибывшие на Хемчик китайцы как будто представлялись с целью свободного проезда в Туву агентами Русско-китайского банка в Улясутае, командированными якобы для открытия отделения банка. Китайцы торговали в кредит под 36 % годовых. Они сначала забирали скот «по личной цене» на сумму процента, а кредит остав-

³⁰ НАРТ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.

³¹ Там же. Д. 2. Л. 101.

³² С. Минцлов во время пребывания в Туве в 1914 г. посетил заимку А.Х. Чакирова, расположенную в верховьях р. Бегреды, где тот сожительствовал со «второй мадам Чакировой» [Минцлов, 2014, с. 159].

³³ НАРТ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 2. Л. 104, Л. 105.

³⁴ Там же. Л. 109.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. Л. 112.

ляли в качестве долга. Так, за 2 чая или 1 табак тувинец отдавал годовалого бычка, т.е. 3 руб. 50 коп., за кредит на следующий год китаец забирал уже двухлетнего бычка за 10–12 руб. Таким образом, «за товар стоимостью 3 руб. 50 коп., уплатив 36 %, должник платил еще через 2 года 10–12 руб.»³⁷. Система «круговой поруки», введенная китайцами, делала тувинского арата должником за «неимущего урянха, за вора, грабителя, разбойника»³⁸, за них арат отвечал всем своим имуществом. Зачастую из-за несостоятельности должника платежи производили за прошлые годы, «и в таких случаях хошун или сумо делает кредит у частных купцов китайцев или русских и, таким образом, связывают себя с этим купцом»³⁹. При указанном кредитовании хошуна, как считал А.Х. Чакиров, ухер-да, став должником, оказывался зависимым от кредитора. По оценке пограничного начальника, если избавить Туву от китайских долгов, то всего за два года она экономически восстановится. По состоянию на 1911 г. ввоз в Туву китайских и русских товаров выражался в сумме не менее 1 млн руб., тогда как вывоз в Китай и Россию составлял около 3 млн руб.

Усинский пограничный начальник, изучив хозяйство тувинцев, смог составить основные статьи их расходов в бюджете. Так, главное место в их бюджете занимал кирпичный чай, китайский мягкий табак, пропитанный маслом, трубки курительные с каменными мундштуками. Существенные траты приходились на хозяйственную утварь, а на последнем месте была одежда. Тувинцы приобретали также английскую талембу и сулембу⁴⁰ для пошива национальной одежды определенного тона, а из сукна шили дождевые халаты. Более состоятельные из них покупали чесучу и шелк-фанзу. А.Х. Чакиров считал возможным воспользоваться удобным моментом и «двинуть русский аршин вперед». Для этого требовалось на правительственном уровне поддержать русскую торговлю в Туве, которую он рассматривал как богатый природными ресурсами край.

КОНСУЛЬТАЦИИ С А.Х. ЧАКИРОВЫМ И ИТОГИ СОВЕЩАНИЯ

Волна синьхайской революции достигла и периферийных районов империи. Тувинские власти получали от своих агентов информацию о событиях, происходящих в Монголии. Они сразу же прекратили производить платежи китайским торговцам, а последние, наоборот, спешили собрать свои долги.

В Туве по этому поводу начались активные обсуждения на уровне хошунов, амбын-нойона, а также с русскими властями в лице пограничного начальника. Как утверждал А.Х. Чакиров, в середине мая 1911 г., когда он был в Салдаме, к нему подошли оюннарский чалан Санаа, чайзаны⁴¹ Чырандай и Чульдуд из Чооду сумона и другие и выразили желание войти в подданство России. Они как будто бы уверяли, что хошуны Салчак, Оюннар и сумоны Байкара, Чооду, Шалык и ван Чооду «уже поклялись» в едином решении по вопросу перехода. Договорились вплоть до того, кто должен ехать в свите амбын-нойона «с челобитной» иркутскому генерал-губернатору и далее в Петербург, наводились справки о стоимости поездки. Здесь вызывает сомнение, что мелкие «низшие» чиновники имели полномочия обсуждать данный вопрос без ведома амбын-нойона, поскольку, по признанию тех же чиновников, амбын-нойон собирался в Улясутай для сдачи подати, и он сам не знал, как действовать, «опасаясь за участь свою и своего народа»⁴². При этом они просили А.Х. Чакирова посетить амбын-нойона, так как последний лично ждал его совета и даже распоряжений, как ему действовать в Улясутае.

В начале января 1912 г. с целью консультации четыре чиновника из Оюннарского и Салчакского хошунов, Байкара и Чооду сумонов посетили (каждый в отдельности) с. Усинское и хотели, по утверждению пограничного начальника, узнать у него «последовало ли объявление о присоединении урянхов в русское подданство»⁴³. Усинский пограничный начальник, явно превышал свои полномочия, заверив тувинских чиновников в том, что в скором времени по хребту Танну-Ола появится русская стража и Тува воссоединится с Россией, а сам он посетит амбын-нойона в середине июня.

В конце января 1912 г. на консультацию к А.Х. Чакирову явились поочередно чангы⁴⁴ алдыр и мейрен Санаа из Оюннарского хошуна. Тогда А.Х. Чакиров смог убедить их в том, что на совещании всех хошунов Тувы якобы было принято постановление, где объявлено о том, что поскольку Монголия отделилась от Китая и провозгласила свою независимость, то тувинцы, следуя ее примеру, также объявляют себя независимыми и при посредстве местной российской власти просят «Великого Цаган-Хана принять нас в свое подданство»⁴⁵. Проект резолюции был подготовлен пограничным начальником.

³⁷ НАРТ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 2. Л. 102, 103.

³⁸ Там же. Л. 106.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Талемба (далемба, даалымба), сулемба (суулумбу) – хлопчатобумажная ткань.

⁴¹ Чайзан (монг. зайсан) – управитель отока, родовой глава.

⁴² НАРТ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 2. Л. 16.

⁴³ Там же. Л. 116.

⁴⁴ Чангы (монг. занги) – дзанги, командир эскадрона, правитель сумона, уртона; начальник, управляющий, заведующий.

⁴⁵ НАРТ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 2. Л. 148.

Он рапортовал иркутскому генерал-губернатору о том, что данный документ ляжет на стол ургинскому Богдо-гегену и одновременно последует обращение к «ВЕЛИКОМУ РОССИЙСКОМУ ГОСУДАРЮ», причем Амбан-нойон желает ехать лично со свитой в Петербург»⁴⁶. Для участия в работе совещания А.Х. Чакиров командировал переводчика Самойлова в Самагалтай, а сам намеревался выехать в Булук и там получать информацию от них.

5–6 января 1912 г. тоджинский нойон Тогмид провел хошунное совещание. А перед этим он отправил гонцов в Хазутский и Салчакский хошуны, чтобы узнать настроение и выработать совместное решение. На Хемчике такое совещание состоялось 12 января 1912 г., в начале февраля проводилось совещание на уровне амбын-нойона. Оно продолжалось несколько дней. Обсуждались три основных вопроса: присоединение к Монголии (основные сторонники – правители Тоджинского (Тогмид) и Салчакского (Балчинням) хошунов), объявление независимости и принятие ходатайства о приеме в русское подданство. На совещание не прибыли высшие чиновники подчиненных нойону хошунов, а из Хемчика вовсе никто не принял участие, поскольку этот хошун получил самостоятельное управление уже в начале XX в. Тоджинский нойон Тогмид отправил двух своих чиновников, а сам поехал к усинскому пограничному начальнику, где пробыл с 3 по 7 февраля 1912 г. Тогмид, будучи у А.Х. Чакирова, высказывал желание воспользоваться удобным моментом и отделиться от амбын-нойона, как в свое время сделали хазутский и хемчикской нойоны.

Совещание приняло решение об объявлении Тувы отдельным государством, а амбын-нойона Комбу-Доржу, «имеющего от Дайцинского Государя чин корпусного командира и павлина перо и от великого российского белого государя одну золотую медаль для ношения на шее и орден святого Станислава второй степени» [История Тувы, 2001, с. 354], избрали главой правления.

Но после совещания правители хошунов, непосредственно не участвовавшие в его работе и не считавшие себя обремененными какими-либо обязательствами, стали действовать по своему усмотрению. Известно, что салчакский и тоджинский нойоны обратились к Джалханзе-хутухте с просьбой принять их в «податное население». Впоследствии к ним присоединились М. Буян-Бадырғы и сам абын-нойон.

Таким образом, все пошло не так, как задумал А.Х. Чакиров. Деятельность пограничного начальника «вследствие ложного понимания своих обязанностей» была направлена к тому, чтобы убедить тувин-

ских правителей перейти в русское подданство. Усинский пограничный начальник, манипулируя разными доводами, ввел в заблуждение тувинских нойонов, убеждая, что российское правительство примет их в свое подданство, а вышестоящие органы информировал о «большом» желании тувинцев вступить в него. Доверившись А.Х. Чакирову, часть урянхайских правителей просила пограничного начальника «повернуть их ходатайство о присоединении к России к стопам его императорского величества»⁴⁷.

15 февраля 1912 г. по настоянию А.Х. Чакирова, который заблаговременно заверил генерал-губернатора о прощении, мелкие чиновники сумонного уровня Оюннарского, Тоджинского и Салчакского хошунов и представители духовенства Самагалтайского, Кыргызского и Салчакского монастырей подписали письмо о покровительстве и защите «великого российского государства» [История Тувы, 2001, с. 354]. «Просили» также ввести войска и «скорее занять ... по своему усмотрению» населенные пункты тувинцев, а для охраны границ – установить свои пикеты. Амбын-нойон воздержался от подписи в документе.

Прошение было составлено келейно и «не соответствовало желанию всего туземного населения»⁴⁸. Данное обстоятельство наряду с другими факторами объясняет, почему их прошение было оставлено без рассмотрения российскими властями.

А.Х. Чакиров, увлеченный вопросом присоединения Тувы, перестал четко регулировать русско-тувинские отношения. По этому поводу российские купцы написали жалобу енисейскому губернатору. «За два года с лишним – писал граф А.П. Беннигсен, – у иных наших купцов претензий набралось на тысячи рублей. Вообще отсутствие какой бы то ни было судебной и административной власти очень и очень [плохо] оказывается на нашей торговле»⁴⁹. После этой жалобы пограничный начальник в сентябре 1912 г. вместе с мировым судьей 8-го участка А. Барашковым объехал русские поселки и заимки по Малому Енисею и собрал жалобы от населения.

В период активного изгнания китайцев с территории Тувы в их разграблении участвовали и российские подданные. Так, в Эрбеке инородец Иван Огнев принимал участие в совместных с тувинцами грабежах. Тувинцы оставляли китайцам только одного коня для передвижения и часть денег, чтобы дать возможность покинуть территорию Тувы. Так, одному китайцу на Ойн-Шиве оставили коня и 30 руб.⁵⁰ Русские, несмотря на распоряжение А.Х. Чакирова, бра-

⁴⁷ Там же. Л. 1.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. Л. 176.

⁵⁰ Там же. Л. 136.

⁴⁶ НАРТ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 2. Л. 149.

ли китайские товары на хранение. Так, в Чаа-Холе Пестунов, Маямсин и Фунтиков взяли от китайцев часть их товаров в кредит. Минусинский мещанин Шомесов был задержан на Уюке с возом награбленного китайского товара, который после составления описи был сдан на хранение русским. Остальные китайцы, которые находились на Хемчике, отказались ехать домой через Монголию. М. Буян-Бадыргы, понимая, что их «пребывание в хошуне вредно отзывается во внутренней жизни урянхов»⁵¹, обратился к пограничному начальнику с просьбой отправить казаков для сопровождения китайцев.

7 августа 1912 г. на Хемчик был отправлен из Верхне-Усинска переводчик Вл. Самойлов в сопровождении двух казаков и «горно-полицейског» стражника Соловьева. 11 августа они прибыли на место назначения и на следующий день китайцы 88 чел., представители 5 фирм – «Даши-Тайфу», «Баян-Боова», «Шини-Бату», «Ян-Хан» и «Тумен-Олзей» – в сопровождении 20 провозатых-тувинцев из Хемчикского хошуна выехали из Чаданы в сторону Минусинска.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В августе 1912 г. на состоявшемся междуведомственном совещании МИДа и МВД России было решено учредить должность заведующего пограничными делами Урянхайского края. Им стал А.П. Церерин. Для исключения возможных конфликтов отозвали пограничного начальника [Адамов, 2007, с. 26]. А.Х. Чакирову предложили выбрать вакансию крестьянского начальника или исправника, но он отказался и остался в Туве.

Анализ рапортов и докладов пограничного начальника показывает, что он преследовал прежде всего свои личные интересы. Ссылаясь на авторитет и уважение среди тувинского народа, он хотел стать «главным русским начальником» тувинцев. Он широко практиковал визиты как форму ведения неформальных переговоров, поэтому он «дружил» со всеми – как с правителями хошунов, так и с мелкими чиновниками. Но полярные политические настроения среди тувинской элиты и лавирование последних между русскими и китайцами помешали ему стать «урянхайским начальником». Комбу-Доржу, сохранив дружеское отношение с пограничным начальником, де-юре остался во главе «независимой» Тувы, но де-факто, не предприняв никаких действий, поддался всеобщему настроению и написал прошение к хутухте.

А.Х. Чакиров не рассматривал промышленную и крестьянскую колонизацию в качестве основного

способа мирного присоединения Тувы к России. Нагнетание обстановки, стремление форсировать вопрос присоединения Тувы привели к разработке им военного плана завоевания края.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адамов Е.А. Урянхайский вопрос при царском и Временном правительствах. Кызыл: КЦО Аныяк, 2007. 71 с.
- Аранчын Ю.Л. Исторический путь тувинского народа к социализму. Новосибирск: Наука, 1982. 338 с.
- Африканов А.И. Русская торговля в Урянхайской земле // Изв. Вост.-Сиб. отд. ИРГО. 1890а. Т. XXI, № 5. С. 1–33.
- Африканов А.И. Урянхайская земля и ее обитатели // Изв. Вост.-Сиб. отд. ИРГО. 1890б. Т. XXI, № 5. С. 34–59.
- Белов Е.А. Россия и Монголия (1911–1919 гг.). М.: Изд-во ИВ РАН, 1999. 237 с.
- Дацышен В.Г. Саянский рубеж. Южная часть Приенисейского края и русско-тувинские отношения в 1616–1911 гг. Томск, 2005. 248 с.
- Дацышен В.Г., Ондар Г.А. Саянский узел: Усинско-Урянхайский край и русско-тувинские отношения в 1911–1921 гг. Кызыл, 2003. 284 с.
- Дулов В.И. Социально-экономическая история Тувы XIX – начало XX в. М.: Наука, 1956. 608 с.
- История Тувы / С.И. Вайнштейн, М.Х. Маннай-оол (общ. ред.). Новосибирск: Наука, 2001. Т. I. 367 с.
- Мицлов С. Секретное поручение. Путешествие в Урянхай. Фотоальбом. Дневник поездки в Туву в 1914 году. Абакан: Журналист, 2014. 256 с.
- Моллеров Н.М., Март-оол В.Д. Урянхайский вопрос в политической истории России: возникновение и долговременная актуальность. Абакан: Журналист, 2013. 244 с.
- Мусин Ф.С. Безопасность в пограничном пространстве и правовая регламентация вопросов пограничной политики Российской империи в XIX – начале XX века // Вестн. Тув. гос. ун-та. Сер.: Социальные и гуманитарные науки. 2015. № 1. С. 78–86.
- Мусин Ф.С. Эволюционный характер пограничной политики Российского государства // Вестн. Тув. гос. ун-та. Сер.: Социальные и гуманитарные науки. 2016. № 1. С. 53–62.
- Почеревин Е.В. Имперские проекты в Сибири: провинциальное измерение // Исторический курьер. 2021. № 5 (19). С. 155–164. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-5-13.pdf>. DOI: 10.31518/2618-9100-2021-5-13.
- Русско-китайские отношения. 1689–1916. Официальные документы / [сост. П.Е. Скачков, В.С. Мясников]. М.: Изд-во восточной литературы, 1958. 139 с.
- Самдан А.А. Русско-тувинский конфликт 1908 г. // Вестн. КИГИ РАН. 2017. № 3. С. 27–35.
- Чакиров А.Х. Александр Чакиров. Усинский пограничный начальник // Новые исследования Тувы. 2015, № 1. URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_25/7796-chakirov.html.
- Hartley Janet. Provincial and Local Government // The Cambridge History of Russia. / ed. by Dominic Lieven. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. Vol. 2: Imperial Russia, 1689–1917. P. 449–467.

REFERENCES

- Adamov E.A. (2007). The Uryankhai Issue as Viewed by the Tsarist and Russian Provisional Governments. Kyzyl, Anyyak, 71 p. (In Russ.)
- Afrikanov A.I. (1890a). Russian trade in the Uryankhai land. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdela IRGO*. Vol. XXI, no. 5, pp. 1–33. (In Russ.)
- Afrikanov A.I. (1890b). Uryankhai land and its inhabitants. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdela IRGO*. Vol. XXI, no. 5, pp. 34–59. (In Russ.)

⁵¹ НАРТ. Ф. 12. Оп. 2. Д. 2. Л. 179.

- Aranchyn Yu.L.* (1982). The Historical Path of the Tuvan People to Socialism. Novosibirsk, Nauka, 338 p. (In Russ.)
- Belov E.A.* (1999). Russia and Mongolia (1911–1919). Moscow, Izd-vo IV RAN Publ., 237 p. (In Russ.)
- Chakirov A.H.* (2015). Alexander Chakirov. Usinsk border chief. *Novye issledovaniya Tuvy*. No. 1. URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_25/7796-chakirov.html (accessed 01.02.2022). (In Russ.)
- Datsyshen V.G.* (2005). Sayan Frontier. The Southern Part of the Yenisei Region and Russian-Tuvan Relations in 1616–1911. Tomsk, 248 p. (In Russ.)
- Datsyshen V.G., Ondar G.A.* (2003). The Sayan Imbroglia: Usinsk – Uryankhai Region and Russia-Tuva Relations in 1911–1921. Kyzyl, 284 p. (In Russ.)
- Dulov V.I.* (1956). A Socio-Economic History of Tuva: the XIX-th – early XX-th cc. Moscow, Nauka, 607 p. (In Russ.)
- Hartley Janet.* Provincial and Local Government. The Cambridge History of Russia. / ed. by Dominic Lieven. Cambridge : Cambridge University Press, 2006. Vol. 2: Imperial Russia, 1689–1917. P. 449–467.
- Mintslov S.* (2014). The Secret Assignment. Travel to Uryankhai. Photo album. Diary of the trip to Tuva in 1914. Abakan, Zhurnalst, 256 p. (In Russ.)
- Mollerov N.M., Mart-ool V.D.* (2013). The ‘Uryankhai Issue’ in Russia’s Political History: Emergence and Long-Lived Relevance. Kyzyl, Anyyak, 244 p. (In Russ.)
- Musin F.S.* (2015). Security in the border space and legal regulation of the issues of the border policy of the Russian Empire in the XIX-th – early XX-th centuries. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Sotsial’nye i gumanitarnye nauki*. No. 1, pp. 78–86. (In Russ.)
- Musin F.S.* (2016). The Evolutionary Nature of the Border Policy of the Russian State. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial’nye i gumanitarnye nauki*. No. 1, pp. 53–62. (In Russ.)
- Pocherevin E.V.* (2021). Imperial Projects in Siberia: a Provincial Dimension. *Istoricheskiy kur'er* No. 5 (19), pp. 155–164. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-5-13.pdf> (accessed 05.01.2022). (In Russ.)
- Samdan A.A.* (2017). Russian-Tuvan conflict of 1908. *Vestnik KIGI RAN*. No. 3, pp. 27–35. (In Russ.)
- Skachkov P.E., Myasnikov V.S.* (Comp.) (1958). Russian-Chinese relations. 1689– 1916. Official documents. Moscow, Orient. Lit. Publ, 139 p. (In Russ.)
- Vainshtein S.I., Mannai-ool M.Kh.* (Eds) (2001). A history of Tuva. Vol. 1, Novosibirsk, Nauka, 367 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 14.02.2022

Дата рецензирования 27.04.2022

Статья принята к публикации 22.06.2022

DOI: 10.15372/HSS20220310

УДК 94:338(47)“1933/1937”

М.А. ФЕЛЬДМАН

К ВОПРОСУ О СТЕПЕНИ ВЛИЯНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЭЛИТЫ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КУРС СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ГОДЫ ВТОРОЙ ПЯТИЛЕТКИ

Уральский институт управления – филиал Российской Академии народного хозяйства
и государственной службы при президенте РФ,
РФ, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 марта, д. 66

В статье впервые в научной литературе анализируются особенности работы Совещания руководящих работников тяжелой промышленности (20–22 сентября 1934 г.). Участие в Совещании почти 800 «командиров производства» придавало мероприятию важное значение в жизни СССР. Проведенный контент-анализ выступлений 25 директоров крупных промышленных предприятий показал, что в большей степени «командиров производства» волновала необходимость изменения методов планирования. Автором статьи сделан вывод о том, что в выступлениях директоров промышленных предприятий осуждалась практика «штурмовщины», вызванная неритмичной поставкой сырья и материалов, запасных частей; а также низкое качество поставляемой продукции, прежде всего черных металлов. Факты, приведенные в выступлениях, резко отличались от штампов о самой «передовой экономике мира». Жесткой цензурой объясняется чередование конкретных обоснованных и пустых, заполненных абстрактной статистикой выступлений руководящих работников тяжелой промышленности на совещании 20–22 сентября 1934 г.

Ключевые слова: Совещание, промышленность, директора, качество, брак, экономика.

M.A. FELDMAN

ON THE ISSUE OF THE DEGREE OF THE ECONOMIC ELITE EFFECT ON THE SOVIET STATE ECONOMIC COURSE DURING THE SECOND FIVE-YEAR PLAN

Ural Institute – Branch of the Academy of National Economy and Public Administration of the Russian Federation,
66, 8th of March str., Yekaterinburg, 620144, Russian Federation

The historical literature reflects the course and significance of a number of All – Union meetings of business executives in 1931–1936. However, the reasons for convening and analyzing the work of the Meeting of Senior Workers of Heavy Industry (September 20–22, 1934) remained outside the attention of researchers. The tradition of focusing on achievements and successes of the Industrial Project in the 1933-1934 overshadowed the negative phenomena in the Soviet industry, first of all, the scale of producing low-quality products, unprofitability of the heavy industry enterprises' activity; staff turnover high rates. The country's leadership understood the danger of maintaining such a situation in industry judging by articles in the Newspaper "Pravda" in September 1934. The precedent of the First All-Union Conference of Workers of Socialist Industry (January 30 – February 4, 1931), initiated by Stalin, suggested the format of using the experience of directors to restore order in the "socialist industry". The analysis of the Meeting of the Leaders of Heavy Industry proceedings, published in a circulation of 15 thousand copies, allows us to draw a number of important conclusions. Representatives of the top and middle managers of Soviet industry unequivocally spoke out in favor of limiting the interference of party committees in the affairs of enterprises; opposed the assault methods of work generated by voluntarism in planning. Business executives called for expanding the enterprise rights in the fields of wages and technical rationing and establishing material incentives and technical rationing; talked about the need to abandon equalization in the field of wages. "Production commanders" pointed out the connection between the poor quality of manufactured industrial products and the everyday life of representatives of working collectives, engineering and technical personnel who lived, as a rule, in barracks; condemned cases of underfunding of housing construction. In fact, the directors' requirements formally related to the production process became a challenge to the economic voluntarism course. The Meeting results received the support of the leadership of the People's Commissariat of Heavy Industry, but, judging by the coverage in Newspaper "Pravda", drew a cautious response from Stalin.

Key words: Meeting, industry, directors, quality, marriage, economics.

Михаил Аркадьевич Фельдман – д-р ист. наук, профессор Урал. ин-та управления – филиала РАНХ и ГС, e-mail: feldman-mih@yandex.ru; [https:// ORCID: 0000-0001-9825-6650](https://orcid.org/0000-0001-9825-6650).

Michail A. Feldman – Doctor of Historical Sciences, Professor, Ural Institute – Branch of the Academy of National Economy and Public Administration of the Russian Federation.

**ПРИЧИНЫ СОЗЫВА СОВЕЩАНИЯ
РУКОВОДЯЩИХ РАБОТНИКОВ
ТЯЖЕЛОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ**

В период 1931–1936 гг. всесоюзные совещания (конференции) высшего и среднего звена управленцев советской промышленности («хозяйственников» – по терминологии того времени) вошли в практику экономической жизни СССР. Причины созыва Совещания руководителей работников тяжелой промышленности (20–22 сентября 1934 г.) [Совещание хозяйственников, 1934]: убыточность работы предприятий тяжелой промышленности [История социалистической экономики..., 1978, с. 49,50]; необходимость справиться с валом некачественной продукции [Соколов, 2012, с. 162, 202, 203], преодолеть кризисные явления в экономике начала 1930-х гг. [Хлевнюк, 2010, с. 84].

Была еще одна причина, о которой прямо не говорилось: стремление хозяйственников легализовать использование «черного» рынка, когда предприятия добывали необходимые ресурсы, прибегая к услугам «толкачей», получая часть товаров «в обмен» или после специального заказа на их изготовление [Мерль, 2017, с. 316–317]. Масштаб применения хозяйственниками договорных связей позволял говорить о функционировании параллельной экономики [Хлевнюк, 2018, с. 234].

Руководство Наркомата тяжелой промышленности предполагало использовать достижения организации труда в США – «тейлоризма» и «фордизма». Система «тейлоризма» предполагала исследование процесса труда, разработку его оптимальной схемы, обучение рабочих, обеспечение координации и контроля. «Фордизм» олицетворял предельно рационализированную и автоматизированную схему поточного производства, опиравшуюся на ритм коллективной работы, заданный конвейером. Внимание «красных директоров» одновременно к системам Тейлора и Форда объяснялось тем, что многие предприятия индустрии были оснащены американским оборудованием. Изучение зарубежных технических достижений, нередко в экстремальных условиях, требовало поиска и продвижения наиболее компетентных работников [Шпотов, 2013, с. 126–128].

Опыт управленческой деятельности в экономике в период первой пятилетки и его осмысление в последующие годы заставил советское руководство выдвигать тех хозяйственных руководителей, которые могли и в постоянно возникавших критических ситуациях добиваться нужного результата. В силу этого Совещание руководителей работников тяжелой промышленности (20–22 сентября 1934 г.) (далее – Совещание) занимает важное место в понимании реализации индустриального проекта в СССР. Вместе с тем, исследователи, за редким исключением, не упо-

минали о нем. Фактически только Р. Дэвис, выдающийся британский историк, отличавшийся тонким пониманием процессов индустриализации в СССР в годы предвоенных пятилеток, дал характеристику Совещанию руководителей работников тяжелой промышленности (20–22 сентября 1934 г.) как форуму, позволившему обратиться к использованию опыта «красных командиров производства». Принципиально важным моментом на Совещании, по его мнению, стал призыв члена Политбюро ЦК ВКП (б), наркома тяжелой промышленности СССР Г.К. Орджоникидзе уйти от приоритета количественных показателей. В отличие от предшествующих лет, подчеркивал Дэвис, «Орджоникидзе спокойно отмечал, что в четвертом квартале (1934 г.) особенно большой прирост не требуется для выполнения квартальной и годовой программы». Достигнутые успехи, по мнению наркома, позволяли сконцентрировать усилия не на повышении темпов роста, а на «имеющихся у нас резервах, которые все еще не используются», в частности на показателях большей фондоотдачи. В этом Орджоникидзе видел главную задачу конференции [Davies, 2014, с. 68–73].

Совещание также уделило значительное внимание эффективному использованию рабочей силы. Однако, по замечанию исследователя, это была «в значительной степени конференция менеджеров», поскольку «представителей профсоюзов упрекали в том, что они требовали больше денег на жилье и другие аспекты социального обеспечения вместо того, чтобы работать над улучшением использования имеющихся ресурсов» [Davies, 2014, с. 71]. Британский историк не был склонен к жесткой расстановке акцентов, но признание им вторичности социальной политики на уровне отрасли и отдельных предприятий очевидно.

Можно предполагать, что отсутствие Сталина на указанном мероприятии (в отличие от аналогичного события в 1931 г.) несколько понизило его статус: в советскую историю оно вошло не как конференция, а как «Совещание руководителей работников тяжелой промышленности (20–22 сентября 1934 г.)». Р. Дэвис обратил внимание на роль члена Политбюро ЦК ВКП (б), наркома тяжелой промышленности СССР Г.К. Орджоникидзе в подборе и становлении той когорты управленцев, которая отличалась, прежде всего, компетенциями в производственной сфере. Наркома не смущало и участие ряда руководителей работников отрасли во внутрипартийных оппозициях в 1920-х гг. [Davies, 2014, с. 27–28].

Оправдало ли Совещание надежды Орджоникидзе и всего советского руководства? Насколько удалась проверка эффективности управленческих действий директорского корпуса в промышленности? Что изменилось в навыках хозяйственников? Неизу-

ченные проблемы, связанные с его трехдневной работой, являются предметом исследования в предлагаемой статье.

ХОД РАБОТЫ СОВЕЩАНИЯ РУКОВОДЯЩИХ РАБОТНИКОВ ТЯЖЕЛОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Совокупностью сложных проблем, вставших перед советским руководством в 1933–1934 гг., [Девис, Хлевнюк, 1994] объясняется необходимость проведения в сентябре 1934 г. Совещания руководящих работников тяжелой промышленности (20–22 сентября 1934 г.). Факт созыва почти 800 «командиров производства» – 220 директоров крупнейших предприятий индустрии и их заместителей, 92 технических директоров и их заместителей, 123 руководящих работников трестов и 260 начальников главков и секторов НКТП и их заместителей; меньших по численности групп начальников цехов (45 чел.) и 66 представителей партийных и профсоюзных комитетов предприятий – свидетельствовал о масштабы и значимости проводимого мероприятия [Совещание хозяйственников..., 1934, с. VII]. Количество участников было несколько больше, чем на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности (в начале 1931 г.) – 728 чел. [Davies, 1996, с. 11].

Газета «Правда» за 21 сентября сообщала о *присутствии* на Совещании несколько меньшего числа участников, в частности: 188 директоров и 75 технических директоров предприятий; 39 начальников цехов; 53 представителей партийных и профсоюзных комитетов предприятий¹, но часть участников могла не прибыть в нужный срок.

Если на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности тон сообщениям хозяйственникам задали (по хронологии выступлений) доклады Г.К. Орджоникидзе, В.М. Молотова, И.В. Сталина, то в сентябре 1934 г. представительство советских лидеров ограничилось наркомом тяжелой промышленности.

Можно выдвигать разные объяснения, почему вместо объявленного в печати открытия Совещания 20 сентября в 18 часов², оно открылось на полтора часа позже³. Однако велика вероятность, что в это время организаторы Совещания получали дополнительные инструкции от Сталина. В пользу этого предположения говорит ряд фактов: ход Совещания вопреки многолетней традиции фактически освещала только одна газета – «Правда»; выступления боль-

шинства участников Совещания были предельно краткими; публикуемые выступления в номерах «Правды» за 21–24 сентября 1934 г. подвергались тщательному редактированию и «избавлению» от предложений, не укладывающихся в привычные схемы.

Работу Совещания предварили две публикации в Правде за 16 и 21 сентября, рассказывающие о достоинствах механизации и автоматизации на американских заводах; поддержании чистоты в цехах и на заводской территории; высоком удельном весе квалифицированных кадровых рабочих с производственным стажем 15–20 лет. Авторами этих публикаций были советские инженеры, посетившие промышленные объекты в США: они говорили прежде всего о тщательной проверке всех изделий и агрегатов в американских заводских лабораториях, а затем в экспериментальных цехах⁴. Казалось, приоритет качественных показателей в главной газете страны прозвучал достаточно явственно.

Речь Г.К. Орджоникидзе [Совещание хозяйственников..., 1934, с. 3–22], открывавшего Совещание 20 сентября 1934 г., без сомнения, представляет собой примечательный исторический источник. Во-первых, в не столь долгом тексте выступления нарком 21 раз упомянул Сталина и постоянно цитировал его слова. Упоминание недостатков подавалось как невыполнение сталинских указаний. Во-вторых, обращает на себя внимание правдивость представленной картины: признание огромного количества аварий, простоев агрегатов и механизмов, достигавших до половины рабочего времени, частых случаев бесхозяйственного обращения с техникой («уход за механизмами и агрегатами прямо-таки варварский»), и как следствие, быстрого износа оборудования за 2–3 года. В-третьих, Орджоникидзе продемонстрировал свою ограниченность понимания путей достижения поставленных целей, фактически сведя их к более интенсивному использованию оборудования. В-четвертых, нарком только мельком упомянул о тяжелых условиях жизни 6 млн работников отрасли. Складывается впечатление, что, верно провозгласив цель работы Совещания, в качестве руководителя крупнейшего хозяйственного ведомства, Орджоникидзе как член Политбюро ЦК ВКП (б) всячески старался избежать самостоятельного выдвижения управленческих решений.

Показательно, что стенографический отчет о работе Совещания открывался «Приветствием товарищу Сталину» [Там же, с. V–VI], где отмечалось *повседневное внимание* «любимого вождя трудящихся» к кадрам работников промышленности.

¹ Правда. 1934. 21 сент. С. 1.

² Там же. 20 сент. С. 3.

³ Там же. 21 сент. С. 1.

⁴ Питеров В. Из американских впечатлений // Правда. 1934. 16 сент. С. 2; На предприятиях США // Правда. 1934. 21 сент. С. 2.

В наихудших традициях собраний советских хозяйственников доклад начальника планового сектора Наркомтяжпрома С.Л. Кругликова [Там же, с. 23–32] был наполнен массой количественных показателей о выполнении плана различными главками и трестами, без малейшей попытки анализа происходящего. Только обозначив проблему себестоимости выпускаемой продукции, Кругликов свел ее к фиксации различных цен у производителей. Пустота и формальность выступления была осознана представителями директорского корпуса и вызвала ряд критических замечаний [Там же, с. 47].

Ход Совещания заметно изменился, когда начались выступления управляющих трестами и представителей директорского корпуса. Уже в первом выступлении – З.Е. Зорина, управляющего трестом «Артемуголь», – прозвучало признание, что неблагоприятное положение на шахтах треста связано главным образом с тем, что «мы ослабили внимание к материальным и бытовым нуждам рабочих». Этим фактором обуславливалась высокая текучесть шахтеров и низкая трудовая дисциплина. Упреком в адрес наркомата стало утверждение З.Е. Зорина, что обеспечение нужд треста по техническому снабжению выполняется только наполовину [Там же, с. 33–37].

Небольшое сообщение В.Н. Мазурина, директора Кулебакского металлургического завода, успевшего к 32 годам поработать руководителем нескольких заводов в отрасли, завершало вечернее заседание 20 сентября. Формально сообщение было построено по традиционной схеме: «завод находился в глубоком прорыве в течение трех лет», однако принятые в 1934 г. «правильные меры» позволили выйти «на уровень плановых показателей». Однако признание директора в низком уровне механизации производства на вверенном ему предприятии, отсутствие измерительных приборов, заставлявших металлургов работать «на глазок», а также «неразбериха и производственная чехарда» с завозом на предприятие сырья и основных материалов явно не соответствовали его обязательству «выполнить программу четвертого квартала 1934 г.» [Там же, с. 40–43].

Выступления Зорина и Мазурина задали тон работе Совещания. Утреннее заседание 21 сентября началось с выступления К.Т. Николаева, директора завода «Красный гвоздильщик», который подчеркнул необходимость постоянного сравнения качества импортной и отечественной продукции. Самокритично прозвучали слова ленинградского управленца: «сегодня метизная промышленность ни по количеству, ни по качеству не может удовлетворить тех колоссальных требований, которые к ней предъявляются» [Там же, с. 44–46]. О формальности применения такого инструмента снижения себестоимости выпускаемой продукции, как рационализаторство, о сохране-

нии уравнилельских тенденций в системе заработной платы говорил А.Т. Золотов – директор Златоустовского металлургического завода [Там же, с. 47–49].

На связь повышенных, как правило, инспирированных сверху, количественных обязательств по выпуску продукции и высокого процента брака, указал В.И. Феленковский – технический директор завода им Петровского [Там же, с. 55].

О серьезных недостатках внутризаводского планирования на судостроительных заводах, особенно о незаинтересованности цехов в своевременности выполнения обязательств контрагентов, говорил начальник Главморпути. Р.А. Муклевич. Однако хаотичность действий цехов была во многом обусловлена тем фактом, что план по снабжению заводов за 1933 г. был выполнен только на 40 %. В выступлениях прозвучали краткие упоминания о роли технической учебы рабочих; необходимости соблюдения техники безопасности в цехах; о жизненно важной роли индивидуальных огородов и индивидуального жилищного строительства; о возможности мастеров регулировать величину заработной платы рабочих [Там же, с. 62–65, 93, 95, 103, 115].

Одним из самых ярких моментов утреннего заседания 21 сентября стало выступление Горского – заведующего группой технического нормирования и зарплаты ХТЗ, заявившего о необходимости расширения прав предприятия в сфере заработной платы и технического нормирования. Этот призыв был поддержан А.Д. Пудаловым – начальником Главмашпрома, в недавнем прошлом (1931–1933 гг.) директором Сталинградского тракторного завода («в выступлении товарища с ХТЗ ... имеется очень много здорового, что нельзя же в самом деле регулировать все и вдоль, и поперек, и по диагоналям») [Там же, с. 113–117, 189].

Возможно, между утренним и вечерним заседаниями 21 сентября с участниками Совещания была проведена «разъяснительная работа»: содержание выступлений стало заметно более «пресным»: критические и самокритические нотки у хозяйственников исчезли. Редкие примеры сравнения технических характеристик советского и американского оборудования и механизмов [Там же, с. 133, 141] не меняли характер чисто технократических сообщений.

Ситуация вновь изменилась на утреннем заседании 22 сентября. В выступлении В.И. Курицына, директора Луганского паровозостроительного завода, говорилось о высокой текучести кадров на предприятии. Наличие на предприятии 41 % рабочих, имеющих стаж до одного года, обернулось для завода высокой долей брака выпускаемой продукции, а низкий уровень технической подготовки работников – невозможностью выполнения производственных программ. Проблему обострило и отсутствие необходи-

мой измерительной техники [Там же, с. 195–197]. Эта же проблема была конкретизирована Е.М. Альперовичем – начальником Главка инструментальной промышленности, отметившим «прорыв в производстве резьбообразующего и резьбоконтрольного инструмента», как и в выпуске «модульных и дисковых фрез; напильников, монтажного инструмента». Вразрез с пропагандистскими заявлениями об успехах советского станкостроения руководитель главка отметил, что «освоение более квалифицированных более сложных и относительно более дорогих станков идет очень медленно». В первую очередь это касалось производства фрезерных и револьверных станков и полуавтоматов [Там же, с. 199].

Последующие выступления на утреннем заседании 22 сентября профсоюзных и комсомольских функционеров мало чем отличались от обычных пропагандистских деклараций, только фиксирующих недостатки на предприятиях. Показательным в этом плане следует считать речь главы ВЦСПС Н.М. Шверника. Главной задачей профсоюзов определялось не отстаивание интересов рабочих, а «мобилизация рабочих и итр на перевыполнение плана 1934 г.» [Там же, с. 248–257].

Справедливо обвинив хозяйственников за то, что они «слишком мало обращают внимание на улучшение быта рабочих, повышение его материально-культурного уровня», Шверник фактически только указал на слабое освоение средств, отпущенных предприятиям НКТП на жилищное строительство [Там же, с. 251, 255], но не предложил путей решения проблемы.

В отличие от Шверника, В.Л. Стырикович, технический директор Невского машиностроительного завода, акцентировал внимание на конкретной проблеме – роли научно-исследовательской работы заводских лабораторий и конструкторских бюро предприятий в деятельности по повышению качества выпускаемых изделий. По его мнению, «техническая книга в различных ее видах должна быть настольной книгой и у старого инженера, и у молодого, и у мастера, и у рабочего» [Там же, с. 265].

Чередование конкретных и пустых выступлений с перечислением статистических данных без какого-либо анализа стало характерной чертой Совещания руководящих работников тяжелой промышленности (20–22 сентября 1934 г.). При очевидном преобладании призывов к выполнению плана по количественным параметрам редким исключением было заявление С.С. Дьяконова – директора Горьковского автозавода о переводе в опытный порядок части мастеров на премиальную систему за выполнение и перевыполнение качественных показателей [Там же, с. 289].

Тем не менее в трехдневном «марафоне» из 77 выступлений прослеживались и определенные закономерности. В выступлениях директоров промыш-

ленных предприятий осуждалась практика «штурмовщины», вызванная неритмичной поставкой сырья и материалов, запасных частей; отмечалось низкое качество поставляемой продукции, прежде всего черных металлов. Так, половину заготовок, поставляемых Кузнецким металлургическим заводом, пришлось браковать. Не только для машиностроительного завода «Красный Профинтерн» были характерны «некультурность в самой организации производственного процесса, слабая техническая подготовка, плохая разработка технологического процесса» и, как следствие, «низкая производительность труда, неуплотненный рабочий день, плохая организация рабочего места». Не только Коломенский паровозостроительный завод отличался «хищнической эксплуатацией станков и оборудования» [Там же, с. 52–56, 144, 217, 219].

Продолжая данную тему, К.М. Отс, директор завода «Красный Путиловец», подверг критике образцы отечественного проектирования: «собственная конструкторская мысль, освоив какой-нибудь тип заграничной техники, застывает на месте, и дальнейшая разработка идет от случая к случаю, или не ведется совершенно» [Там же, с. 293]. Представитель Трехгорной мануфактуры Уколова, рапортуя о росте выпуска тканей, упомянула: «раньше в нашей текстильной промышленности брак доходил почти до 50 % (!)». Указание на высокий процент брака не помешало оптимистически заявить о готовности выполнить «решение Совнаркома о выпуске лучших в мире тканей» [Там же, с. 281]. Бодрые, необоснованные рапорты становились частью управленческого поведения. «Командиры производства» указывали на связь невысокого уровня производственной культуры и быта рабочих, живших, как правило, в бараках; осуждали случаи недофинансирования жилищного строительства. Критике подверглись хозяйственные органы Наркомата тяжелой промышленности, освоившие за шесть месяцев 1934 г. только 35 % средств на жилищное строительство [Там же, с. 77, 96, 255].

Контент-анализ выступлений 25 директоров промышленных предприятий показывает, что пятеро говорили на чисто технические темы; двое упоминали связь плохих жилищных условий и производственной культуры; четверо подвергли критике штурмовщину; восемь осудили масштаб брака в поставляемых материалах и полуфабрикатах; остальные призвали менять методы планирования.

Как видно, необходимость изменения методов планирования в большей степени волновала «командиров производства». Нельзя не отметить и готовность большинства «красных директоров» мириться с существующими жилищными условиями своих работников

Приведенные на Совещании 20–22 сентября 1934 г. факты резко отличались от штампов о самой «передовой экономике мира», даже при том, что не были проанализированы многие «больные темы»: высокая текучесть кадров; низкая техническая подготовка производственных кадров; несовершенство системы заработной платы рабочих. Статистическая база сообщений и докладов в лучшем случае базировалась на данных за один год (1933). «Покаяние» директоров предприятий в низкой загруженности оборудования, соседствовало с заверением в том, что «никаких объективных препятствий для достижения лучших показателей нет» и «Шесть условий товарища Сталина», выдвинутые 23 июня 1931 г., помогут разрешить все проблемы. Судя по репликам Орджоникидзе в ходе выступлений подчиненных наркома огорчало, что критические замечания по поводу исправления ситуации, как правило, сводились к призывам к смежникам либо к обещаниям «подналечь». Закрывая Совещание, Орджоникидзе предложил не принимать никаких резолюций, «ограничиться только принятием Обращения от имени Совещания, которое потом будет утверждено НКТП как приказ по тяжелой промышленности». Совещание утвердило проекты «Положения об организации управлением цехом и заводом» в черной металлургии, машиностроении, химической промышленности. В каждом из положений указывалось, что директор являлся полномочным руководителем завода и организатором производства материальных ценностей на основе полного хозрасчета [Там же, с. 341–395].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Декор – восхваление вождя – казался безукоризненным: «Письмо» участников Совещания Сталину (в первый день работы) насыщено фразами «вдохновитель и организатор побед социалистической индустрии» и «наш друг, вождь и учитель». Идеологически выдержанным было и Обращение «Ко всем работникам тяжелой промышленности» [Там же, с. V–VI, VIII–XV]. Но материалы Совещания, изданные тиражом в 15 тыс. экз., объективно нарушали мифы той советской жизни, которую под руководством Сталина рисовали пропагандисты СССР. За внешне чисто производственными требованиями представителей директорского корпуса стояло нежелание мириться с штурмовыми методами работы, порожденными волюнтаризмом в планировании. За резолюциями о «полновластии» директора скрывалось стремление ограничить вмешательство партийных комитетов в дела предприятия. Для Орджоникидзе – инициатора и организатора всесоюзных совещаний хозяйственников – подобное мероприятие было еще и попыткой опереться на коллективный опыт «дирек-

торского корпуса» в борьбе с волюнтаристскими тенденциями в экономике; противоборством нарастающей новой волны преследований специалистов; возможностью воздействия на Сталина доводами практики.

Анализ содержания публикаций в «Правде» за 21–24 сентября 1934 г.; а также названий передовиц газеты за эти дни позволяет определить сталинскую оценку работы Совещания: в качестве главного, наиболее важного направления развития отрасли Сталин выделил *максимально полное использование производственных мощностей*⁵. Однако Совещание проводилось для изменения планирования в сторону приоритета качественных показателей. Очевидно, что директорский корпус, представленный на Совещании, хорошо понимая реальные характеристики «плановой экономики» [Маркевич, 2004], стремился сузить диапазон применения наиболее нерациональных методов хозяйствования [Фельдман, 2021].

В связи с этим важно понять, какие выводы из работы Совещания сделало руководство НКТП? Работа первого Пленума (Совета) при народном комиссаре тяжелой промышленности СССР 10–12 мая 1935 г.; декабрьского Пленума ЦК ВКП (б) 1935 г. [Фельдман, 2015] и второго Пленума (Совета) при народном комиссаре тяжелой промышленности СССР в июне 1936 г. [Фельдман, 2011] станут дальнейшими ступенями движения в сторону создания Государственной программы обязательной технической учебы рабочих; системы весомых материальных стимулов в оплате труда; охраны прав специалистов; главенства качественных показателей.

Как видно, коллективный опыт «директорского корпуса, прозвучавший на Совещании 20–22 сентября 1934 г., был услышан и стал основой для развития управленческих навыков «командиров производства». В обстановке жесткой идеологической цензуры управленческие навыки «директорского корпуса» были дополнены лучшим из опыта первой пятилетки. Каждый из указанных векторов развития противоречил полноте власти тоталитарных институтов и потенциально угрожал режиму власти вождя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

История социалистической экономики СССР / отв. ред. И.А. Гладков. М.: Наука, 1978. Т. 4: Завершение социалистического преобразования экономики. Победа социализма в России. 1933–1937 гг. 519 с.

Девис Р.В., Хлевнюк О.В. Вторая пятилетка: механизм смены экономической политики // Отечественная история. 1994. № 4. С. 92–108.

Маркевич А.М. Была ли советская экономика плановой? Планирование в наркоматах в 1930-е гг. // Экономическая история: ежегодник 2003. М.: РОССПЭН, 2004. С. 20–54.

⁵ Все резервы на службу социализму (передовица) // Правда. 1934. 24 сент. С.1.

Мерль Ш. Советская экономика: современные оценки // Экономическая история: ежегодник. 2016–2017. М., 2017. С. 316–317.

Совещание хозяйственников, инженеров, техников, партийных и профсоюзных работников тяжелой промышленности. 20–22 сентября 1934 г.: Стеногр. отчет. М.; Л.: ОНТИ, 1935. 398 с.

Соколов А.К. От военпрома к ВПК: советская военная промышленность. 1917 – июнь 1941 гг. М.: Новый хронограф. 2012. 527 с.

Фельдман М.А. Две тенденции государственной экономической политики в середине 1930-х гг., или Пять дней из жизни Г.К. Орджоникидзе // Экономическая история. Обзорение. М.: Моск. ун-та, 2011. Вып. 15. С. 86–95.

Фельдман М.А. Стахановское движение: место в мифической и реальной предвоенной советской истории // Вопр. истории. 2015. № 8. С. 3–19.

Фельдман М.А. Директора предприятий тяжелой промышленности 1930-х гг.: динамика социально-профессиональной группы // Социологические исследования. 2021. № 7. С. 113–124.

Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., РОССПЭН. 2010. 478 с.

Хлевнюк О.В. Толкачи. Параллельные стимулы в сталинской экономической системе // Cahiers du Monde Russe. 2018. Т. 59, № 2–3. С. 233–254.

Шпотов Б.М. Американский бизнес и СССР в 1920–1930 гг. М.: Либроком, 2013. 320 с.

Davies R.W. The Industrialisation of Soviet Russia, Vol. 4: Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–1933. Basingstoke: Macmillan, 1996.

Davies R.W. Industrialization of Soviet Russia, Basingstoke: Macmillan. 2014. Vol. 6: Years of Progress: Soviet Economy, 1934–1936. 496 p.

Davies R.W. Industrialization of Soviet Russia, Basingstoke: Macmillan, 2014, vol. 6: Years of Progress: Soviet Economy, 1934–1936, 496 p.

Davis R.W., Khlevnyuk O.V. (1994). The Second five-year plan: a mechanism for changing economic policy. *Otechestvennaya istoriya*. No. 4, pp. 92–108. (In Russ.)

Markevich A.M. (2004). Was the Soviet economy planned? Planning in the People's Commissariats in the 1930s. *Ekonomicheskaya istoriya: ezhegodnik 2003*. Moscow, pp. 20–54. (In Russ.)

Merl' Sh. (2017). Soviet economy: modern estimates. In: *Ekonomicheskaya istoriya: ezhegodnik. 2016–2017 gg.* Moscow, pp. 303–349. (In Russ.)

(1935). Meeting of business executives, engineers, technicians, party and trade union workers of heavy industry. September 2–22, 1934: verbatim report. Moscow, Leningrad, ONTI, 398 p. (In Russ.)

Sokolov A.K. (2012). From the military industry to the military-industrial complex: Soviet military industry. 1917 – June 1941. Moscow, New chronograph, 527 p. (In Russ.)

Feldman M.A. (2011). Two trends in the state economic policy in the mid-1930s, or five days of G.K. Ordzhonikidze's life. *Ekonomicheskaya istoriya. Obozrenie*. Moscow, Izd-vo Mosk. univ, iss. 15, pp. 86–95. (In Russ.)

eldman M.A. (2015). Stakhanov movement: a place in the mythical and real pre-war Soviet history. *Voprosy istorii*. No. 8, pp. 3–19. (In Russ.)

Feldman M.A. (2021). Directors of heavy industry enterprises of the 1930s: the dynamics of a socio-professional group. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 7, pp. 113–124. (In Russ.)

Khlevnyuk O.V. (2010). The Owner. Stalin and the establishment of the Stalinist dictatorship. Moscow, ROSSPEN, 478 p. (In Russ.)

Khlevnyuk O.V. (2018). Pushers. Parallel incentives in the Stalinist economic system. *Cahiers du Monde Russe*. Vol. 59, no. 2/3, pp. 233–254. (In Russ.)

Shpotov B.M. (2013). American business and the Soviet Union in the 1920s–1930s: mazes of economic cooperation. Moscow, Liberkom, 320 p. (In Russ.)

REFERENCES

Gladkov I.A. (Ed.) (1978). The history of the USSR socialist economy. Moscow, Nauka, vol. 4, 519 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 25.03.2022

Дата рецензирования 05.05.2022

Статья принята к публикации 22.06.2022

К 65-ЛЕТИЮ СО РАН

DOI: 10.15372/HSS20220311

УДК 94:394(47+571.14)“1957/1991”

Г.М. ЗАПОРОЖЧЕНКО

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ НОВОСИБИРСКОГО АКАДЕМГОРОДКА В ЭГО-ДОКУМЕНТАХ «СИБИРСКИХ АКАДЕМИН» (1958 – КОНЕЦ 1960-х гг.)

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

Повседневная жизнь Академгородка Новосибирского научного центра СО РАН рассмотрена на основе писем и воспоминаний первых «сибирских академин» – П.Я. Кочиной, Т.И. Заславской, Н.А. Притвиц, Р.Л. Берг, О.Н. Марчук. Впервые в научный оборот введены мемуары М.И. Черемисиной. Социальная, бытовая и природная среда нового научного центра оценивалась женщинами-учеными в высшей степени позитивно, вплоть до утверждений о том, что Академгородок – лучшее место для жизни. Замысел создания конкурентных преимуществ нового города науки по рецепту использования «матричных» рычагов советской командно-распределительной системы для первого десятилетия оказался успешным.

Ключевые слова: гендерная история, социальная память, повседневность, быт, Р.Л. Берг, Т.И. Заславская, О.Н. Марчук, Н.А. Притвиц, М.И. Черемисина, Академгородок, Новосибирский научный центр, Сибирское отделение Российской академии наук.

G.M. ZAPOROZHCHENKO

EVERYDAY LIFE OF NOVOSIBIRSK AKADEMGORODOK IN THE EGO-DOCUMENTS OF THE «SIBERIAN ACADEMINES» (1958 – LATE 1960s)

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaeva str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The everyday context of Akademgorodok, Novosibirsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, is considered based on memoirs the first Siberian female academics – P.Y. Kochina, T.I. Zaslavskaya, N.I. Pritvits, R.L. Berg, O.N. Marchuk. The memoirs by M.I. Cheremisina are for the first time introduced into scientific circulation. The everyday life of Akademgorodok is studied from the point of view of women's social memory using the methodologies of gender history, history of everyday life, history of memory.

Important factors in rooting women scholars in the scientific town were prospects in research career, obtaining apartments preserving the capital's residence, special food supply, freedom and democracy in communication and cultural life. The concentration of intellectuals in Akademgorodok, their daily close communication at work and leisure caused that, firstly, the habitual understanding of the service role of women was already «challenged» by the idea of equal status with men, and secondly, in the rather narrow and isolated space of human contacts of the town, the «load» on marital ties increased.

At the background of the food and housing crisis in the country, the everyday life of Akademgorodok is assessed by female scientists in a highly positive way, up to the claims that this is the best place to live in. The idea of creating competitive advantages of the new city of science according to the recipe of using the «matrix» levers of the Soviet command and distribution system for the first decade turned out to be successful.

Key words: gender history, social memory, everyday life, R.L. Berg, T.I. Zaslavskaya, O.N. Marchuk, N.A. Pritvits, M.I. Cheremisina, Akademgorodok, Novosibirsk Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Science.

Галина Михайловна Запорожченко – д-р ист. наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, <https://ORCID.org/0000-0002-1237-0792>, e-mail: galinakoop@yandex.ru.

Galina M. Zaporozhchenko – Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History SB RAS.

ВВЕДЕНИЕ

В мае 1957 г. было образовано крупнейшее региональное отделение Российской академии наук – Сибирское. Построенный к 1963 г. новосибирский Академгородок стал локусом Новосибирского научного центра (ННЦ). До этого к востоку от Урала, где создавалось около 10 % промышленной продукции страны, находилось едва ли 1–2 % научного потенциала, докторов и кандидатов наук [Лаврентьев, 1982, с. 11]. С конца 1950-х гг. когорта блестящих отечественных ученых из Москвы, Ленинграда, Киева, Львова, Тбилиси продвигала великий сибирский научно-организационный эксперимент XX в. и его новационные принципы в сфере развития фундаментальных исследований. Присутствие ярких имен женщин-ученых в кадровом составе ННЦ и социокультурном пространстве Академгородка актуализирует изучение женского опыта инкорпорации в сферу науки в прорывных точках ее роста.

ИСТОРИОГРАФИЯ

Научно-организационные аспекты «восточного вектора» академической науки и общая концепция истории ННЦ СО РАН нашли целостное отражение в трудах Е.Т. Артемова, Е.Г. Водичева, Н.А. Куперштох, И.С. Кузнецова, П. Джозефсона, М. Поповского и других, а также в коллективных обобщающих изданиях. Общественную жизнь и социально-бытовую среду исследовали И.С. Кузнецов, М.В. Шиловский, А.Г. Борзенков, А.И. Бурштейн, Н.Н. Савенко, Н.Н. Покровский-мл. Апологетическая тенденция акцентирования успешности проекта дополнялась критическими указаниями на неоднозначность опыта создания ННЦ, утрату к концу 1960-х гг. позитивных факторов и результатов развития научного центра, которые доминировали в начальный период его истории, поверхностный характер академгородковского «демократизма» в научной и социально-бытовой сферах. Отмечена необходимость Академгородка как уникального для страны и мира феномена из предметного поля истории СО АН СССР/РАН, во-вторых, углубления исследования социально-бытовой сферы Академгородка и его повседневной жизни.

Проблема профессионально-адаптационных практик женщин-ученых в СО РАН была поставлена нами ранее совместно с О.Н. Шелегиной в научно-исследовательском проекте «Сибирские академины», нацеленном на формирование представлений об «академине» как о цельном образе женщины с ведущей интеллектуальной составляющей [Запорожченко, Шелегина, 2019]. Интерес к теме был поддержан публикациями Е.А. Ерохиной [2021], О.А. Савеловой и И.А. Крайневой [2021] о Т.И. Заславской,

М.И. Черемисиной, Н.А. Притвиц. А.О. Степанов обосновал исследовательский интерес к женщинам-ученым Томского университета «волей к социальному сопротивлению, которой подчас выделялись изучаемые персоналии» [2019]. К. Варга-Харрис рассмотрела советский опыт демонстрации на мировой арене в хрущевский период достижений модернизации в области гендерного равенства [2019]. Н.Л. Пушкарева и А.В. Жидченко обобщили оценки англо-американскими коллегами женской городской повседневности в годы «хрущевской оттепели» [2021].

Тема женской обыденности в Академгородке ННЦ впервые попала в фокус внимания Н.Л. Пушкаревой и заслуживает дальнейшего изучения в связи с наличием корпуса эго-документов, принадлежащих женщинам и содержащих повседневную рефлексию и переживания, относящиеся к бытовым практикам. Как полагает Н.Л. Пушкарева, «эвристически ценно обратиться к *женской социальной памяти* об истории создания того уникального локуса междисциплинарного общения, каким был Академгородок» [Пушкарева, 2020, с. 118].

Настоящая статья посвящена выявлению особенностей включения женщин в институциональное поле науки в социально-бытовом отношении. Объект исследования – социокультурная среда, мир повседневности новосибирского Академгородка, предмет – отражение повседневных бытовых практик в письмах и мемуарах женщин-ученых. Хронологические рамки охватывают первое десятилетие истории Академгородка до того, как в результате событий 1967–1968 гг. был положен конец «острову культурной свободы», почти прекратился приток в Академгородок талантливых ученых, и начался их отток в другие научные центры Сибирского отделения и столичные институты [Ханин, 2019, с. 224]. Научная новизна работы определяется введением в научный оборот новых источников, решением на конкретно-историческом материале вопросов о гендерных особенностях функционирования института науки, актуальных для детализации истории Академгородка ННЦ.

МЕТОДОЛОГИЯ

Избранная тема изучается нами с опорой на методологию исследования проблем, актуальных со второй половины XX в., когда произошел культурный поворот к гендерной истории, истории повседневности, истории памяти, знаменовавших сдвиг от позитивистской эпистемологии в сторону постижения смысла. В XXI в. для историков особое значение приобрел личный опыт, дающий возможность слышать другую, по сравнению с официальными метанарративами, историю.

Гендерные исследования, в формулировке Н.Л. Пушкаревой, – это междисциплинарное направление современного социального знания, изучающее «бескрайнее поле» взаимовлияний фактора пола и социальных процессов. Гендерная проблематика «встроена» в изучение социального прошлого в целом, выяснение роли женщин в процессах модернизации, профессиональной дифференциации, в том числе участия в производстве научных знаний, что нашло отражение в работах Л.Н. Пушкаревой, Е.З. Мирской, Е.А. Мартыновой, Н.С. Агамовой, А.Г. Аллавердяна, О.В. Метель, И.Ф. Богдановой, Е.К. Ведерниковой и др. Женская история эпохи «оттепели» детерминировалась этакратическим характером советского гендерного порядка, патримониальным контрактом «работающая мать». Государство проводило пронатальную социальную политику, сопрягая «правильную женственность» с материнством. Работающие женщины, составлявшие к 1970-м гг. половину всех трудящихся, несли тройную нагрузку (мать, хозяйка, работница) [Бобровская, 2020, с. 138].

Реализация женщины в науке была результатом взаимодействий локальных условий повседневной жизни, постоянно меняющихся институциональных правил, включая вариативность гендерных идеологий конкретного общества [Секенова, 2021, с. 112]. Вхождение женщин в науку ознаменовалось появлением терминов «женская обслуживающая наука», «стеклянный потолок», «эффект Матильды» (работа женщин на вторых ролях, обслуживание интересов мужчин-начальников, «прозрачные»), но основательные барьеры, препятствующие продвижению по служебной иерархии). Не обладая субъектностью в профессиональной жизни, женщины не создавали науку, а как бы «вовлекались» в нее [Пушкарева, 2011, с. 99]. Конкретизация данных выводов актуализирует тему повседневности.

История повседневности, базирующаяся на фундаментальных трудах основателей изучения микроистории, социологии, психологии повседневности – Ф. Броделя, М. Блока, М. де Серто, А. Шюца, А. Людке, Н. Элиаса, А.Я. Гуревича, Ю.М. Лотмана и других, понимается как история «снизу», в человеческом измерении, в рамках которой любые источники осмысляются в антропологической перспективе [Туркина, 2020, с. 107]. Как исследовательский конструкт (по Н. Элиасу) термин предполагает изучение сферы будничных событий, рутины, быта, частной жизни, естественного, спонтанного переживания и мышления, обыденного сознания, представляющих собой совокупность повседневного бытия данной социальной общности [Кромм, 2003, с. 10]. Принципиальное отличие изучения повседневности от этнографических исследований быта состоит в стремлении

показать обыденную жизнь в контексте событийной истории.

В изучении советской повседневности консенсусным статусом обладают положения о том, что в этакратической политической системе гражданами вырабатывались и реализовывались адаптивные стратегии подчинения государству, которое скупилось на ассигнования в сферу социальной защиты, здравоохранения, бытовых услуг, рынка товаров [Эго-документы, 2021, с. 84]. В повседневной культуре советского общества «недопотребления» преобладала ориентация на борьбу за выживание, бытовая неприязнительность, скромность, бережливость [Человек советский..., 2021, с. 334–335]. На эпоху Хрущева пришелся пик антимещанской пропаганды и критика вещицзма. Вместе с тем, 1960-е гг. стали началом реабилитации повседневности, личной жизни и приватной сферы: быт появляется в литературе и кино, открыто звучат мотивы заботы о здоровье, спорте, отдыхе, покупке предметов обихода. Этому способствовало активное жилищное строительство и появление отдельной квартиры как массового типа жилья [Орлов, 2010, с. 60].

В советской повседневности формировался человек, с одной стороны пребывающий в согласии с традиционным холистским миропониманием, с другой – становящийся атомизированной индивидуальностью [Туркина, 2020, с. 108–109]. При анализе этого феномена различают тип «простого советского человека» и представителя культурной элиты в зависимости от социокультурных ценностных оснований. Ведущими признаками интересующего нас «человека элиты» являются (по Ортега-и-Гассету) компетентность, высокий профессиональный и культурный потенциал, ценности творчества, образования, саморазвития, служения общенациональным и общечеловеческим задачам [Человек советский..., 2021, с. 334–335].

Гендерная история и история повседневности дали историкам иной ракурс понимания прошлого благодаря новой парадигме исторической науки – «истории памяти», обоснованной в трудах Э. Дюркгейма, М. Хальбвакса, П. Нора, Ж. Бодрийера, П. Бурдьё, Я. Ассмана, Ю. Лотмана, Л.С. Выготского, А.Р. Лурии, М.М. Бахтина, Л.П. Репиной и др. Исследовательскую базу мемориально-исторических исследований, которые (по Л.П. Репиной) позволяют предметно раскрыть диалектику формирования и деконструкции образов прошлого в индивидуальной памяти [Репина, 2021, с. 9,12], составляют эго-документы – источники личного происхождения: письма, дневники, воспоминания, документы пограничных жанров, представляющие (согласно Ю.Л. Троицкому) «тип текста, в котором доминирует авторская (субъ-

ектная) составляющая линия» [История в эго-документах..., 2014, с. 14]. В.В. Нуркова обосновала, что презентация социально-исторического прошлого в индивидуальных воспоминаниях носителями исторической памяти «осуществляется с позиций Участника, Очевидца, Современника, Наследника события», отличающихся соотношением составляющих опыта прошлого (чувственной ткани образа, значения и смысла) [2009].

Взгляд изнутри на формирование научного сообщества на основе методологии вышеописанных научных направлений дополнен логикой системно-функционального подхода к рассмотрению макро-социальной политики государства, позволившей привести в новый научный центр инновационное содержание, которое коррелировало с глобальными трендами научно-технического развития, что в конечном итоге вывело Сибирское отделение АН СССР на лидирующие позиции в стране [Водичев, 2021, с. 142].

ИСТОЧНИКИ

Для настоящей статьи источниками послужили письма и воспоминания первых сибирских «академин» – женщин-ученых, стоявших у основания Сибирского отделения и внесших значительный вклад в его историю – П.Я. Кочиной (1974 г.), Т.И. Заславской (2007 г.), Н.А. Притвиц (2007 г.), Р.Л. Берг (2003 г.). Ценные сведения приводит осведомленная мемуаристка О.Н. Марчук (1997 г.). Впервые в научный оборот введены мемуары М.И. Черемисиной (2020 г.). Свойственные «сибирским академикам» дневниковая культура, интенсивное эпистолярное общение¹, мемуарное творчество, «основанные на методическом самоконтроле, требовании ясности, самоотчета о своем положении и действиях», оцениваются в истории как примета «формирования современного человека – активного, ответственного, рефлексивного, практически ориентированного, включенного в многообразные социальные отношения» [Гудков, 2021, с. 29]. Эго-документам сибирских «академин» присуще сочетание рациональной и эмоциональной рефлексивности в описании субъективного повседневного опыта с манифестацией личностно окрашенных инновационных научных наблюдений и воззрений, намечавших как перспективы научного поиска, так и подведение итогов развития науки [История в эго-документах..., 2014, с. 51].

ПЕРЕЕЗД ЖЕНЩИН-УЧЕНЫХ В СИБИРЬ

В начале 1960-х гг. научные столицы оказались «в тылу», а «фронт» академической науки пере-

двинулся за Урал. Когда Н.С. Хрущев спросил М.А. Лаврентьева: «И кто же туда поедет? Это же Сибирь-матушка, пока еще она – пугало», академик ответил: «Есть такие люди» и показал длинный список². М.А. Лаврентьев вспоминал, что внешний вид построенных в быстром темпе по типовым проектам зданий нового научного городка не особенно его волновал: «Мы делали ставку не на уникальные здания, а на уникальных людей» [1982, с. 23]. В Сибирь поехали лидеры, олицетворявшие лучшие традиции мирового научного сообщества, в том числе женщины. Лично от М.А. Лаврентьева получила приглашение на работу в ННЦ 60-летняя П.Я. Кочина, целенаправленно проведенная в 1958 г. в члены Большой академии, где до этого были только две женщины – Л.С. Штерн и А.М. Панкратова [Кочина, 1974, с. 163]. П.Я. Кочина участвовала в первых выездах членов СО АН в Новосибирск с 1958 г., когда научного городка еще не было, а ученых размещали на дачах в пригороде Мочищи, заседания проходили в зале Института горного дела [Там же, с. 165]. В 1959 г. в Академгородок приехала 28-летняя Н.А. Притвиц, в 1963 г. по приглашению А. Агамбеяна – 36-летняя Т.И. Заславская с семьей, 50-летняя Р.Л. Берг с двумя детьми, приглашенная Д.К. Беляевым, в 1965 г. и М.И. Черемисина (41 год) с тремя детьми.

В идее создания Сибирского отделения слились воедино два популярных тезиса: о «покорении науки» и «покорении Сибири». Приехавшие в Сибирь женщины-ученые принадлежали к «мобилизационному поколению» – так характеризуются рожденные до 1938 г., период взросления которых с 17 до 25 лет («впечатлительные годы») пришелся на 1941–1956 гг. «В контексте общей истории страны и истории российской науки, – отмечала Н.Л. Пушкарева, – не удивительно, что в годы политической “оттепели”, когда началось создание новых научных центров на Востоке страны и в Сибири, женщины отправились за тысячи километров от столиц “поднимать науку” за Уралом. Этот отъезд женщин-ученых совпал со второй волной феминизации российской науки, которая крепла на фоне организованного расширения советской науки» [2011, с. 98].

В Сибири в силу сложившейся здесь структуры институтов доля женщин-ученых по сравнению с другими научными центрами была относительно небольшой. Если в СССР доля женщин в науке с 1960 до 1970 г. увеличилась с 42 до 47 % [Пушкарева, 2010, с. 24], то в Сибирском отделении, по данным Н.А. Куперштох, к 1988 г. удельный вес женщин в общей численности научных кадров институтов состав-

¹ Объем писем достигал 20 машинописных страниц.

² Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть. Воспоминания: в 4 кн. М.: Московские новости, 1999. Кн. 1. URL: <http://www.prometeus.nsc.ru/elibrary/2000vek/196-199.ssi> (дата обращения: 02.05.2022).

лял 30 % (от 15 % в физико-математических до 47 % в общественных) [1995, с. 97], а в 1960-е гг., следовательно, был еще меньше.

Чтобы решиться бросить Москву ради Сибири, как отмечал М.А. Лаврентьев, «требовалась определенная психологическая ломка» [1982, с. 24]. Приехавших сюда, безусловно, роняли такие социоперсональные черты, как храбрость и готовность к преодолению трудностей. М.И. Черемисина писала: «У меня был врожденный недостаток – я не умела бояться... Мне недодано чувство страха» [2020, с. 415, 309]. Энтузиазм и бесстрашие Р.Л. Берг и Н.А. Притвиц также хорошо известны. Овдовевшая П.Я. Кочина раздумывала, стоит ли расставаться с дочерьми и внуками ради избрания в академики и проживания одной в Сибири. Дочь даже спрятала документы, но подруга сказала: «Так вы что же, всю жизнь собираетесь быть бабушкой? Поезжайте в Сибирь!» [1974, с. 164]. Так Пелагея Яковлевна обеспечила себе большой сибирский период плодотворной жизни из прожитых 100 лет. Лишь у О.Н. Марчук не было выбора, она приехала вместе с мужем, но тоже была «не робкого десятка» – именно ей М.А. Лаврентьев доверил однажды свой портфель, в котором оказались детонаторы для взрыва [Марчук, 1997, с. 65]. Т.И. Заславскую как «локомотива» семейной миграции, кроме собственно переезда (контейнеры с вещами, временное жилье, ремонт и прочие хлопоты), тревожили «мучительные сомнения супруга – сумеет ли он добиться для себя положения и имени, какие имел до этого»³.

Участницы первого призыва ученых, метко названного «научным десантом», происходили из культурной среды и в Академгородке влились в научную элиту⁴. Так, сестры Карповы – Майя Черемисина и Татьяна Заславская – вынесли из киевского детства в семье деда, профессора физики Г.Г. Де Метца, «систему моральных ценностей, а также внутренней интеллигентности» [Заславская, 2007, с. 68]. А в Сибири столичных жительниц Москвы и Ленинграда ждали, по выражению одного быстро уехавшего товарища, «дыра, грязь, изотопы в воздухе, ужасный климат, чудовищные условия, бездорожье, бескультурье» [Притвиц, 2007, с. 29]. Многие жены приглашенных Лаврентьевым сотрудников с опаской смотрели на переселение. Несмотря на то, что П.Я. Кочина их убеждала в том, что жизнь в Новосибирске с его большим аэропортом, театрами, картинной галереей, консерваторией, филармонией, книжными магазина-

ми и т.п. у них будет интересная, не все приехавшие женщины смогли найти себе на новом месте подходящие занятия, но для большинства эти предсказания сбылись [1974, с. 164].

Город-спутник, новосибирский Академгородок, был спланирован как единый комплекс научных институтов, университета, жилых домов и социально-бытовой инфраструктуры, представленной гостиницей, Домом ученых, клубом, кинотеатрами, торговым центром, школами, стадионами, водной станцией, имелись велосипедные дорожки, фасады зданий радовали цветовым разнообразием, огромные витрины и окна были удачной находкой проектировщиков. «Это было благоустроенное поселение примерно на 35 тысяч жителей, прекрасное место для работы и жизни» [Лаврентьев, 1982, с. 32]. Уникальная атмосфера демократичности, свободомыслия и творческого поиска в раннем Академгородке способствовала колоссальной концентрации ученых высшей квалификации. В конце 1960-х гг. под влиянием ряда обстоятельств, вызванных как общими изменениями в стране (эволюцией относительно либеральной хрущевской «оттепели» к неоконсервативному брежневскому режиму, утратой Сибирским отделением приоритетной государственной поддержки после отстранения от власти Н.С. Хрущева), так и специфическими процессами, протекавшими в самом Академгородке (реакцией власти на «письмо 46» и бардовский фестиваль 1968 г.), из общественной жизни исчезла атмосфера свободы, открытости и взаимного доверия. Тем не менее первое десятилетие было временем больших достижений [Кузнецов, 2019, с. 190].

КВАРТИРНЫЙ ВОПРОС

П.Я. Кочина, Н.А. Притвиц, О.Н. Марчук с ностальгией описывают в воспоминаниях период аборигенной жизни 1958–1959 гг., полный барачного неустройства и веселого соседства «золотодолинцев», когда бытовые трудности с лихвой компенсировались радостью совместного времяпрепровождения в атмосферообразующем домике Лаврентьевых. Вскоре П.Я. Кочина переселилась в благоустроенную квартиру в кирпичных домах первой очереди, Н.А. Притвиц же уступила свое право семейным с детьми: «А жертва была немалая. Зимой барак было очень трудно натопить». Придя после работы, Наташа часто ложилась спать в холодных стенах, а утром бежала 3 км на лыжах в институт, чтобы согреться, гордо отказываясь подсесть в газик нагонявшего ее Лаврентьева [Кочина, 1974, с. 170].

Во времена Хрущева строительство и распределение жилья олицетворяло политику «заботы о человеке». «Переезд в комфортное, достойное, а главное, эгалитарное жилье позволял “потрогать руками” самое главное обещание нового общества –

³ Письмо Т.И. Заславской М.И. Черемисиной 22.06.1963. Л. 1–2. Здесь и далее ссылки на письма даны по: Открытый архив СО РАН. Фонд Т.И. Заславской–М.И. Черемисиной. <http://odasib.ru/openarchive/Default.cshtml> (дата обращения: 02.05.2022).

⁴ Лишь П.Я. Кочина – из семьи крестьян Астраханской губ., но отец работал счетоводом в Астрахани и дал детям хорошее образование.

коммунистическую утопию» [Варга-Харрис, 2011, с. 160–161]. В первое десятилетие, пока в Академгородке не начала ощущаться жилищная «теснота», получение квартиры являлось реальным стимулом для переезда сюда ученых.

«Абел Аганбегян был красив, умен, обаятелен», – писала М.И. Черемисина о том, как быстро он «сманил» Таню Заславскую на переезд в Новосибирск. Сманить ее было не так трудно: детей у нее было уже двое, ... а жить им по сути было негде. Дети спали в два этажа в четырехметровке... И перспектив никаких. А в Академгородке ей сулили без промедлений трехкомнатную квартиру и гарантировали сохранение московского жилья и права прописки» [Черемисина, 2020, с. 402].

Для самой М.И. Черемисиной вопрос о переезде решился, когда осенью 1965 г. закончился ее 13-летний брак с П.Г. Черемисиным. Она переживала острый душевный кризис не только из-за развода, но и отсутствия условий для творческой реализации [Черемисина, 2020, с. 397, 406–407]. Еще в 1963 г. Татьяна Заславская, «счастливая, обновленная и окрыленная той жизнью, в которую она окунулась в Академгородке» [Там же, с. 411], позвала сестру «посмотреть на это чудо – Академгородок»⁵. М.И. Черемисина увидела «юный Академгородок, утопающий в белом пушистом снегу, в ярком солнечном блеске», завтракала с сестрой в кафе «Улыбка», где «было чисто, уютно, вкусно и как-то по-молодому весело». Не удивительно, что она сразу оценила потенциал этого места для жизни и реализации своих исследовательских планов: «Я страстно всей душой захотела сюда» [Там же, с. 403].

В Академгородке приехавшие женщины как перспективные ученые получили хорошие квартиры. Новосел Т.И. Заславская писала: «Все, что относится к быту, здесь у нас находится на высшем уровне»⁶. Имелась в виду просторная квартира: «у каждого своя комната, поэтому не чувствовалось то тягостное давление друг на друга, которое ощущалось в Москве», есть холодильник, стиральная машина, «рядом – лес, под боком – море». Правда, скоро она поняла, как ей повезло с жильем, так как полнометражной квартиры уже не могли найти для заместителя директора института⁷.

М.И. Черемисина любила свою квартиру на первом этаже по ул. Академическая – «ближе к земле»: выходя из дома, она сразу «оказывалась в лесу, ощущала красоту мира, природы, слышала, как пахнут нагретые солнцем сосны, кукует кукушка, стучит дя-

тел...» [Черемисина, 2020, с. 388]. Телевизора поначалу не было, дети бегали смотреть «заславский телевизор»⁸. Р.Л. Берг жила в трехкомнатной квартире на Морском проспекте [2003, с. 238]. Семья О.Н. Марчук поселилась в коттедже. Важно отметить, что «квартирный» стимул при переезде в Сибирь для женщин, «хранительниц очага», был значимым лишь при возможности сохранения прописки и жилья в оставленных ими ради Сибири столицах.

СПЕЦСНАБЖЕНИЕ И БЫТ

При постоянном дефиците потребительских товаров все заботы, связанные с «накармливанием» семей, традиционно продолжали оставаться женскими, выступая «прямой необходимостью» в череде многих других домашних дел [Пушкарева, Богдашина, 2021, с. 260–261]. М.И. Черемисина писала: «Я оставалась и женой, и матерью трех детей, и хозяйкой дома, и доцентом пединститута, и каждое из этих обстоятельств накладывало свои обязательства» [2020, с. 403]. Списки каждодневных дел повергали ее в ужас⁹. Она и Р.Л. Берг в сибирский период их жизни воспитывали детей самостоятельно, не имея рядом мужчины в качестве заботливого отца и второго кормильца, что повышало значимость организованного быта.

Базовая часть питания в Академгородке обеспечивалась приобретением продуктов в специальных «столах заказов», поскольку ННЦ централизованно обеспечивался через Главное управление рабочего снабжения могущественного Министерства среднего машиностроения СССР [Кузнецов, 2015, с. 185]. Заславские, кроме того, брали обеды в столовой Дома ученых, до которой было 5–7 минут хода¹⁰.

На изначально заложенные в структуру Академгородка элементы бытовой дифференциации относительно жилья, снабжения, медицинского обслуживания в зависимости «от чинов» ученых не раз указывалось в литературе. Лишь принципиальная Р.Л. Берг порицала подобное бытовое неравенство как «воспомоществование богатым» [Берг, 2003, с. 208]. И.С. Кузнецов писал: «Из числа самих обладателей привилегий, видимо, мало кто задумывался над их обоснованностью. Среди немногих инакомыслящих была Р.Л. Берг, которая демонстративно отказалась от пользования докторским “столом заказов”» [2019, с. 179]. В связи с иллюзорностью академгородковского эгалитаризма и демократизма Раиса Львовна упоминала в мемуарах художника М.А. Кулакова, ко-

⁵ Письмо Т.И. Заславской М.И. Черемисиной 08.04.1963. Л. 1.

⁶ Письмо Т.И. Заславской М.И. Черемисиной 10.05.1963. Л. 2.

⁷ Письмо Т.И. Заславской М.И. Черемисиной 22.06.1963. Л. 1–2.

⁸ Письмо М.И. Черемисиной Л.Я. Зориной 24.07.1966. Л. 4.

⁹ Письмо М.И. Черемисиной Т.И. Заславской 31.01.1963. Л. 5.

¹⁰ Письмо Т.И. Заславской М.И. Черемисиной 20.02.1964. Л. 4.

торый изобразил «призрачное творение Никиты» в серии картин «Город-театр» [Берг, 2003, с. 267].

В этом смысле заслуживает внимания фрагмент из переписки сестер Карповых в 1963 г. Готовясь к переезду в Новосибирск, Майя Ивановна писала, что в принципе могла бы быстро сделать докторскую диссертацию, хотя сама по себе степень ей не нужна. «И это верно, действительно, что с нее?» – соглашалась Татьяна Ивановна, но объясняла, что «докторская степень – это верный пропуск в академгородок, причем на привилегированных началах... А городок – это в каком-то смысле решение многих жизненно важных вопросов»¹¹.

Докторская степень занимала критически важное место в философии жизни интеллектуально одаренных женщин. В институтах, как отмечала Т.И. Заславская, на каждом шагу слышалось слово «докторская» – ключевое для мужчин из-за соображений престижа¹². Но какова значимость докторской степени на весах жизненной стратегии у женщин, когда время старта и подъема карьеры неумолимо совпадало с возрастом реализации репродуктивной функции? Для женщины это экзистенциальная проблема расстановки приоритетов, выбора между семьей и карьерой. Распространенные идеи о том, что «ученый пост с великой ученостью ничего общего не имеет» [Берг, 2003, с. 196], что «ученая степень и порядок их присвоения – тормоз науки» [Там же, с. 252], «рыцарские» идеи о презренном характере степеней и званий¹³ не вписывались в реальность, властно сопрягавшую достаток, удовлетворительную бытовую среду, социально-благоприятное окружение с продвижением по карьерной лестнице.

«Докторский» стол заказов, положенный Т.И. Заславской после защиты в 1965 г. докторской диссертации, она восторженно именовала «генеральским» – настолько он изменил жизнь: «почти отпала необходимость ходить за чем-либо в магазины». Все, что нужно, приносили прямо на четвертый этаж: свежую рыбу, мясо разных сортов, печень, язык, сосиски, куры, фрукты¹⁴. Можно было заказывать и на сестру, в том числе папиросы, которых, как сетовала М.И. Черемисина, «в городке не было в природе»¹⁵.

Среди удобств Академгородка следует отметить его планировку, шаговую доступность ежедневных целей – институтов, магазинов, обилие деревьев¹⁶,

широкую магистраль, не заполненную транспортом. Все это, по мнению Т.И. Заславской, «создавало комплекс жизненных условий, вряд ли повторимых где-то в другом месте». Она уверяла, что «все-все с точки зрения организации быта в Академгородке ее устраивает»¹⁷.

Но и в научном городке ощущался невысокий уровень жизни, в целом характерный для советского общества, и самыми обычными здесь были разговоры об отсутствии денег. Т.И. Заславская-экономист подсчитала, что при среднедушевом доходе в стране 60 руб. на человека в месяц¹⁸ они на семью из четверых имели 500 руб. (она получала 300 и муж – 200), которых хватало «едва-едва, только от получки до получки»¹⁹. После отпуска Заславские, как и все советские семьи, «сидели без денег»²⁰. На фоне обострения в стране продовольственного положения, отсутствия белого хлеба и круп активно обсуждалось, чем же будет торговать строившийся «фантастически красивый и огромный торговый центр с рестораном»²¹.

Однако известен парадокс: в праздники на столе советских людей откуда-то появлялись дефицитные закуски, особенно это подтверждалось жизнью элиты. На новоселье у М.И. Черемисиной для 16 гостей наготовлено «было много всего, и все говорили, что вкусно»: яйца с гусиной печенкой под майонезом, форшмак с мускатным орехом, два салата оливье – мясной и рыбный, 10 тарелок «казенных» закусок – колбаса, сыр, крабы и лососина консервированные, запеченные свинина и гусь, компот, чай, пирожные, печенье, грецкие орехи, конфеты «мишки» и трюфели, вино «Улыбка», коньяк «отборный»²².

ОБЩЕНИЕ, ДОСУГ И ОТДЫХ

Т.И. Заславская писала об Академгородке: «Быт здесь строится по последнему слову науки и техники, но дело даже не в этом, а в людях»²³. В письме «День безграничного счастья» о путешествии по р. Бердь она выделяла два элемента счастья: первый – это люди, «от соприкосновения с которыми душа расцве-

¹¹ Письмо Т.И. Заславской М.И. Черемисиной 30.01.1963. Л. 3.

¹² Там же. Л. 4.

¹³ Письмо Т.И. Заславской М.И. Черемисиной 08.28.1965. Л. 5.

¹⁴ Письмо Т.И. Заславской М.И. Черемисиной 28.08.1965. Л. 7.

¹⁵ Письмо М.И. Черемисиной Л.Я. Зориной 27.09.1969. Л. 5.

¹⁶ Письмо М.И. Черемисиной Л.Я. Зориной 02.09.1963. Л. 1.

¹⁷ Письмо Т.И. Заславской М.И. Черемисиной 28.08.1965. Л. 7.

¹⁸ Письмо Т.И. Заславской М.И. Черемисиной 03.12.1964. Л. 6.

¹⁹ Письмо Т.И. Заславской М.И. Черемисиной 10.01.1965. Л. 3.

²⁰ Письмо Т.И. Заславской М.И. Черемисиной 28.08.1965. Л. 8.

²¹ Дмитриева Н. Роман с Академгородком // Ведомости Законодательного собрания Новосибирской области. 21.10.2019. № 43(1716).

²² Письмо М.И. Черемисиной Л.Я. Зориной 09.04.1966. Л. 1–2.

²³ Письмо Т.И. Заславской М.И. Черемисиной 30.01.1963. Л. 3.

тает», второй – «поразительной красоты сибирская природа»²⁴. Именно люди заставляли ее душу «петь, наполняясь счастьем, как парус ветром от того, что она, наконец-то, приобрела опору не только в муже, но и в друзьях»²⁵.

Приехавшая сюда М.И. Черемисина также «впервые в жизни попала в такой мир», где общение с людьми очаровывало: «Все по-домашнему. Все знают друг друга. Профессор Румер рассказывает о том, как он учился в Германии, как общался с Бором, Эйнштейном... Городок был очень молодой. Людей старше 50 нигде не было видно. К.А. Тимофееву 49, Аганбегяну 34 или 35. Академик Александров после вечернего заседания с 3-го этажа съезжал по перилам университетской лестницы... И все были внутренне свободны... Я была влюблена в Городок» [Черемисина, 2020, с. 414].

Компании интеллектуалов «собирались часто, горячо обсуждали живые проблемы сегодняшнего дня», свободно говорили и о темах запретных, играли в модные тогда экономические игры, слушали музыку, особенно Окуджаву, который «был в те годы так популярен, что летом редко из какого только окна эта музыка не доносилась» [Черемисина, 2020, с. 405]. Накануне больших праздников, как правило, устраивали вечера по институтам, где много пили, на следующий день собирались компанией, как, например, накануне Первомая у Заславских, когда «веселье было великое, и вообще было хорошо – душевно как-то, тепло», а потом «всем шалманом (с детьми 20 человек)» при чудесной погоде ходили на море²⁶.

По примеру М.М. Громько в быт многих ученых-гуманитариев Академгородка вошли «домашние» встречи с научной молодежью [Логос, 1997, с. 25]. Так, в доме М.И. Черемисиной собирались аспиранты и сотрудники, задействованные в теме: «Посылали кого-то в магазин, делали салат из морковки, Майя Ивановна пекла вкуснейшие лепешки, заваривался чай, и все научное собрание получало дополнительный импульс – возникало чувство команды и коллектива», – вспоминала Л.М. Горелова [2019, с. 16].

Тон культурной жизни в Академгородке с первых лет задали ученые старшего поколения, которые благодаря личным связям приглашали сюда виднейших мастеров искусств. В доме культуры «Москва» каждые два дня показывали новый фильм, давали абонементные симфонические и камерные концерты, изредка бывали вечера поэзии, читались интересные

лекции в университете и т.п.», но первое время ощущалась оторванность от цивилизации²⁷. С открытием весной 1966 г. Дома ученых культурная жизнь стала более насыщенной и разнообразной, что явствует из коллекции билетов, программ, афиш, самодельных юмористических объявлений о культурно-праздничных мероприятиях Дома ученых и институтских коллективов в 1960–1970-е гг., собранной Н.А. Притвиц²⁸.

Близость леса и моря (Обского водохранилища с живописными островами) превращала Академгородок в своеобразный дачный пригород Новосибирска, где «хорошо зимою, но летом просто земной рай». Воспоминания рисуют лыжные, пешие, лодочные походы и пикники: «Тепло. Море. Песок. Дети загорелые, веселые. На пляже – волейбол, бадминтон. Моторка “Дуняша” уносит в недалекое путешествие. Можно ловить рыбу. Учимся кататься на велосипедах»²⁹. География путешествий семей ученых, приехавших из европейской части страны, в период отпусков охватывала обширную зауральскую часть – Алтай, Байкал, Иссык-куль, Енисей до о. Диксон, города Томск, Красноярск, Алма-Ата и другие города Средней Азии.

Уникальная по советским меркам открытость Академгородка для мира, начало которой положил российско-американский симпозиум 1963 г. [Tatarchenko, 2016], породила волну повсеместного изучения иностранных языков, интереса к западной научной литературе. Многие ученые дружили семьями с коллегами из Европы и США и во время симпозиумов «наперебой приглашали к себе в гости то одного ученого, то другого, а то сразу большую кампанию» [Марчук, 1997, с. 43–44]. Гостей ННЦ, в том числе иностранных, часто принимали с рыбалкой и ухой. Роли распределялись традиционным образом: мужчины отвечали за транспорт и техническую сторону дела, женщины – за обед. Сама В.Е. Лаврентьева, как известно, в первую золотодолинскую зиму организовала столовую, всегда стряпала пироги для бесконечных гостей лаврентьевского дома. Но привычное понимание обслуживающей роли женщин уже «оспаривалось» представлением о равноправном с мужчинами статусе. «Когда зав. отделом снабжения попыталась заставить дочь Лаврентьева Веру и жену сына Инну выйти навстречу Хрущеву с хлебом-солью на махровом китайском полотенце, они сказали: “Пусть нас режут на куски, не пойдём”. И не пошли», – вспоминала Н. Притвиц [2007, с. 27].

²⁴ Письмо Т.И. Заславской М.И. Черемисиной 21.07.1963. Л. 6.

²⁵ Там же. Л. 3–4.

²⁶ Письмо Т.И. Заславской М.И. Черемисиной 10.05.1963. Л. 2.

²⁷ Письмо Т.И. Заславской М.И. Черемисиной 20.02.1964. Л. 4.

²⁸ Хранится в Центре хранения материалов по истории СО РАН в Институте истории СО РАН.

²⁹ Письмо Т.И. Заславской М.И. Черемисиной 22.06.1963. Л. 3.

Первые «академины» перенесли в Академгородок высокие стандарты культуры и быта: в отношении к досугу (П.Я. Кочина за неделю до спектаклей начинала изучать либретто), природе (Н.А. Притвиц боролась с развешиванием на деревьях бельевых веревок), животным (давали приют бездомным собакам и кошкам), вещам (П.Я. Кочина привезла из Москвы чешский гарнитур «Аллон» [Притвиц, 2007, С. 25], Т.И. Заславская – обои латвийского производства³⁰). Но даже статусные женщины мобилизационного поколения не были избалованы красивым имуществом. М.И. Черемисина писала, что по жизни «была бедна как церковная мышь», равнодушна к вещам и любила лишь бабушкины вещи, «проникнутые чем-то духовным» [2020, с. 476, 478]. Бабушкины вещи, связанные с личностями любимых предков, обожаемым детством, дальними странами, семейными или историческими событиями, ценились М.И. Черемисиной как культурные артефакты, наполняя ее «культурный космос».

Такое искреннее отречение от вещизма выявляло в мемуаристке истинный аристократизм духа. В 2019 г. на выставке «Сестры Карповы: Майя Черемисина и Татьяна Заславская»³¹ впервые экспонировались дорогие им предметы: шелковые платья и туфельки, в которых сестры гуляли по Академгородку, швейная машинка, семейные фотокарточки с дореволюционных времен, переводные картинки, дневники, самый старый из которых – восемнадцатилетнего Георгия де Метца – датировался 1879 г.

Оборотной стороной концентрации в Академгородке «большого количества деятельных, умных, культурных людей» [Марчук, 1997, с. 147] и их ежедневного близкого, интенсивного, яркого, демократичного общения в процессе работы и отдыха являлась «повышенная нагрузка» на брачные связи, провоцирующая их распад, возникновение «служебных романов» и т.п. В довольно узком и изолированном пространстве человеческих контактов городка это оборачивалось личными трагедиями – болезненно переживалось женщинами, мужчин обрекало на официальные взыскания, грозило распадом дружеских компаний, расстройством работы научных коллективов³².

В целом в раннем Академгородке жилось «хорошо и вольно, во всех отношениях»³³. Никто из мемуаристок не вспоминал оставленные Москву и

Ленинград, Т.И. Заславская прямо говорила, что ее место – здесь: «Я влюблена в Городок и в его образ жизни. Я глубоко убеждена, что современный разносторонне развитый человек должен жить только так!»³⁴.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эго-документы сибирских «академин» позволяют рассмотреть историю первого десятилетия Академгородка в микромасштабе повседневной жизни женщин – работающих матерей и хозяек. Как продукт современного проекта «советской цивилизации» и яркие личности женщины-ученые были одержимы наукой, ценили культуру, жаждали комфортной, цивилизованной, активной, нескудной жизни. Мотивами переезда в Академгородок являлись перспективы научно-исследовательской карьеры в совокупности с благоприятными бытовыми условиями, что было важно с учетом остро стоявших в стране в начале 1960-х гг. как продовольственного вопроса, так и жилищного, поскольку спрос на отдельные квартиры превышал предложение. Государство считало ученых стратегически важным ресурсом, особенно в областях, связанных с оборонным и энергетическим секторами экономики, и патронировало в соответствии с принципами менталитета партийных функционеров – в зависимости от места в иерархии государственного социализма. Конвертацией карьерного роста являлось не только повышение зарплаты, но и переселение в более «статусное» жилье, прикрепление к «докторскому» или «академическому» столу заказов и медицинскому обслуживанию. Благоустроенные квартиры с сохранением столичной прописки и жилья, спецснабжение продуктами, возможности современного образования для детей, удачные природно-экологические условия для полноценной рекреации, отдыха и спорта, наличие тесного сообщества интеллектуалов, свобода и демократизм в общении и культурной жизни являлись важными факторами укоренения в ННЦ. Условия жизни в Академгородке в целом были оценены женщинами-учеными в высшей степени позитивно, в том числе по сравнению со столичными, вплоть до утверждений о том, что это лучшее место для жизни. Замысел создания конкурентных преимуществ нового города науки по рецепту использования «матричных» рычагов советской командно-распределительной системы для первого десятилетия оказался успешным. Перспектива дальнейших эго-документальных исследований жизнедеятельности сибирских «академин» связана с определением влияния

³⁰ Письмо Т.И. Заславской М.И. Черемисиной 08.04.1963. Л. 2.

³¹ Организаторы: Выставочный Центр СО РАН, Интегральный музей повседневности Академгородка (руководитель А. Безносова-Близнюк), Е. Шиплюк, Т. Черкашина.

³² Письмо Т.И. Заславской М.И. Черемисиной 21.07.1963. Л. 3–4.

³³ Письмо Т.И. Заславской М.И. Черемисиной 29.12.1963. Л. 1.

³⁴ Письмо Т.И. Заславской М.И. Черемисиной 22.06.1963. Л. 3.

академгородковского модуса повседневной жизни на их научную карьеру, динамику и креативность научной работы.

БЛАГОДАРНОСТИ

Благодарю Н.П. Матханову и А.А. Озонову за помощь в подготовке настоящего исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Берг Р.Л.* Суховой. Воспоминания генетика. М.: Памятники исторической мысли, 2003. 527 с.
- Бобровская Е.В.* «Государственный феминизм» в СССР: особенности гендерного (не)равенства в советской России // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: История и политические науки. 2020. № 4. С. 133–140.
- Варга-Харрис К.* Между национальной традицией и западной модернизацией: Советская женщина и Представления о социалистическом гендерном равенстве как «третьем пути» развития страны, 1956–1964 годы // Slavic review. 2019. Vol. 78, N 1, pp. 578–782.
- Варга-Харрис К.* Хрущевка, коммуналка: социализм и повседневность во время «оттепели» // Новейшая история России / Modern history of Russia. 2011. № 1. С. 160–166.
- Водичев Е.Г.* Траектории экономических реформ: наука и научная политика в годы «хрущевского десятилетия» // Уральский исторический вестник. 2021. № 4(73). С. 135–144.
- Горелова Л.М.* Майя Ивановна Черемисина // Предложение как единица языка и речи. Новосибирск: Академиздат, 2019. 208 с.
- Гудков Л.* Иллюзии выбора: 30 лет постсоветской России. Рига, 2021. 228 с.
- Ерохина Е.А.* Дневник женщины-ученой как летопись новосибирского Академгородка: наследие Н.А. Притвиц // Женская история сегодня: источниковедение, историография, новые методологические подходы: материалы XIV Междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН. М.: ИЭА РАН, 2021. Ч. 1. 318. С. 56–60.
- Запорожченко Г.М., Шелегина О.Н.* «Сибирские Академины»: женщины-ученые, вошедшие в историю Сибирского отделения Российской Академии наук // Исторический курьер. 2019. № 3(5). Статья 19. URL: <http://istkurier.ru/data2019/ISTKURIER-2019-3-19.pdf>; DOI: 10.31518/2618-9100-2019-3-19.
- Заславская Т.И.* Избранное. М.: Экономика, 2007. Т. 3: Моя жизнь: воспоминания и размышления. 764 с.
- История в эго-документах: Исследования и источники / гл. ред. Н.В. Суржикова. Екатеринбург: Изд-во АсПУр, 2014. 368 с.
- Кочина П.Я.* Воспоминания. М.: Наука, 1974. 299 с.
- Кром М.М.* Повседневность как предмет исторического исследования // История повседневности: сб. науч. работ / отв. ред. М.М. Кром. СПб., 2003. С. 7–14.
- Кузнецов И.С.* Социальные проблемы новосибирского Академгородка в официальных документах рубежа 1960–1970-х годов // Вестн. НГУ. 2015. Т. 14. Вып. 1: История. С. 181–188.
- Кузнецов И.С.* Новосибирский Академгородок: «оазис свободы» или «реликт сталинизма»? // ЭКО. 2019. № 11. С. 172–192.
- Куперитох Н.А.* Демографическая структура научных кадров Сибирского отделения РАН (конец 80-х–начало 90-х годов) // Гуманитарные науки в Сибири. 1995. № 1. С. 97–101.
- Лаврентьев М.А.* ...Прирастать будет Сибирью. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1982. 175 с.
- Логос: историко-литературный альманах. Новосибирск, 1997. Вып. 1: Хроника гуманитарного факультете Новосибирского государственного университета. 79 с.
- Марчук О.Н.* Сибирский феномен: Академгородок в первые 20 лет. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. 236 с.
- Нуркова В.В.* Социальное прошлое в индивидуальной памяти: история как личный опыт // Историческая психология и социология истории. 2009. № 1. С. 5–27.
- Орлов И.Б.* Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. 317 с.
- Притвиц Н.А.* Как молоды мы были // И забыть по-прежнему нельзя... Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2007. 336 с.
- Пушкарева Н.Л.* Женщины в российской науке конца XX – начала XXI века: обобщение количественных характеристик // Женщина в российском обществе. 2010. № 3(56). С. 24–35.
- Пушкарева Н.Л.* Женщины в советской науке. 1917–1980-е гг. // Вопр. истории 2011. № 11. С. 92–102.
- Пушкарева Н.Л.* Повседневный быт конца 1950–1960 гг. в социальной памяти женщин-ученых новосибирского Академгородка // Женское и мужское в традиционной и современной культуре: сохранение, фиксация, понимание: материалы XIII Междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН. М.: ИЭА РАН, 2020. С. 118–121.
- Пушкарева Л.Н., Богдашина И.В.* «Вкусная и здоровая пища» в повседневных женских практиках нестоличного советского города 1950–1960-х гг. // Вестн. антропологии, 2021 № 1(53). С. 260–274.
- Пушкарева Н.Л., Жидченко А.В.* Женская городская повседневность периода «оттепели» в англо-американской историографии // Женская история сегодня: источниковедение, историография, новые методологические подходы: материалы XIV Междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН. М.: ИЭА РАН, 2021. Ч. 2. С. 127–130.
- Репина Л.П.* Память и наследие в «крестовом походе» против истории, или Рождение «мемориальной парадигмы» // Уральский исторический вестник. 2021. № 2(71). С. 6–16.
- Савелова О.А., Крайнева И.А.* Электронный архив сестер Карповых: история научной династии // Исторический курьер. 2021. № 2 (16). С. 25–35. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER2021-2-02.pdf>; DOI: 10.31518/2618-9100-2021-2-2
- Семенова О.И.* Женская академическая повседневность XIX – первой половины XX в. в современной зарубежной историографии // Женская история сегодня: источниковедение, историография, новые методологические подходы: материалы XIV Междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН. М.: ИЭА РАН, 2021. Ч. 2. С. 110–112.
- Степанов А.О.* Первые ученые-женщины в советской физике – профессора Томского университета В.М. Кудрявцева, Н.А. Прилежаева, М.А. Большанина: гендерные аспекты профессионально-адаптационных практик // Вестн. ТГУ. История. 2019. № 57. С. 183–192.
- Туркина В.Г.* Некоторые аспекты исследования советской повседневной истории // Наука. Искусство. Культура. 2020. Вып. 2(22). С. 107–112.
- Ханин Г.И.* Честный и талантливый рассказ о новосибирском Академгородке, советском народе и советском обществе (воспоминания Михаила Качана) // Идеи и идеалы. 2019. Т. 11, № 4, Ч. 1. С. 217–239.
- Человек советский: за и против = Homo soveticus: pro et contra / под ред. Ю.В. Матвеевой, Ю.А. Русинной. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2021. 412 с.
- Черемисина М.И.* Мои воспоминания / ред.-сост. А.А. Озорова, Е.В. Шиплюк. Новосибирск: Ин-т филологии СО РАН, 2020. 439 с.
- Эго-документы: Россия первой половины XX века в межисточниковых диалогах / под науч. ред. М.А. Литовской, Н.В. Суржиковой. М.: Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2021. 408 с.
- Tatarchenko K.A.* Calculating a Showcase: Mikhail Lavrentiev, the Politics of Expertise, and the International Life of the Siberian Science-City // Historical Studies in the Natural Sciences. 2016. Vol. 46, N 5. P. 592–632.

REFERENCES

- Berg R.L. (2003). Sukhovey. Memoirs of a geneticist. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysl'i, 527 p. (In Russ.)
- Bobrovskaya E.V. (2020). "State feminism" in the USSR: features of gender (non-)equality in Soviet Russia. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki*. No. 4, pp. 133–140. (In Russ.)
- Varga-Harris K. (2019). Between the national tradition and Western modernization: the Soviet woman and ideas about socialist gender equality as the "third way" of the country's development, 1956–1964. *Slavic review*. Vol. 78, no. 1, pp. 578–782. (In Russ.)
- Varga-Harris K. (2011). Khrushchev-era house, communal apartment: socialism and everyday life during the «thaw». *Noveyshaya istoriya Rossii / Modern history of Russia*. No 1, pp. 160–166. (In Russ.)
- Yodichev E.G. (2021). Trajectories of economic reforms: science and scientific policy in «Khrushchev Decade» years. *Ural'skiy istoricheskii vestnik*. No. 4, pp. 135–144. (In Russ.)
- Gorelova L.M. (2019). Maya Ivanovna Cheremisina. In: *Predlozhenie kak edinita yazyka i rechi*. Novosibirsk, Akademizdat, pp. 12–20. (In Russ.)
- Gudkov L. (2021). Illusions of choice: 30 years of post-Soviet Russia. Riga, 228 p. (In Russ.)
- Erokhina E.A. (2021). Diary of a woman scientist as a chronicle of Novosibirsk Akademgorodok: N.A. Prityvits' heritage. *Zhenskaya istoriya segodnya: istochnikovedenie, istoriografiya, novye metodologicheskie podkhody*. Moscow, IEHA RAN. Pt. 1, pp. 56–60. (In Russ.)
- Zaporozhchenko G.M., Shelegina O.N. (2019). «Siberian Academines»: women scientists who entered the history of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. *Istoricheskii kur'er*. No. 3, art. 19. URL: <http://istkurier.ru/data2019/ISTKURIER-2019-3-19.pdf>. DOI: 10.31518/2618-9100-2019-3-19.
- Zaslavskaya T.I. (2007). Favorites. Vol. 3: My life: memories and reflections. Moscow, Ekonomika, 764 p. (In Russ.)
- Surzhikova N.V. (Ed.) (2014). History in ego documents: research and sources. Yekaterinburg, ASPUr Publ, 368 p. (In Russ.)
- Kochina P.Y. (1974). Memoirs. Moscow, Nauka, 299 p. (In Russ.)
- Krom M.M. (2003). Everyday life as a subject of historical research (instead of a preface). *Istoriya povsednevnosti*. Saint Petersburg, pp. 7–14. (In Russ.)
- Kuznetsov I.S. (2015). Social problems of Novosibirsk Akademgorodok in official documents at the turn of the 1960s–70s. *Vestnik NGU*. Vol. 14, iss. 1, pp. 181–188. (In Russ.)
- Kuznetsov I.S. (2019). Novosibirsk Akademgorodok: «oasis of freedom» or «relic of Stalinism»? *EKO*. No. 11, pp. 172–192. (In Russ.)
- Kuperstokh N.A. (1995). Demographic structure of scientific personnel of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (the late 1980s – early 90s). *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. No. 1, pp. 97–101. (In Russ.)
- Lavrentiev M.A. (1982). ... Siberia will grow. Novosibirsk, Zap.-Sib. kn. izd-vo, 175 p. (In Russ.)
- Zuev A.S. (Ed.) (1997). Logos. Historical and literary almanac. Novosibirsk, iss. 1. Chronicle of the Humanities Faculty of Novosibirsk State University, 79 p. (In Russ.)
- Marchuk O.N. (1997). Siberian phenomenon: Akademgorodok over the first 20 years. Novosibirsk, Sibirskiy khronograf, 236 p. (In Russ.)
- Nurkova V.V. (2009). Social past in individual memory: history as personal experience. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii*. No. 1, pp. 5–27. (In Russ.)
- Orlov I.B. (2010). Soviet everyday life: historical and sociological aspects of formation. Moscow, Izd. dom Gosudarstvennogo Universiteta Vysshey shkoly ekonomiki, 317 p. (In Russ.)
- Prytvits N.A. (2007). How young we were. *Izabyt' po-prezhnemu nel'zya*. Novosibirsk, IEHOPP SO RAN, 336 p. (In Russ.)
- Pushkareva L.N., Bogdashina I.V. (2021). «Delicious and healthy food» in everyday women's practices of a non-metropolitan Soviet city of the 1950s and 1960s. *Vestnik antropologii*. No. 1, pp. 260–274. (In Russ.)
- Pushkareva N.L. (2010). Women in Russian science of the late XX – early XXI century: generalization of quantitative characteristics. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*. No. 3, pp. 24–35. (In Russ.)
- Pushkareva N.L. (2011). Women in Soviet science. 1917–1980s. *Voprosy istorii*. No. 11, pp. 92–102. (In Russ.)
- Pushkareva N.L. (2020). Everyday life of the late 1950–60s in the social memory of women scientists of Novosibirsk Akademgorodok. In: *Zhenskoe i muzhskoe v traditsionnoy i sovremennoy kul'ture: sokhraneniye, fiksatsiya, ponimaniye*. Moscow, IEHA RAN, pp. 118–121. (In Russ.)
- Pushkareva N.L., Zhidchenko A.V. (2021). Women's urban everyday life of the "thaw" period in Anglo-American historiography. *Zhenskaya istoriya segodnya: istochnikovedenie, istoriografiya, novye metodologicheskie podkhody*. Moscow, IEHA RAN, pt. 2, pp. 127–130. (In Russ.)
- Repina L.P. (2021). Memory and heritage in the «crusade» against history or the birth of the «memorial paradigm». *Ural'skiy istoricheskii vestnik*. No. 2, pp. 6–16. (In Russ.)
- Savelova O.A., Kraineva I.A. (2021). Electronic archive of the Karpov sisters: the scientific dynasty history. *Istoricheskii kur'er*. No. 2, pp. 25–35. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER2021-2-02.pdf>. DOI:10.31518/2618-9100-2021-2-2. (In Russ.)
- Sekenova O.I. (2021). Women's academic everyday life of the XIX – first half of the XX century in modern foreign historiography. *Zhenskaya istoriya segodnya: istochnikovedenie, istoriografiya, novye metodologicheskie podkhody*. Moscow, IEHA RAN. pt. 2, pp. 110–112. (In Russ.)
- Stepanov A.O. (2019). The first female scientists in Soviet physics – Tomsk University Professors V.M. Kudryavtseva, N.A. Prilezhaeva, M.A. Bolshanina: gender aspects of professional adaptation practices. *Vestnik TGU. Istoriya*. No. 57, pp. 183–192. (In Russ.)
- Turkina V.G. (2020). Some aspects of the study of Soviet everyday history. *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura*. Iss. 2, pp. 107–112. (In Russ.)
- Khanin G.I. (2019). An honest and talented story about Novosibirsk Akademgorodok, the Soviet people and Soviet society (memoirs of Mikhail Kachan). *Idei i idealy*. Vol. 11, no. 4, pt. 1, pp. 217–239. (In Russ.)
- Matveeva Yu.V., Rusina Yu.A. (Eds.) (2021). Soviet man: pros and cons = Homo soveticus: pro et contra. Yekaterinburg, Izd-vo Ural. unta, 412 p. (In Russ.)
- Cheremisina M.I. (2020). My memoirs. Novosibirsk, SS RAS, 439 p. (In Russ.)
- Litovskaya M.A., Surzhikova N.V. (Eds.) (2021). Ego-documents: Russia of the first half of the XX century in inter-source dialogues. Moscow, Yekaterinburg, 408 p. (In Russ.)
- Tatarchenko K.A. (2016). Calculating a showcase: Mikhail Lavrentiev, the politics of expertise, and the international life of the Siberian science-city. *Historical Studies in the Natural Sciences*. Vol. 46, no. 5, pp. 592–632.

Статья поступила в редакцию 04.05.2022

Дата рецензирования 12.06.2022

Статья принята к публикации 30.06.2022

DOI: 10.15372/HSS20220312

УДК 001:061.6"1957/2022"

¹Е.Б. АРТЕМЬЕВА, ²Н.А. КУПЕРШТОХ, ¹С.Н. ЛЮТОВ

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ УЧРЕЖДЕНИЙ НАУКИ В СИБИРИ И ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ИХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

¹ Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН,
РФ, 630102, г. Новосибирск, ул. Восход, 15² Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье освещена история создания научных учреждений в Сибири, становления и развития научных центров Сибирского отделения Академии наук СССР/Российской академии наук, формирования их библиотечно-информационной инфраструктуры и системы научно-издательской деятельности. Сибирское отделение АН СССР, созданное в 1957 г., обеспечило качественно новый уровень региональной координации и управления наукой. Совокупный потенциал, наработанный за 65 лет его деятельности, имеет большое историческое значение. Этим вопросам был посвящен круглый стол «К 65-летию Сибирского отделения Российской академии наук», проведенный в рамках Международной научно-практической конференции «Наука, технологии и информация в библиотеках (Libway-2022)» (Новосибирск, 14–18 марта 2022 г.).

Ключевые слова: Сибирское отделение Российской академии наук, учреждения науки, библиотеки, информационное обеспечение, научно-издательская деятельность.

¹E.B. ARTEMYEVA, ²N.A. KUPERSHTOKH, ¹S.N. LYUTOV

ESTABLISHMENT AND DEVELOPMENT OF SCIENTIFIC INSTITUTIONS IN SIBERIA AND FORMING THEIR INFORMATION SUPPORT SYSTEM

¹State Public Scientific Technological Library SB RAS,
15, Voskhod str., Novosibirsk, 630102, Russian Federation²Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The Academy of Sciences has consistently maintained a strategy to study Siberia and the Far East throughout its almost three hundred year-old history. Establishing the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences in 1957 according to principles innovative for that time meant a new stage in the state scientific policy implementation. For the first time in the science history, the Siberian Branch united the scientific institution network beyond the Urals both organizationally and territorially. The evolution of developing the academic institutions was from single hospitals to complex research centers of the Siberian Branch of the USSR/RAS Academy of Sciences. Along with the scientific institution creation in the region, the system of academic libraries has been developed to form scientific collections, provide information support for research and engineering, and preserve the historical, cultural and scientific heritage. Establishing and developing the research and publishing activity of SB RAS demonstrate interesting features that indicate, on the one hand, purposeful work to create a regional publishing structure meeting the requirements of the Academy of Sciences, and, on the other hand, the Branch leadership autonomy to realize the idea of creating own publishing house becoming more self-reliant to produce scientific editions. The paper gives comprehensive analysis of structural transformations carried out in the Siberian Branch of the Russian

Елена Борисовна Артемьева – д-р пед. наук, главный научный сотрудник, заведующая отделом научно-исследовательской и методической работы, Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, e-mail: artemyeva@spsl.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6760-6117>.

Наталья Александровна Куперштох – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: nataly.kuperg@mail.com; <https://orcid.org/0000-0003-1522-1837>.

Сергей Николаевич Лютов – д-р ист. наук, профессор, главный научный сотрудник, Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, e-mail: ser.lutov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1189-1884>.

Elena B. Artemyeva – Doctor of Pedagogical Sciences, Chief Researcher, Head of the Department of Research and Methodical Work, State Public Scientific Technological Library SB RAS.

Natalia A. Kupershtokh – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History SB RAS.

Sergey N. Lyutov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, State Public Scientific Technological Library SB RAS.

Academy of Sciences in different years, adaptation of means of research information support to changing conditions, which confirms a flexible policy pursued by heads of the department and scientific institutions implementing the transformation tasks in the Academy of Sciences centered on the needs and features of scientific development in the region. The developed information support system for research meets the requirements of the time and contributes to the Siberian science achievements.

Key words: *Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, institutions of science, libraries, information support, scientific publishing.*

ВВЕДЕНИЕ

Историческое решение Совета министров СССР от 18 мая 1957 г. об организации Сибирского отделения АН СССР положило начало масштабной работе по реорганизации работавших за Уралом научных учреждений, созданию новых институтов и формированию структуры регионального отделения Академии наук. Решая стратегические задачи, руководители Отделения в числе первоочередных мер закладывали основы новой системы информационного обеспечения научных исследований, отвечающей перспективным задачам развития науки и особенностям работы учреждений в составе СО АН СССР. Это потребовало больших усилий по расширению сети научных библиотек и новых подходов к организации научно-издательской деятельности.

РАЗВИТИЕ ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНАЛЬНЫХ НАУЧНЫХ ЦЕНТРОВ

На протяжении почти 300-летней истории Академии наук последовательно выдерживала стратегию на изучение регионов России. Важность этой проблемы в начале XX в. сформулировал академик В.И. Вернадский, заветам которого следовала Комиссия / Совет по изучению естественных производительных сил страны¹. С 1920-х гг. на мобилизационные стратегии Советского государства Академия наук отреагировала десятками экспедиций, которые производили «инвентаризацию» природных ресурсов и проводили исследования в регионах страны.

В Сибири первое научное учреждение – Бурят-Монгольский ученый комитет, проводивший планомерные исследования в области языка, литературы и истории, был создан в 1922 г., впоследствии он был преобразован в Бурят-Монгольский государственный институт культуры – НИИ языка, литературы и истории. В Якутии в рамках деятельности Комплексной экспедиции Академии наук СССР в 1925–1930-е гг. были собраны и обобщены материалы о природных условиях и полезных ископаемых, создан Институт языка и культуры, впоследствии – Институт языка, литературы и истории. Во Владивостоке в 1932 г. начал свою деятельность Дальневосточный филиал АН

СССР, в составе которого стали работать отраслевые научно-исследовательские институты. В 1943 г. был организован Западно-Сибирский филиал Академии наук в Новосибирске, в 1949 г. в Иркутске создан Восточно-Сибирский филиал АН СССР, Якутская научно-исследовательская база была преобразована в Якутский филиал АН СССР. К 1957 г. на территории Сибири действовали три филиала АН СССР, основным направлением которых стало изучение производительных сил регионов. Фундаментальные исследования имели точечный характер и связаны с именами таких ученых, как П.И. Мельников, Ю.Г. Шафер, Л.В. Киренский, Ю.Б. Румер и др.

Согласно решению о создании Сибирского отделения АН СССР, в его состав вошли учреждения названных филиалов, а также Сахалинского комплексного НИИ. Организация СО АН СССР по инновационным для своего времени принципам означала новый этап в реализации государственной научной политики. Сибирское отделение объединило сеть научных учреждений за Уралом и организационно, и территориально. Академики М.А. Лаврентьев, С.Л. Соболев и С.А. Христианович предложили авторскую модель комплексного научного центра, в основу которой были положены следующие принципы: междисциплинарное развитие фундаментальных исследований; разработка на их основе инновационных технологий для внедрения в производство; подготовка кадров по актуальным научным направлениям². В дальнейшем модель СО АН послужила примером для организации Уральского и Дальневосточного отделений Академии наук, региональных отделений медицинской и сельскохозяйственной академий. В целом, несмотря на трудности и проблемы, стратегию Сибирского отделения по развитию локальных научных центров удалось реализовать. В 1960-е гг. укрепились Новосибирский, Иркутский и Якутский научные центры. В 1970-е гг. началось активное развитие академических центров в Томске, Красноярске, Улан-Удэ, в 1990-х гг. – в Кемерове, Тюмени и Омске. Структура научных центров была однотипной: она включала научно-исследовательские и конструктор-

¹ Комиссия по изучению естественных производительных сил страны (КЕПС) и Комиссия экспедиционных исследований АН СССР были созданы для изучения природных ресурсов страны (1928–1930 гг.); с 1930 по 1960 г. в составе АН СССР действовал Совет по изучению производительных сил (СОПС), созданный на базе КЕПС.

² «Треугольник» Лаврентьева, по мнению председателя СО РАН, академика В.Н. Пармона, в настоящее время можно назвать «тетраэдром», поскольку четвертая грань – региональная власть – является неременным участником реализации значимых научно-технологических проектов. – См.: Пармон В.Н. Сибирское отделение Российской академии наук в развитии Сибирского макрорегиона: история и настоящее. URL: https://www.sbras.ru/files/news/docs/so_ran_65.pdf (дата обращения: 10.06.2022).

ские организации. Деятельность научных центров направлялась президиумом Сибирского отделения, который являлся распорядителем финансов, получаемых напрямую из федерального бюджета, был посредником во взаимодействии «большой» Академии наук с локальными центрами региона, а также проводником государственной политики и инициатором разработки стратегических программ.

Сибирское отделение АН СССР доказало свою эффективность результатами мирового уровня в фундаментальных исследованиях, разработками для стратегически важных отраслей – космической, оборонной и других, при реализации программы «Сибирь» в целях комплексного изучения природных ресурсов. В советский период (с 1957 по 1991 г.) сформировался крупнейший региональный научный комплекс из 9 локальных научных центров, а также институтов в ряде городов Сибири. Накануне распада СССР в Сибирском отделении АН насчитывалось 83 организации, общая численность персонала составляла свыше 50 тыс. чел., в том числе 12 тыс. научных сотрудников [Куперштох, 2017].

В 1990-е гг. сеть институтов уже Сибирского отделения Российской академии наук (РАН) была частично реорганизована, численность персонала СО РАН уменьшилась на треть, а научных сотрудников – более чем на 20 %. Но благодаря политике адаптации, разработанной под руководством академиков В.А. Коптюга и Н.Л. Добрецова, удалось остановить разрушительные для науки процессы. С начала 2000-х гг. можно было констатировать относительно стабильное положение академической науки. В 2013 г., накануне реформы РАН, Сибирское отделение по-прежнему состояло из 9 научных центров, включавших 77 организаций, численность персонала составляла около 30 тыс. чел., в том числе 9,3 тыс. научных сотрудников. Существовали проекты по созданию научных центров на Алтае и в Ямало-Ненецком автономном округе, однако им не суждено было реализоваться [Куперштох, 2017а].

Реформа РАН означала существенные изменения в жизни академического сообщества. Учреждения трех академий (РАН, РАМН, РАСХН) были переданы в состав Федерального агентства научных организаций (ФАНО), а затем в Министерство науки и высшего образования РФ (Минобрнауки). Региональные отделения РАН (фактически их управленческий аппарат в лице президиумов) преобразованы в федеральные государственные бюджетные учреждения (ФГБУ); президиумы многих научных центров «растворились» в федеральных исследовательских центрах (ФИЦ), реорганизованных из научных центров. Тем самым была разрушена стройная система управления и координации академической науки страны. Хотя «на бумаге» РАН наделена экспертными и дру-

гими функциями, ее ресурсы крайне ограничены, поскольку деятельность академических учреждений (впервые!) оказалась и организационно, и финансово подчинена не РАН, а Министерству науки и высшего образования.

Рассмотрим изменения в деятельности научных центров в Западной Сибири. В Новосибирске действуют свыше 30 институтов СО РАН. Первый Федеральный исследовательский центр «Институт цитологии и генетики СО РАН» был создан в 2015 г. с включением в его состав Института цитологии и генетики (ИЦИГ) и трех институтов сельскохозяйственного и медицинского профиля, находившихся ранее в академиях сельскохозяйственных и медицинских наук. В 2019 г. сформирован ФИЦ «Институт катализа им. Г.К. Борескова СО РАН» в составе Института катализа с Волгоградским филиалом и Института проблем переработки углеводов, расположенного в Омске, который после реорганизации стал филиалом–Центром новых химических технологий; в 2020 г. – ФИЦ информационных и вычислительных технологий в составе Института вычислительных технологий с филиалами, а также совместных лабораторий с вузами.

Институты бывших РАМН и РАСХН в Новосибирске и области оказались перед сложным выбором: либо интегрироваться с институтами Новосибирского научного центра, либо создавать самостоятельные профильные кластеры. Большинство учреждений пошло по второму пути. В 2015 г. был организован Сибирский федеральный научный центр агробиотехнологий РАН, объединивший свыше 10 институтов, в 2018 г. – ФИЦ фундаментальной и трансляционной медицины из 4 учреждений. Результат оптимизации только в одной Новосибирской области: более 20 ранее самостоятельных НИИ преобразованы в 5 ФИЦ [Куперштох, 2020].

Пять институтов Томского научного центра СО РАН сохранили самостоятельный статус. Среди них – известные своими результатами мирового уровня Институт сильноточной электроники, Институт физики прочности и материаловедения, Институт оптики атмосферы им. В.Е. Зуева. Оптимизация коснулась сети медицинских учреждений – в 2016 г. был образован Томский национальный исследовательский медицинский центр РАН, объединивший 6 учреждений СО РАМН.

Развитие Тюменского, Омского и Кемеровского научных центров с начала 1990-х гг. было существенным образом скорректировано реалиями этого периода. Они были реорганизованы в ФИЦ, с включением подразделений РАМН и РАСХН.

В Восточной Сибири самым крупным является Иркутский научный центр (ИНЦ) СО РАН. Добровольная инициатива ученых создать Байкальский

ФИЦ из 2 институтов (2016 г.) была использована как повод для объединения всех 9 институтов, среди них – Институт земной коры, Институт систем энергетики им. Л.А. Мелентьева, Лимнологический и др. Консолидированная позиция академиков И.В. Бычкова, М.И. Кузьмина и научной общественности позволила избежать этого сценария. ФИЦ так и не был создан. В 2019 г. был организован Иркутский филиал СО РАН, который фактически выполняет функции прежнего президиума ИЦЦ.

В дореформенный период в составе Красноярского научного центра (КНЦ) действовали 5 институтов: Институт биофизики, Институт вычислительного моделирования, Институт леса им. В.Н. Сукачева, Институт физики им. Л.В. Киренского, Институт химии и химической технологии. В 2016 г. КНЦ был преобразован в ФИЦ «Красноярский научный центр СО РАН» в составе названных институтов СО РАН и ряда учреждений медицинского и сельскохозяйственного профиля с потерей статуса юридических лиц.

Институты Бурятского научного центра, среди которых уникальные по профилю исследований Институт монголоведения, буддологии и тибетологии, Институт общей и экспериментальной биологии, смогли избежать оптимизации и сохраняют свою самостоятельность в составе Минобрнауки.

В 2019 г. 6 институтов Якутского научного центра (среди них Институт космофизических исследований и аэронауки им. Ю.Г. Шафера, Институт горного дела Севера им. Н.В. Черского, Институт физико-технических проблем им. В.П. Ларионова) и институт сельскохозяйственного профиля объединены в ФИЦ «Якутский научный центр СО РАН». Институт мерзлотоведения им. П.И. Мельникова и Институт геологии алмаза и благородных металлов сохранили статус самостоятельных учреждений.

По мнению экспертов, польза от слияния институтов в ФИЦ может быть оправдана только тогда, когда необходима кооперация усилий для решения определенных проблем. Целесообразность такой кооперации продемонстрировали ФИЦ «Институт цитологии и генетики СО РАН» с возможностью проводить исследования практически по всем направлениям генетики; ФИЦ «Институт катализа им. Г.К. Борескова СО РАН», объединивший практику в области изучения катализаторов и каталитических технологий; ФИЦ угля и углехимии в Кузбассе как центр в области геологии, добычи и глубокой переработки угля; Томский национальный исследовательский медицинский центр РАН, замкнувший в единый цикл вопросы фундаментальной и практической медицины.

Таким образом, в научных центрах Сибири после реформы 2013 г. произошли существенные изменения. Во-первых, все институты из РАН, РАМН и РАСХН были переданы сначала в ФАНО, а затем в

Минобрнауки. Во-вторых, научному сообществу пришлось действовать в условиях оптимизации сети учреждений. Курс на создание ФИЦ существенно изменил организационную основу академической науки. Всего в научных центрах Сибири после реформы 2013 г. было создано 12 ФИЦ. В начале 2022 г. в 84 научных организациях (включая 12 ФИЦ), находящихся под научно-методическим руководством ФГБУ СО РАН, работают свыше 31 тыс. чел., в том числе 11,2 тыс. научных сотрудников³.

Сегодня актуальным остается вопрос управления академической наукой. РАН пытается выполнять свою координирующую функцию через специализированные отделения и научные советы, Сибирское отделение – через объединенные ученые советы и научные советы⁴. Исторический опыт Сибирского отделения не утратил своего значения, а совокупный потенциал, наработанный учреждениями науки за 65 лет деятельности, во всей полноте еще предстоит оценить специалистам. Очевидно, что этот потенциал изменил облик Сибири. Системное изучение производительных сил и стратегически важных для страны природных ресурсов, фундаментальные научные результаты мирового уровня, выдающиеся научные школы – все эти достижения в регионе были бы невозможны без ученых СО РАН.

СТАНОВЛЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ БИБЛИОТЕЧНО-ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАУКИ

Формирование библиотек научных учреждений в Сибирско-Дальневосточном регионе началось задолго до создания Сибирского отделения Академии наук. В 1924 г. была создана библиотека уже упоминаемого нами Бурят-Монгольского ученого комитета (в настоящее время Центральная научная библиотека Бурятского научного центра СО РАН), в 1932 г. во Владивостоке была открыта Научная библиотека Дальневосточного филиала АН СССР (ныне Центральная научная библиотека ДВО РАН), стали функционировать библиотеки НИИ. В Якутии в 1935 г. в Институте языка и культуры начали формировать книжные коллекции, которые в 1949 г. были положены в основу библиотеки Якутского филиала АН

³ О работе в 2021 г. Сибирского отделения РАН и организаций, подведомственных Минобрнауки России и находящихся под научно-методическим руководством СО РАН, и о задачах на 2022 г.: доклад председателя Сибирского отделения РАН академика В.Н. Пармона на Общем собрании СО РАН 30 марта 2022 г. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2022. 107 с.

⁴ О научно-организационной деятельности Сибирского отделения РАН в 2021 г.: доклад главного ученого секретаря Сибирского отделения РАН академика Д.М. Марковича на Общем собрании СО РАН 30 марта 2022 г. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2022. 76 с.

СССР, а библиотека получила название – Библиотека Якутского филиала АН СССР (сейчас Центральная научная библиотека Якутского научного центра СО РАН) [Артемьева, 2012, с. 280].

В 1943 г. при организованном Западно-Сибирском филиале АН СССР (ЗСФАН) с центром в Новосибирске была открыта Библиотека ЗСФАН. В 1949 г. в Иркутске при Восточно-Сибирском филиале АН СССР (ВСФАН) также была создана Библиотека (сейчас это Центральная научная библиотека Иркутского научного центра СО РАН) [Кустова, 2020]. Главным источником их комплектования являлся сектор сети специальных библиотек АН СССР, в библиотеки поступала литература из дублетных фондов Библиотеки Академии наук (БАН).

Библиотека ЗСФАН в Новосибирске проработала с 1944 г. по июль 1956 г. В августе 1956 г. Президиумом АН СССР было принято постановление «Об организации Восточного отделения Библиотеки АН СССР» (ВОБАН) на базе Библиотеки ЗСФАН для обслуживания Уральского, Западно-Сибирского, Восточно-Сибирского, Якутского и Дальневосточного филиалов АН СССР. Комплектование фондов и методическое обеспечение ВОБАН возлагалось по-прежнему на сектор сети специальных библиотек АН СССР.

С созданием Сибирского отделения АН СССР в 1957 г. систему библиотечного обслуживания необходимо было приспособить к информационным потребностям специалистов развивающихся научных учреждений. Восточное отделение БАН, в функции которого включалось централизованное комплектование библиотек создававшихся академических учреждений, организация сводных каталогов, проведение библиографической и методической работы, должно было стать центральной библиотекой СО АН СССР и осуществлять библиотечное обслуживание ученых. Отделение стало получать бесплатный обязательный экземпляр печатной продукции, ему были даны права книгообмена как внутри страны, так и за рубежом. Но ВОБАН, подчиненное Библиотеке АН, не имело опыта методической работы и достаточного книжного фонда, отвечавшего растущим потребностям специалистов. Для развивающихся учреждений науки необходима была крупная универсальная научная библиотека, которой стала организованная в 1958 г. в Новосибирске Государственная публичная научно-техническая библиотека СО АН СССР (ГПНТБ СО АН). Ее основой явились фонды, переданные из Государственной научной библиотеки Министерства высшего образования СССР, расположенной в Москве [Посадсков, 2008]. ГПНТБ СО АН СССР была определена центральной библиотекой Сибирского отделения АН СССР, а Восточное отделение БАН 1 декабря 1960 г. было включено в состав

ГПНТБ СО АН СССР [Артемьева, Подкорытова, 2021].

ГПНТБ СО АН развивалась и как крупнейшая научная многоотраслевая библиотека, обеспечивавшая информационные потребности специалистов науки, промышленности и высшего образования, и как научно-информационный центр в области естественных, технических и гуманитарных наук, и как научно-исследовательский институт в области библиотекосведения, библиографоведения, книговедения.

С 1958 г. развитие библиотечной сети академических научных учреждений происходило под методическим руководством ГПНТБ СО АН: в 1959–1964 гг. была создана централизованная библиотечная система (ЦБС), включающая библиотеки Новосибирска, Улан-Удэ, Иркутска, Якутска, Красноярска, Томска [Дергилева, 2009], было организовано комплектование всех академических библиотек региона на основе централизованного финансирования через ГПНТБ СО АН, к которой перешли функции по обеспечению библиотек литературой, принадлежавшие прежде сектору сети специальных библиотек АН СССР. Впоследствии библиотека станет региональным центром МБА и депозитарного хранения документов. Библиотеки начнут осуществлять совместные проекты в области подготовки текущих и ретроспективных библиографических указателей, научно-исследовательской и методической работы, повышения квалификации сотрудников, подготовки научных кадров в аспирантуре, издательской деятельности [Артемьева, Подкорытова, 2021, с. 39].

Деятельность библиотек, объединенных в ЦБС СО АН, изначально была ориентирована на оперативное обслуживание ученых, обеспечение их актуальной информацией для выполнения фундаментальных научных исследований, государственных программ. ЦБС, действовавшая во главе с ГПНТБ СО АН СССР, быстро росла: в 1981 г. она насчитывала 43 библиотеки, в 1991 г. – 50 научных библиотек, на рубеже XX–XXI вв. – 66 [Дергилева, 2003, с. 34]. К 2012 г. библиотек стало 70, функционирующих в 9 научных центрах. В настоящее время объединение библиотек СО РАН – самое большое среди библиотечных систем РАН. Оно включает 99 библиотечно-информационных структур: 63 библиотеки и 9 подразделений учреждений науки, входивших в СО РАН изначально, которые выполняют исследования в области естественных, технических, гуманитарных и общественных наук (до реформы РАН), а также 15 библиотек учреждений медицинского профиля и 12 библиотек комплексных научных учреждений по направлению «Сельскохозяйственные науки», которые с 2014–2017 гг. стали функционировать под научно-методическим руководством СО РАН. Вошла в состав ГПНТБ СО РАН на правах филиала и крупнейшая от-

раслевая библиотека – Сибирская научная сельскохозяйственная библиотека [Артемьева, Каленов, Трескова, 2021, с. 10–11].

Однако в связи с реформой РАН 2013 г. концепция единого информационного обеспечения библиотеками научных исследований в РАН, в том числе в СО РАН, была разрушена: центральные научные библиотеки РАН, а в Сибирском отделении – это ГПНТБ СО РАН – продолжают координировать деятельность академических библиотек в рамках сложившихся систем, выполняя информационно-методические и консультационные функции. Но изменение модели управления РАН негативно отразилось на развитии ЦБС – отмена централизованного комплектования научных библиотек пагубно повлияла на полноту фондов и сохранность научного контента как в бумажном, так и в электронном формате [Подкорытова, Босина, Третьяков, 2019; Артемьева, Подкорытова, 2021, с. 41–42].

В условиях дезинтеграции связей библиотек учреждений СО РАН значение ГПНТБ СО РАН трансформируется в направлении снижения ее значимости как центральной библиотеки системы, хотя она продолжает оставаться гарантом обеспечения наибольшей полноты фонда научных документов в разных форматах и может обеспечить сохранность коллекций научных публикаций, предоставить удаленный доступ к ресурсам всем заинтересованным пользователям, организовать отбор, описание и структурирование научных ресурсов открытого доступа. Кроме сохранения функций страхового ресурсного центра для библиотек СО РАН, ГПНТБ СО РАН продолжает являться собирателем и хранителем национального документопотока во всех форматах, отражающего интеллектуальное развитие общества, участником создания научно-образовательного и культурного контекста Сибири [Артемьева, Подкорытова, 2021, с. 44–45]. И эти направления ее деятельности, с нашей точки зрения, должны развиваться в дальнейшем. Также ГПНТБ СО РАН должна сохранить функции по информационно-методическому обеспечению деятельности библиотек СО РАН, осуществляющих информационное сопровождение научных исследований.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ НАУЧНО-ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СО РАН

Создание СО АН СССР диктовало необходимость формирования новой научно-издательской инфраструктуры, отвечающей масштабам решаемых задач. Существовавшая до середины 1950-х гг. издательская практика восточных филиалов АН СССР демонстрировала ограниченные возможности для публикации научных трудов. За шесть лет, предшествовавших созданию Сибирского отделения, было опубликовано лишь 22 работы ... Научные труды из-

давались, главным образом, в местных, не приспособленных для печатания научной литературы типографиях, на низком полиграфическом уровне при крайне слабой редакционной подготовке⁵. Выпускавшийся с 1957 г. журнал «Известия восточных филиалов Академии наук СССР» был органом Совета по координации научной деятельности академий наук союзных республик и филиалов. Главным редактором являлся руководитель этого Совета А.И. Горбанев, заместителем главного редактора – председатель Президиума Западно-Сибирского филиала АН СССР Т.Ф. Горбачев. Редакция в составе 8 чел. работала при Президиуме ЗСФАН в Новосибирске.

Понимая, что такой уровень научно-издательской деятельности не отвечает замыслам развития региональной науки, организаторы СО АН во главе с академиком М.А. Лаврентьевым развернули активную работу по созданию в Новосибирске издательства с собственной полиграфической базой по типу Ленинградского филиала Издательства АН СССР или академических издательств союзных республик [Лютов, 2013]. В декабре 1957 г. было получено одобрение Президиума АН СССР с решением «просить директивные органы разрешить организовать в г. Новосибирске Издательство Сибирского отделения АН СССР с типографией»⁶. В письме Президиума АН СССР в Центральный Комитет (ЦК) КПСС от 12 декабря 1957 г. отмечалось, что «институты отделения уже сейчас ведут большую научно-исследовательскую работу. Однако публикация результатов исследований не обеспечена, так как Отделение не имеет своего издательства и типографии ... Центральное издательство Академии наук СССР в Москве не в состоянии обеспечить выпуск научной литературы СО АН СССР вследствие отдаленности сибирских научных центров и отсутствия резервов типографской базы»⁷.

Выявленные документы подтверждают, что инициатива организаторов академического центра в Сибири находила поддержку в Президиуме АН СССР, но весьма сложным оказалось рассмотрение этих вопросов в ЦК КПСС [Лютов, 2011]. Прохождение документов затянулось на полгода, а на заседании ЦК 20 июля 1958 г. этот вопрос был снят с обсуждения. Повторное письмо в ЦК от 7 декабря 1958 г. за подписью президента АН СССР, академика А.Н. Несмеянова, в котором он просил решить вопрос об организации издательства до окончательного утверждения плана финансирования СО АН СССР на 1959 г., не возымело воздействия, и работы по организации издательства и типографии не получили финансирования. В итоге Президиум Сибирского отделения

⁵ Научный архив СО РАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 20. Л. 8, 47.

⁶ Там же. Д. 3. Л. 158.

⁷ Там же. Д.20. Л. 5–6.

вынужден был ограничиться созданием в 1958 г. редакционно-издательского совета (РИСО), а функции издательства выполнял редакционно-издательский отдел.

Реально оценивая трудности, руководство Сибирского отделения сконцентрировало усилия на создании научных журналов. «Известия восточных филиалов Академии наук СССР» претерпели изменения и по названию, и по составу редколлегии, и по направлениям работы. 13 декабря 1957 г. Ученый совет СО АН, рассмотрев эти вопросы, назначил академика С.Л. Соболева главным редактором журнала «Известия Сибирского отделения АН СССР» и утвердил новый состав редакционной коллегии⁸.

План 1958 г. по выпуску «Известий Сибирского отделения АН СССР» был перевыполнен за счет выпуска дополнительного номера. Однако, несмотря на перевыполнение плана, обозначились серьезные проблемы. Новосибирская областная типография, в которой печатался журнал, систематически срывала сроки выхода очередных номеров. Тираж журнала – 1200 экз. – оставался критически малым. Возможность увеличения тиража усматривалась в разделении журнала на отдельные серии, но руководство отделения понимало, что разделение «Известий ...» на несколько серий затруднит решение вопросов об организации новых журналов. Поэтому уже на первом заседании Президиума СО АН СССР 17 мая 1958 г. в повестке дня стоял вопрос об организации научных журналов, рассматривалась возможность издания с 1959 г. 9 новых журналов по различным отраслям науки⁹.

В процессе согласований количество журналов сократилось до 6, но сложный процесс прохождения документов в центральных академических и партийных структурах занял более полутора лет, и лишь благодаря настойчивости руководителей Сибирского отделения удалось добиться разрешения на выпуск с 1960 г. 5 журналов: «Геология и геофизика», «Сибирский математический журнал», «Журнал прикладной механики и технической физики», «Кинетика и катализ», «Структурная химия».

Первые выпуски журналов в 1960 г. заявили научной общественности о направлениях деятельности сибирских ученых, а состав редколлегии демонстрировал авторитетность в соответствующей отрасли науки. Подбор авторов и тематика статей показывали широкие возможности для сотрудничества академических институтов с вузами и ведомственными научными учреждениями в развитии перспективных направлений.

Положительная динамика наметилась и в выпуске книжных изданий. Согласно плану изданий на 1960 г., для выпуска в Издательстве АН СССР планировалось 44 работы и 78 работ для редакционной подготовки. В местных издательствах намечалось к выпуску 84 работы и на редакционную подготовку 197 работ¹⁰. По сути, это был первый сбалансированный план редакционно-издательской деятельности, не только отражавший результаты целенаправленной работы руководителей СО АН СССР и его первых институтов по созданию региональной научно-издательской системы, но и определявший перспективы ее дальнейшего совершенствования.

Следующий этап развития научно-издательской деятельности связан с организацией в 1963 г. Издательства «Наука». Здесь также проявилась прозрачность руководства СО АН СССР, выступившего с инициативой о целесообразности преобразования Редакционно-издательского отдела СО АН СССР в Сибирское отделение Издательства «Наука»¹¹. Данная инициатива руководителей Сибирского отделения подтверждает изначальное их стремление иметь в Сибири крупное научное издательство. Президиум АН СССР инициативу поддержал, но итоговое решение указывает на то, что руководство академии не разделяло стремления сибирских коллег к автономии в сфере научно-издательской деятельности. В Постановлении Президиума АН СССР от 19 сентября 1964 г. об организации с января 1965 г. Сибирского отделения Издательства «Наука» отмечалось, что тематические планы отделения по редакционной подготовке и выпуску литературы включались в сводный план только после утверждения РИСО АН СССР. Сбор заказов книготорговых организаций осуществлялся также через центральный аппарат Издательства «Наука». В итоге региональное академическое издательство в форме отделения было организовано, но добиться желаемого влияния на его деятельность руководству СО АН СССР не удалось. Значимым моментом в данной ситуации было то, что директором Сибирского отделения Издательства «Наука» был назначен Б.Н. Фалалеев, уже работавший до назначения руководителем Редакционно-издательского отдела и остававшийся членом Бюро Редакционно-издательского совета СО АН СССР. Став директором Сибирского отделения Издательства «Наука», он очень эффективно трудился до 1977 г. в интересах развития научно-издательской деятельности в регионе. За это время Сибирское отделение Издательства «Наука» развилось в полноценный научно-издательский центр, в составе которого работали 5 книжных ре-

⁸ Научный архив СО РАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1. Л. 158.

⁹ Там же. Ф. 10. Оп. 3. Д. 8. Л. 80.

¹⁰ Там же. Д. 35. Л. 93–94.

¹¹ Там же. Д. 348. Л. 249.

дакций и 6 редакций журналов¹². Наряду с руководством Сибирским отделением Издательства «Наука» Б.Н. Фалалеев был назначен «на общественных началах» директором строящейся в Новосибирске академической типографии. Но несмотря на усилия руководителей Сибирского отделения оставить типографию на балансе отделения, она была передана в подчинение Издательству «Наука», выполняя полиграфические услуги в интересах Сибирского отделения [Лютов, Панченко, 2014].

Расширение научных исследований в сибирских академических институтах настоятельно требовало оперативного представления научной информации и обмена ею в новых отраслях науки, апробации результатов на страницах научной периодики. В 1963 г. руководство Сибирского отделения сочло возможным разделить журнал «Известия Сибирского отделения АН СССР» на четыре серии: «Общественные науки», «Технические науки», «Биолого-медицинские науки», «Химическая» и добилось создания трех новых журналов: «Автометрия», «Научно-технические проблемы горения и взрыва», «Физико-технические проблемы разработки полезных ископаемых», выпуск которых начался с 1965 г. К 1967 г. Сибирское отделение издавало 9 журналов, общее количество номеров которых возросло с 12 в 1957 г. до 67 в 1967 г. Ежегодные показатели выпуска книг за эти годы увеличились более чем в 4 раза¹³.

Таким образом, 1960-е гг. стали важным этапом в развитии научно-издательской деятельности в сибирских академических структурах. Руководство СО АН СССР, понимая, что в административных схемах тех лет не удастся реализовать первоначальные идеи о создании собственного издательства и типографии, проявило определенную гибкость в сотрудничестве с Сибирским отделением Издательства «Наука», последовательно наращивая в 1970–1980-е гг. выпуск научных журналов и книг.

Последнее десятилетие XX в. стало временем экспериментов в целях поиска оптимальных вариантов развития научно-издательской деятельности в условиях масштабных преобразований в стране и в Академии наук [Лютов С.Н., Панченко А.М., Альшевская О.Н., 2014]. Прежняя схема сотрудничества с Сибирским отделением Издательства «Наука» не выдержала испытаний из-за финансовых трудностей, и руководство СО РАН во главе с академиком В.А. Коптюгом в очередной раз вернулось к идее собственного издательства и приняло ряд мер по его созданию. Первоначально, в марте 1994 г., вопрос рас-

сматривался об организации издательства для выпуска малотиражных научных монографий и журналов на базе полиграфического участка Управления делами СО РАН, но более детальная оценка ситуации подвела к тому, что Постановлением Президиума СО РАН № 183 от 14 июля 1994 г. было закреплено решение о создании Издательства СО РАН с утверждением Устава и оформлением лицензии. В декабре 1994 г. последовало решение Президиума СО РАН о выделении созданному издательству бюджетного финансирования и согласовании с директором Сибирской издательской фирмы «Наука» о переводе сотрудников журнальных редакций в Издательство СО РАН с 1 января 1995 г.¹⁴

Анализ реализованных мер позволяет констатировать, что в течение 1994 г. удалось создать самостоятельное Издательство СО РАН и заложить основы для дальнейшего развития научно-издательской деятельности, преодолев зависимость от Издательства «Наука». Подводя итоги проделанной работы, Президиум СО РАН отметил, что с 1995 г. в Сибирском отделении функционирует собственное издательство, в структуру которого вошли 7 редакций научных журналов. Уровень полиграфического исполнения первых номеров журналов является достаточно высоким; стоимость примерно в 2 раза ниже, чем в Сибирской издательской фирме «Наука»¹⁵.

В последующие годы научно-издательская практика расширялась, появилась форма ассоциированного издательства, что дало возможность укрепить издательским подразделениям научных институтов и территориальным филиалам издательства в Якутии и Бурятии, ставших после 2006 г. самостоятельными организациями. В 2021 г. в связи с решением Правительства РФ о ликвидации унитарных предприятий Издательство СО РАН было преобразовано в Управление научно-издательской деятельности Сибирского отделения РАН, сохранив свои функции и задачи.

Таким образом, история становления и развития научно-издательской деятельности СО РАН демонстрирует интересные особенности, указывающие, с одной стороны, на целенаправленную работу по созданию региональной издательской структуры, отвечающей требованиям Академии наук, с другой – на гибкость подходов руководства Сибирского отделения к реализации замысла создания собственного издательства и достижению определенной самостоятельности в выпуске научных изданий.

¹⁴ Постановление Президиума СО РАН 30.12.1994 г. № 309 «Об издательстве Сибирского отделения РАН» // Текущий архив Президиума СО РАН.

¹⁵ Постановление Президиума СО РАН 24.02.1994 г. № 49 «О совершенствовании издательской деятельности СО РАН» // Текущий архив Президиума СО РАН.

¹² Научный архив СО РАН. Ф. 10. Оп. 3. Д. 1008. Л. 147–148.

¹³ Информация об издательской деятельности Сибирского отделения Академии наук СССР (1957–1967). Новосибирск, 1968. 8 с.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

65-летний юбилей Сибирского отделения РАН демонстрирует новые успехи и достижения ученых, значимость которых не всегда позволяет обратить внимание на отдельные слагаемые этих результатов. Предпринятый в статье комплексный анализ структурных преобразований, осуществлявшихся в разные годы в СО РАН, и адаптация информационного обеспечения научных исследований к меняющимся условиям подтверждают, что руководители Отделения и научных учреждений проводили гибкую политику с учетом интересов и особенностей развития науки в регионе. Сложившаяся за эти годы система информационного обеспечения научных исследований отвечает требованиям времени и вносит свой вклад в достижения сибирской науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Артемьева Е.Б., Каленов Н.Е., Трескова П.П. К вопросу о создании методического объединения центральных библиотек Российской академии наук // Информационные ресурсы России. 2021. № 5. С. 7–16. DOI: 10.52815/0204-3653_2021_05183_7.
- Артемьева Е.Б., Подкорытова Н.И. История становления библиотек Российской академии наук в Сибирско-Дальневосточном регионе // Труды ГПНТБ СО РАН. 2021. № 2. С. 36–53. DOI: <https://doi.org/10.20913/2618-7575-2021-1-36-53>.
- Артемьева Е.Б. Эволюция библиотечной сети Сибири и Дальнего Востока в условиях культурно-исторических и социальных трансформаций (XVII–XX вв.). Новосибирск, 2012. 424 с.
- Дергилева Т.В. Формирование и развитие информационно-библиотечной системы Российской академии наук (организационно-методический аспект). Новосибирск, 2003. 128 с.
- Дергилева Т.В. Становление структуры и деятельности ЦБС Сибирского отделения РАН // Библиосфера. 2009. № 2. С. 33–37.
- Куперитох Н.А. Шесть десятилетий академической науки Сибири: СО АН СССР в советский период // История науки и техники. 2017а. № 2. С. 3–14.
- Куперитох Н.А. Шесть десятилетий академической науки Сибири: СО РАН в эпоху перемен // История науки и техники. 2017б. № 4. С. 3–14.
- Куперитох Н.А. Реформа РАН 2013 г. и ее последствия для региональных научных центров (на примере Сибирского отделения РАН) // Управление наукой: теория и практика. 2020. Т. 2, № 1. С. 54–68. DOI: 10.19181/smp.2020.2.1.3.
- Кустова Е.М. 70 лет Центральной научной библиотеке Иркутского научного центра СО РАН // Труды ГПНТБ СО РАН. 2020. № 1. С. 98–105. DOI: <https://doi.org/10.20913/2618-7515-2020-1-98-105>.
- Лютов С.Н. Организация академического издательства в Сибири. Документальные страницы истории (1957–1958 гг.) // Библиосфера. 2011. № 4. С. 37–44.
- Лютов С.Н. Создание центра научного книгоиздания в Сибири в контексте системной реорганизации академической науки (1957–1962 гг.) // Труды ГПНТБ СО РАН. Новосибирск, 2013. Вып. 3. С. 133–140.
- Лютов С.Н., Панченко А.М. Создание полиграфической базы для академического книгоиздания в Сибири (1957–1971 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 3. С. 52–56.
- Лютов С.Н., Панченко А.М., Альшевская О.Н. Реорганизация сибирских подразделений Издательства «Наука» в 1990-е годы: эксперименты и проблемы выживания // Библиосфера. 2014. № 4. С. 65–71.

Подкорытова Н.И., Босина Л.В., Третьяков Д.А. Научная монография в академической библиотеке – в поисках источников комплектования // Вестн. культуры и искусств. 2019. № 1 (57). С. 25–32.

Посадсков А.Л. Государственная научная библиотека – предшественница ГПНТБ СО РАН: краткий очерк истории (1918–1958) // Библиосфера. 2008. № 3. С. 3–13.

REFERENCES

- Artemyeva E.B., Kalenov N.E., Treskova P.P. (2021). On the issue of creating a methodological association of central libraries of the Russian Academy of Sciences. *Informatsionnye resursy Rossii*. No. 5, pp. 7–16. DOI: 10.52815/0204-3653_2021_05183_7. (In Russ.)
- Artemyeva E.B., Podkorytova N.I. (2021). The history of forming libraries of the Russian Academy of Sciences in the Siberian–Far Eastern region. *Trudy GPNTB SO RAN*. No. 2, pp. 36–53. URL: <https://doi.org/10.20913/2618-7575-2021-1-36-53>. (In Russ.)
- Artemyeva E.B. (2012). The evolution of the library network of Siberia and the Far East in the context of cultural, historical and social transformations (XVII–XX centuries). Novosibirsk, 424 p. (In Russ.)
- Dergileva T.V. (2003). Formation and development of the information and library system of the Russian Academy of Sciences (organizational and methodological aspect). Novosibirsk, 128 p. (In Russ.)
- Dergileva T.V. (2009). Developing the structure and activity of the centralized library system of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. *Bibliosfera*. No. 2, pp. 33–37. (In Russ.)
- Kupershtokh N.A. (2017a). Six decades of the academic science in Siberia: USSR SB AS in the Soviet period. *Istoriya nauki i tekhniki*. No. 2, pp. 3–14. (In Russ.)
- Kupershtokh N.A. (2017b). Six decades of academic science in Siberia: SB RAS in the era of change. *Istoriya nauki i tekhniki*. No. 4, pp. 3–14. (In Russ.)
- Kupershtokh N.A. (2020). Reform of the Russian Academy of Sciences in 2013 and its consequences for regional scientific centers (a case of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences). *Upravlenie naukoj: teoriya i praktika*. Vol. 2, no. 1, pp. 54–68. DOI: 10.19181/smp.2020.2.1.3. (In Russ.)
- Kustova E.M. (2020). 70 years of the Central Scientific Library of Irkutsk Scientific Center SB RAS. *Trudy GPNTB SO RAN*. No. 1, pp. 98–105. DOI: <https://doi.org/10.20913/2618-7515-2020-1-98-105>. (In Russ.)
- Lyutov S.N. (2011). Organization of academic publishing house in Siberia. Documentary pages of history (1957–1958). *Bibliosfera*. No. 4, pp. 37–44. (In Russ.)
- Lyutov S.N. (2013). Creating the Center for scientific book publishing in Siberia in the context of the academic science systemic reorganization (1957–1962). *Trudy GPNTB SO RAN*. Iss. 3, pp. 133–140. (In Russ.)
- Lyutov S.N., Panchenko A.M. (2014). Creation of a printing base for academic book publishing in Siberia (1957–1971). *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. No. 3, pp. 52–56. (In Russ.)
- Lyutov S.N., Panchenko A.M., Alshevskaya O.N. (2014). Reorganization of Siberian branches of Publishing House “Nauka” in the 1990s: experiments and problems of survival. *Bibliosfera*. No. 4, pp. 65–71. (In Russ.)
- Podkorytova N.I., Bosina L.V., Tret'yakov D.A. (2019). Scientific monograph in the academic library – in search of acquisition sources. *Vestnik kul'tury i iskusstv*. No. 1, pp. 25–32. (In Russ.)
- Posadskov A.L. (2008). The State Scientific Library – the predecessor of the State Scientific Library of the SB RAS: a brief outline of history (1918–1958). *Bibliosfera*. No. 3, pp. 3–13. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 30.06.2022

Дата рецензирования 07.07.2022

Статья принята к публикации 21.07.2022

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.15372/HSS20220313
УДК 930.2(470+571)“1900/1950”

А.Н. КАБАЦКОВ

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЭГО-ДОКУМЕНТЫ: МЕЖИСТОЧНИКОВЫЕ ДИАЛОГИ О РОССИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX в. В ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОМ КОНТЕКСТЕ» (Екатеринбург, 14–17 сентября 2021 г.)¹

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
РФ, 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Статья посвящена итогам научной конференции, на которой обсуждались проблемы работы с эго-документами. Работа конференции включала просветительский и научный блоки. На базе Ельцин-центра в Екатеринбурге прошла серия мероприятий, рассчитанных на широкую аудиторию старшеклассников, студентов и преподавателей екатеринбургских вузов. Научная программа, организованная в лектории Синара центра, состояла из шести сессий. Научная дискуссия, развернувшаяся на основе прозвучавших докладов, касалась вопросов методологии, источниковедения и согласования историко-литературных традиций при изучении обширного круга источников, объединенных общим концептом «эго-документы».

Ключевые слова: Россия, первая половина XX в., эго-документы, научная конференция, междисциплинарные исследования, историческая наука.

A.N. KABATSKOV

«EGO-DOCUMENTS: INTER-SOURCE DIALOGUES ABOUT RUSSIA IN THE FIRST HALF OF THE 20TH CENTURY IN A HISTORICAL AND LITERARY CONTEXT» (Scientific conference, Yekaterinburg September 14–17, 2021)

Perm State National Research University,
15, Bukireva str., Perm, 614990, Russian Federation

The article is devoted to the results of a scientific conference at which the problems of working with ego-documents were discussed. The work of the conference included an educational and scientific block. On the basis of the Yeltsin Center in Yekaterinburg, a series of events was held, designed for a wide audience of high school students, students and teachers of Yekaterinburg universities. The scientific program, organized at the Sinara Center's lecture hall, consisted of six sessions. The scientific discussion, which developed on the basis of the reports sounded, included a discussion of the issues of methodology, source study and harmonization of historical and literary traditions in the study of a wide range of sources united by the common concept of “ego-documents”.

Key words: Russia in the first half of the XX century, ego-documents, scientific conference, interdisciplinary research, historical science.

¹ Конференция проводилась в рамках проекта РНФ № 19-18-00221 «Эго-документы: межисточниковые диалоги о России первой половины XX века в историко-литературном контексте»

Кабацков Андрей Николаевич – канд. ист. наук, доцент, кафедра Журналистики и массовых коммуникаций Пермский государственный национальный исследовательский университет, e-mail: afsnik@gmail.com <https://orcid.org/0000-0002-9119-3930>.

Kabatkov Andrei Nikolaevich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Journalism and Mass Communications, Perm State National Research University, e-mail: afsnik@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-9119-3930>.

ВВЕДЕНИЕ

С 14 по 17 сентября 2021 г. в Екатеринбурге на базе лаборатории междисциплинарных гуманитарных исследований Института истории и археологии УрО РАН работала научная конференция, посвященная проблемам, связанным с эго-документами. По замыслу организаторов, дискуссия была нацелена на обсуждение вариативных связей между различными текстами. Жизненные истории в самых разных форматах, в которых обнаруживается личность автора, а также и другие сюжеты из обширного исследовательского поля привлекли внимание исследователей из разных научных центров: Уральского федерального университета, Высшей школы экономики, УрО РАН, Новосибирского государственного университета, университета Тампере, Европейского университета и др.

Напряженная работа дала результат – в режиме очных выступлений встретились представители самых разных вузов и научных школ. Живость непосредственного общения, оригинальные и интересные доклады, возможность высказаться способствовали продуктивной дискуссии участники конференции.

ОТ МЕТОДОЛОГИИ К ИСТОЧНИКУ

Тематическое распределение докладов по шести проблемно-тематическим сессиям задавало ритм и характер обсуждений: от историографии и методологических вопросов к оригинальным исследовательским кейсам и обобщениям накопленного опыта работы с документами личного происхождения.

Научная конференция открылась выступлением Юрия Зарецкого (НИУ ВШЭ). Он поставил вопрос о месте дискуссии об эго-документах в социально-гуманитарных науках и методологических подходах к их изучению. По мнению докладчика, методологической основой работы с источниками личного происхождения могут стать идеи немецких ученых о помещении «рассказов о себе» в контекст культуры исторической эпохи. В таком случае эго-документ выполняет функцию коммуникации автора текста с другими людьми – и адресатами, и современниками.

Предложенный коммуникативный подход к пониманию источника побуждает историка оценить его в новом качестве. Эго-документ превращается в источник информации о времени, в котором писали авторы текста. Юрий Зарецкий подчеркнул, что для работы с такого рода источником требуется объединить несколько исследовательских подходов, сочетать технику микроисторического анализа с учетом исторических обстоятельств появления и бытования данного текста в пространстве и времени. Эго-документ полностью раскроет себя в качестве источника тогда, когда микро-, мезо- и макроуровни объединятся в единое историческое целое. В результате автобиогра-

фичные тексты станут понятны как социальные поступки, а авторы предстанут как общественные акторы, «действующие внутри определенных социальных контекстов и связей».

Юрий Зарецкий предложил использовать указанную методологию Г. Янке для изучения и анализа автобиографических текстов советских людей. Такой подход позволит лучше понять советских людей и общество, в котором они жили. Реконструкция коммуникативных ситуаций, в которых создавались дневники, автобиографии, мемуары и письма, позволит исследователю услышать и понять их голоса. В таком случае, подчеркнул докладчик, получится разговор не о едином «советском субъекте», а о «советских субъективностях», и эго-документы можно будет понять как «субъективирующие практики, в той или иной мере связанные с отношением граждан СССР к нормативному субъекту строителя коммунизма, провозглашенному официальной идеологией».

Олег Лейбович (Институт истории и археологии УрО РАН) объединил методологическую дискуссию с анализом конкретных исторических кейсов. Он представил доклад, в котором на примере анализа партийных автобиографий 1920–1930-х гг. продемонстрировал продуктивность сочетания методов микроистории и концептуального обобщения.

Первоначально партийные автобиографии напоминали творческий проект, и автор, работая над историей собственной жизни, согласовывал ее с актуальной политической повесткой. Полученный в итоге «казенный» по форме текст становился результатом работы «над собой», выполненной в жанре исторической реконструкции. «Правдиво и достоверно» рассказывая о себе партийному руководству, начальству, воображаемому читателю текста, автор биографического текста заключал конвенцию с адресатом о темах, сюжетах, логике повествования, встраивался в существующий политический дискурс, проявлял свое «партийное Я» на материале собственного прошлого. Автобиография приобретала все основные черты социальной практики, анализ которой позволяет историку получить дополнительную информацию о том, как выстраивались социальные иерархии, как функционировала властная система, какие образы настоящего, прошлого и будущего создавали палитру и определяли горизонты социального воображения.

По мнению Олега Лейбовича, вплоть до репрессий 1930-х гг., в партийных автобиографиях сохранялись характерные черты авторского текста, позволяющие историку найти в казенных документах ценную информацию о культурных установках людей, их взглядах на социальный порядок и общественные иерархии и даже понять их эмоции и настроения.

Обсуждение проблемы методов и форм работы с источниками личного происхождения продолжила

Ирина Савельева (НИУ ВШЭ). Используя ресурс проекта «Прожито», она отобрала для анализа 62 дневника. Особо подчеркивалось, что в выборку не попали дневники известных людей. В корпусе анализируемых дневников, Ирина Савельева выделила три магистральные темы:

- бытовые сюжеты повседневной жизни, которые позволяли нормализовать ненормальный опыт;
- высокая рутинизация жизни, включающая готовность к смерти;

- упрощение «философии жизни», когда рассуждения полностью игнорировали пафоса газетных текстов, термины и формулы «большевистского языка».

К особым формам проживания «военных катастроф» Ирина Савельева отнесла контраст серых будней и небольших радостей, таких как походы в кино, или концерт приезжих артистов. Скудность эмоций в «военных дневниках» превращала рассказ о кино практически в праздник. Станным в дневниках фронтовиков выглядело игнорирование такой эмоции, как «страх».

В докладе обсуждались вопросы двойственности языка, смещения фраз из арсенала «большевистского языка» или литературных заимствований с языком повседневного общения. Исследователь высказала предположение об ограниченных возможностях лексики «большого нарратива», который оказался не способен поддержать автора в экстремальных обстоятельствах войны. Работа с дневниками показала серьезные расхождения дневникового текста и образов, шаблонов описания войны, предложенных властью. Дневники не только игнорировали пафос властного дискурса, они полностью меняли регистр описания практик экстремального опыта. Завершая доклад, Ирина Савельева выразила уверенность, что материалы дневников открывают новые возможности для историков, изучающих реальность военного времени.

Выступление Натальи Пушкаревой (Институт этнологии и антропологии РАН) расширило рамки дискуссии. Акцент был сделан на особых источниках – рисунках, сделанных японскими солдатами по мотивам пережитого в советском плену. Она предложила рассматривать такие рисунки в качестве самостоятельного источника, который выполнен в визуально-изобразительной манере. Источник был подвергнут развернутой критике. Предложенный ею анализ опирался на методологию гендерных исследований. Изучены были ситуации столкновения культурных стереотипов на медицинском осмотре, который проходили военнопленные, и в практике повседневной работы женщин-врачей, контактировавших с контингентом японских военнопленных. Реакции японских солдат на плен рассматривались в духе теорий коллективной травмы и культурного шока.

Мемуары и изотексты позволили Наталье Пушкаревой описать множество ситуаций межкультурного взаимодействия японских солдат и русских женщин-врачей, которые выходили за рамки официального нарратива о жизни военнопленных в плену. Наталья Пушкарева подчеркнула эвристический потенциал обращения к эго-документам для понимания прошлого.

В своем выступлении Игорь Нарский (ПГНИУ) объединил практики саморефлексии историка, занятого изучением авторских историй прошлого, со скрупулезным и дотошным анализом кейса, который можно назвать «случайной покупкой деревянной лошади с блошиного рынка». В докладе пересеклись несколько повествований. История «извлечения» информации из семейных архивов, ее атрибутирование и верификация – это аллюзия на тему работы современного историка с источниками, которые терминологически обозначаются термином «эго-документы». Документы личного происхождения всегда скрывают в себе личность их автора. Основной массив такого рода материалов хранят семейные архивы. В отличие от официальных хранилищ или самостоятельных артефактов-памятников прошлого, хранители архива могут помочь историку воссоздать впечатления о личности автора. Диалог историка с авторским «Я», который предусматривают эго-документы, заметно упростится.

Современная жизнь наполнена спонтанными коммуникациями. Встреча с «человеком из прошлого», представленная в истории «блошиного рынка», придает описанию характер спонтанного диалога, подчеркивает чувствительность историка, который должен быть постоянно готов к такому открытию в своей жизни, даже в типичных ситуациях повседневной рутины. Рассказывая о собственном опыте, Игорь Нарский, подчеркнул, что источник не принесет историку информацию сам по себе. От исследователя требуется особая работа, и только если он будет внимателен к источнику, обратит внимание на детали, нюансы и мелкие шероховатости текста, источник раскроет свое объемное историческое содержание. Для работы с эго-документами подобная исследовательская позиция выглядит особенно необходимой.

«СОВЕТСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ» ЗА ГРАНИЦАМИ ПУБЛИЧНОЙ ИСТОРИИ

Наталья Веселкова (УрФУ) проанализировала текст Агриппины Коревановой «Моя жизнь». Особый интерес вызывает личность автора. Кореванова не имела революционного прошлого, слабо владела пером. С ее текстом работали профессиональные журналисты. В итоге появилась книга, в которой пожилая женщина вписала с помощью литературных

обработчиков самое себя в большую советскую историю. В жизнеописаниях Коревановой много личного. Она позиционирует себя свидетелем великих событий и эпохальных свершений. В ее тексте доминирует классовая риторика, а сопоставление событий личной судьбы происходит с масштабными, наднациональными процессами мировой истории. По мнению Натальи Веселковой, именно эти специфические черты имеют особую ценность для современного историка.

Выступление Андрея Кабацкого (ПГНИУ) было посвящено лакунам в текстах личных дневников. В центре его внимания – поденные записи военных лет рабочего авиационного завода №19 им. Сталина Александра Ивановича Дмитриева. По мнению исследователя, в дневнике рабочего отразились характерные «культурные противоречия, разрывы и конвенции жизненных миров городских рабочих первой советской формации». Внимание было сконцентрировано на том, что пропущено в описаниях, то, что не артикулировалось автором дневника в рассказах о собственном жизненном мире.

Анализ позволил выделить три группы умолчаний:

– коллективные топосы заводской культуры. Они соответствовали естественному социальному порядку на советском предприятии. Общность норм и ценностей трудового коллектива понятна и автору дневника, и предполагаемому читателю;

– табуированные темы и сюжеты советской культуры, не предполагавшие обобщений и социальных типизаций. Рядовой советский человек не должен был видеть в отдельных проблемах системных недостатков;

– «маленькие хитрости», или игра словами, которая позволила уральскому рабочему манипулировать смыслами. Уголовно наказуемое деяние превращалось на страницах дневника в безобидную вольность и забаву.

Наталья Граматчикова (Институт истории и археологии УрО РАН) проследила, как влияла атмосфера индустриализации на производство литературных и эго-текстов. Для решения поставленных задач она сопоставила два типа источников, объединенных темой, но относящихся к разным периодам: художественные повести о заводе и городке 1930-х гг. и мемуары ветеранов завода, написанные в 1960–1980 гг. Строительство завода символизировало рождение новой жизненной реальности. Литературные тексты заметнее ориентированы на решение политической задачи, а сюжетные линии, портреты героев, описание жизненных ситуаций согласованы с идеологией индустриализации: «рождения нового человека труда, нового отношения к орудиям производства и са-

мому заводу». Фотографические зарисовки выполняли служебную функцию.

В сделанных выводах подмечено, что в мемуарах заводчан текст формировался спонтанно, вбирая заимствования из художественных текстов, кино, прямые и пересказанные цитаты из газет. При этом авторы «не замечают расхождений собственного опыта и позиций, транслируемых официальным дискурсом». В то же время прямых конфликтов двух видов текстов не наблюдалось.

МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК НА ФОНЕ «БОЛЬШОЙ ИСТОРИИ»: ФОРМЫ И ЯЗЫКИ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

Ирина Савкина (Университет Тампере) обратила внимание на проблему конструирования «Я» в дневниковом нарративе. Для решения исследовательской задачи она выбрала дневник Георгия Эфрона – сына «великой русской поэтессы Марины Ивановны Цветаевой и Сергея Яковлевича Эфрона».

Дистанцируясь от матери, Георгий Эфрон выстраивал символические различия между собой и кругом литераторов, к которому принадлежала Марина Цветаева. В то же время в довоенных тетрадях привлекают внимание активные усилия автора обратиться к советскому обществу, советским людям в качестве значимого «МЫ». Создание советского «МЫ» происходило на основе советских газет, школьных учебников и других элементов официозного коммунистического дискурса. В тексте дневника советские люди образовали эталонный круг друзей, с которым автор стремился сблизиться. Стать своим для советских «Ты» и «Мы» можно было через закалку духа, преодоление испытаний и другие символические практики приобщения к идеалу.

Другой группой коллективных адресатов являлись европейские интеллектуалы – носители атрибутов европейской культурной традиции. С ними также выстраивался напряженный диалог в дневнике. В отличие от советских людей, они подвергались активной критике. Символические статусы советских и европейских референтов поменялись в условиях мировой войны. Георгий Эфрон стал усиленно воссоздавать символические связи с европейской средой, чаще писать по-французски, эмоционально переживал за оккупацию Парижа.

Игра в идентификацию, проективные отношения авторского «Я» с адресатом «Ты» и референтной группой «МЫ» позволили автору дневника осознать себя «существующим и не одиноким, легализует его невеселое и скучное («пустое, как сам он многократно пишет) существование». Одновременно текст дневника позволил ему найти оправдания за потребительское и иногда аморальное суждение по отношению к людям и обществу.

Наталья Родигина (Институт истории СО РАН) в соавторстве с Михаилом Давиденко (НГПУ) представили результаты исследования на основе сложно-составных эго-документов, повествующих о школе 1920-х гг. Центром их внимания стало изучение авторского «Я» учителей, его проявление в повествованиях о реалиях раннесоветской школы. Методологическим ориентиром в анализе эго-документов являлись работы Г. Янке и традиции критического дискурс-анализа Т. ван Дейка.

В нарративе новосибирских педагогов заметны заимствования из официального языка советской идеологии. Вместе с тем учителя избегали «большой истории», они описывали в основном трудовые биографии, локализуя дискурс о прошлом границами профессионального сообщества советских учителей и городской интеллигенции. Мотивация, отбор персонажей и тем для повествования определялись личностным горизонтом опыта и социального воображения авторов. Субъектная позиция предьявлялась также «в оценках реалий и персоналий дооктябрьской и раннесоветской школы, отнюдь не всегда демонстрирующих единомыслие в акцентировании или умолчании тех или иных сюжетов 1920-х гг.».

Анализ «организованной» корпоративной памяти новосибирских учителей о первом десятилетии советской власти позволяет уверенно фиксировать элементы автобиографического «Я», которое не затерялось в общем нарративе, напротив, активно проявляло себя в структурировании повествования, «рефлексии (или ее отсутствия) о мотивах мемуаротворчества, выборе сюжетов и героев рассказа о прошлом».

Мария Ромашова (ПГНИУ) описала кейс формирования «фонда личного происхождения пермской общественницы, члена Пермского городского женского совета Валентины Григорьевны Соколовой, который хранится в Государственном архиве Пермского края». Ее внимание было сфокусировано на трансформации «рядовой» пожилой активистки в субъекта истории, достойного иметь свой личный фонд в государственном архиве.

Борис Колоницкий в соавторстве с Константином Годуновым (ЕУСПб) обратились к теме восприятия политического кризиса 1917 г. в источниках личного происхождения. В центре их внимания были вопросы оформления языка, легитимирующего социальное насилие. Анализировались синхронные источники личного происхождения – дневники и письма современников. Для выявления типичного и особенного в «проговаривании» Гражданской войны язык эго-документов соотносился с публикациями в газетах, для комплексного анализа были задействованы также мемуары.

Термин «гражданская война» был известен задолго до революционных событий. Он присутствовал

в политических словарях. В риторике большевиков этот термин использовался в качестве символа классовой борьбы. Для представителей умеренных политических групп «гражданская война» обозначала, прежде всего, опасность перетекания политического конфликта в вооруженное противостояние.

В частной переписке дискурс о гражданской войне получил иное развитие. Он стал атрибутом неопределенных страхов, символом политической неопределенности после свержения самодержавия. В личных письмах журналиста и писателя Н.А. Чердынцева весной 1917 г. тема «гражданской войны» неоднократно поднималась в связи с проблемами двоевластия, слабости Временного правительства, роста политической неопределенности и возможного расширения конфликта в случае выступления крестьянства. Ощущение «неумолимо надвигающейся гражданской войны» было присуще многим современникам».

Публичное признание «гражданской войны» породило своеобразный консенсус, когда различные политические силы признавали данную опасность приоритетной, их представители говорили и призывали к ее окончанию, предлагали различные сценарии прекращения конфликта. В личных дневниках образы «гражданской войны» отразили предельный характер эмоционального переживания ужасов происходящего.

Борис Колоницкий подчеркнул, что источники личного происхождения позволили лучше понять культурные формы страхов перед гражданской войной, отследить процессы эскалации политического насилия. Политические события 1917 г. наделяли данный термин новыми смыслами, постепенно усиливая его легитимность, придавая ему форму социального высказывания, признающего социальное насилие частью коллективной реальности.

Наталья Суржикова в соавторстве с Еленой Лебеденко и Николай Михалев представили доклад «Чужой среди своих? К истории мемуаров И.П. Волкова» (УрО РАН). Темой их исследования послужила посмертная судьба воспоминаний уральского большевика, судьба, выразившаяся во множественности интерпретаций и заимствований в мемуарах других участников революционных движений. Парадоксальность ситуации состояла в том, что автор воспоминаний был прочно забыт, а содержание его воспоминаний вошло в историческую традицию.

На конференции также были заслушены доклады Елены. Рождественской «Исследовательский потенциал CV (резюме) в изучении карьерного пути» (НИУ ВШЭ), Юлии Подлубновой «Урал заводов и рудников в эго-текстах Ларисы Рейснер» (Институт истории и археологии УрО РАН), Марины Соколовой «Дневниковые записи в архиве Бориса Ельцина» (Музей первого президента России Б. Н. Ельцина), Ярослава Голубинова «Другой взгляд: Россия первой

половины XX в. в эго-документах иностранцев» (Институт истории и археологии УрО РАН).

Заключительным мероприятием конференции стал научный семинар «Эго-документы и перспективы их использования». Михаил Мельниченко (Институт истории и археологии УрО РАН) дал характеристику источников, открытых для изучения благодаря ресурсу «Прожито». Он рассказал о технологиях работы с первичными документами, переводе текстов документов личного происхождения в цифровую форму. Описал правовые сложности организации открытого доступа к информации в среде Internet, обозначил перспективы проекта, стремление организаторов расширить корпус источников за счет публикации в цифровой форме не только дневников, но и полного комплекса материалов частных (семейных) архивных коллекций.

В формате дискуссии участники конференции обсудили специфику работы исследователя с архивными материалами, опубликованными в формате открытых ресурсов Internet.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящая научная конференция стала уникальным форумом для ведущих российских исследователей, работающих с документами личного происхождения в качестве ценного источника по истории первой половины XX в. Коллективное обсуждение накопленного опыта, проблем методологии, особенностей конкретных исследовательских процедур, используемых в работе с данными группами документов, позволило уточнить границы исследовательского поля, аутентичность методов и способов исторической реконструкции характера и содержания изучаемых документов, оценить потенциал эго-документов для развития российской исторической науки.

Участники конференции получили возможность в режиме прямого диалога и коллективного обсуждения сопоставить подходы к изучению эго-документов, рассмотреть методологическую базу нескольких традиций гуманитарного исследования. Приверженцы исторического подхода интересовались возможностью соотнести собственные проекты с работами, выполненными на основе литературоведческой традиции. Средства социологии и культурной антропологии, активно используемые исследователями для решения конкретных исследовательских задач, также были в центре внимания исследователей. Участники форума согласились, что наибольшей эффективностью в изучении эго-документов, обладают проекты, объединяющие представителей различных научных парадигм, что позволяет использовать в процессе научной работы разнообразный инструментарий гуманитарных дисциплин.

Междисциплинарный характер развернувшейся дискуссии, отразившей широкую палитру обсуждаемых тем, применяемых методов и подходов к изучению жизненных миров прошлого, стимулировал участников в ходе обсуждения объединяться в микрогруппы, тем самым придавая дискуссии более глубокий смысл, концентрируя внимание на изучаемых феноменах и проблемах столь важного направления развития отечественного гуманитарного знания.

Участники конференции продемонстрировали солидарность антропологических установок в понимании истории XX в., ценности данного вида источников, роли их авторов как полноправных субъектов реальности прошлого.

Статья поступила в редакцию 24.12.2021

Дата рецензирования 04.02.2022

Статья принята к публикации 17.03.2022

ПОЗДРАВЛЯЕМ ВАДИМА МАРКОВИЧА РЫНКОВА С ЮБИЛЕЕМ!

5 сентября 2022 г. директору Института истории СО РАН, доктору исторических наук Вадиму Марковичу Рынкову исполнилось 50 лет!

Вадим Маркович Рынков родился 5 сентября 1972 г. в г. Новосибирске. В 1994 г. с отличием окончил историческое отделение гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета. После трехлетнего обучения в аспирантуре НГУ в 1998 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему «Экономическая политика контрреволюционных правительств Сибири (вторая половина 1918–1919 г.)»

В 1997 г. принят на работу в сектор аграрной истории Института истории СО РАН на должность младшего научного сотрудника, затем – научного сотрудника, старшего научного сотрудника. В 2001–2005 гг. был председателем совета научной молодежи института. В 2021 г. успешно защитил докторскую диссертацию на тему «Социальная политика антибольшевистских правительств на востоке России (июнь 1918 – октябрь 1922 г.)»

В.М. Рынков – известный специалист в области экономической истории России конца XIX – первой четверти XX в., его научные исследования посвящены истории России в период Первой мировой войны, революции 1917 г. и Гражданской войны. Внес значимый вклад в изучение влияния Первой мировой войны на экономику, направления и результаты экономической и социальной политики антибольшевистских правительств Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока. В 2008 г. стал лауреатом премии им. академика П.В. Волобуева Научного совета РАН по проблемам российской и мировой экономической истории за научные труды в области экономической истории. В.М. Рынков – автор 250 научных и научно-популярных публикаций, в том числе трех индивидуальных и четырех коллективных монографий, активно занимается подготовкой и изданием документальных источников.

В качестве исполнителя и руководителя участвовал в реализации научных проектов, получавших поддержку Сибирского отделения Российской академии наук, Российского гуманитарного научного фонда, Российского фонда фундаментальных исследований, Российского научного фонда, Германского исторического института в Москве, фонда Сороса, Американского совета научных сообществ (ACLS), Фонда «История Отечества». Основой профессиональной деятельности историка он считает работу по выявлению, сбору и анализу первоисточников в архивах и библиотеках от Москвы и Санкт-Петербурга до Петропавловска-Камчатского. Научную мобильность использует для создания и укрепления творческих и профессиональных контактов.

Назначенный в июне 2019 г. на должность директора Института истории СО РАН проявил себя как энергичный и целеустремленный руководитель, наладил новые научные контакты с гуманитарными институтами Сибирского, Уральского и Дальневосточного отделений РАН, российскими вузами, архивами, а также с научными организациями Казахстана и Монголии, взял курс на обновление структуры организации и пополнение коллектива молодежью. Под его руководством Институт истории продолжает работу по изучению фундаментальных научных проб-

лем отечественной истории, выявлению и анализу памятников русской книжности и культуры, анализу государственных стратегий и специфики аграрного и промышленного освоения Сибирского макрорегиона, включая его арктическую зону, сословных, социокультурных, демографических трансформаций в обществе, специфики политических процессов и определения роли и места Сибири в прошлом и настоящем России. В.М. Рынков координирует работу по подготовке к печати третьего и четвертого томов масштабного издания «История Сибири», инициирует и организует проведение международных и всероссийских конференций. Под его руководством Институт истории в 2020 г. подготовил историческую справку как важный аргумент для присвоения г. Новосибирску почетного звания «Город трудовой доблести». Существенно активизировалась работа научных журналов «Гуманитарные науки в Сибири» (с 2009 г. по 2019 г. был членом редколлегии и заместителем главного редактора) и «Исторический курьер», обновлен сайт института.

По инициативе В.М. Рынкова Институт истории СО РАН ежегодно организует ряд научных мероприятий международного и всероссийского уровня, приуроченных к важнейшим историческим событиям в России. В 2020 г. проведена Всероссийская конференция, посвященная 75-летию Великой Отечественной войны «Великая Отечественная война в исторической памяти народа: изучение, интерпретации, уроки прошлого», в 2021 г. – Всероссийская научная конференция, посвященная столетию НЭПа в России «Российские экономические реформы в региональном измерении», которая нашла живейший отклик у научной общественности России и стран ближнего зарубежья. В сентябре 2022 г. состоялась Международная научная конференция, посвященная 100-летию завершения Гражданской войны в России «Гражданская война в России: проблемы выхода, исторические последствия, уроки для современности».

Активная научная и научно-организационная деятельность В.М. Рынкова органично сочетается с

подготовкой научных кадров. Он ведет преподавательскую работу на кафедре отечественной истории гуманитарного факультета (с 2016 г. – Гуманитарного института) НГУ. В 2003–2009 гг. заведовал кафедрой гуманитарных дисциплин АНО ВПО «Новый сибирский институт», в 2008–2018 гг. в должности доцента преподавал на кафедре истории и теории государства и права Новосибирского государственного университета экономики и управления.

В.М. Рынков большое внимание уделяет популяризации института, исторической науки и гуманитарных знаний среди общественности, особенно молодежи, ежегодно выступает с научно-популярными лекциями в вузах, на радио и телевидении. Благодаря тесным научным связям Институт истории сегодня привлекается к мероприятиям, организуемым архивами, музеями и библиотеками г. Новосибирска, а также городским мультимедийным историческим парком «Россия – Моя история».

В.М. Рынков является заместителем сопредседателей Научного совета РАН по экономической истории, заместителем председателя Новосибирского областного отделения Российского исторического общества, членом Российской ассоциации историков Первой мировой войны, членом Новосибирского отделения Российского общества исследователей экономической истории.

При всей своей высочайшей работоспособности и занятости юбиляр остается приверженцем традиционных семейных ценностей, любит путешествовать, заниматься спортом, ценит музыку, живопись, театр, сохраняет чувство юмора и оптимизма.

Коллеги, редакционный совет и редакционная коллегия журнала «Гуманитарные науки в Сибири» поздравляют юбиляра и желают ему дальнейших творческих успехов на благо отечественной исторической науки, новых креативных организационных решений с целью дальнейшего укрепления позиций Института истории СО РАН на международном, российском и региональном уровнях, крепкого здоровья и счастья!

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ **(Требования к статьям и сообщениям)**

1. Представляемые в журнал статьи должны излагать новые, еще не опубликованные результаты гуманитарных исследований по направлениям: отечественная история; историография, источниковедение и методы исторического исследования; археология; этнография, этнология, антропология.

Принимаются статьи, документальные публикации, материалы обзорного и информационного характера, рецензии.

В случае, если статья подготовлена коллективом авторов, то в его состав должны входить только те авторы, которые внесли значительный вклад в данное исследование.

Главная тема статьи не должна быть опубликована в других изданиях.

Авторы должны соблюдать правила цитирования, гарантировать подлинность и корректность приводимых данных.

2. Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, которые выпускаются в Российской Федерации и в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук. Журнал также включен в Международные базы данных Ulrichs и EBSCO, а также в рассылку Международной компании «East View Information Services, Inc.»

3. Автор предоставляет:

- текст статьи в файле формата Microsoft Word (файлы с расширением doc, docx или rtf); название файла включает фамилию автора и дату отправления статьи, например, Иванов_28-02-2021;
- индекс УДК;
- данные об авторе: фамилия, имя, отчество, степень, звание, должность, место работы (полное и краткое название организации, адрес с почтовым индексом), электронный адрес автора. Сведения об авторе даются на русском и английском языках;
- название статьи с англоязычным переводом;
- аннотацию статьи объемом не более 800 знаков без перевода;
- ключевые слова на русском и английском языке (не менее 10);
- реферат статьи объемом около 2 тыс. знаков с англоязычной версией (2 тыс. знаков), подготовленной профессиональным переводчиком. Реферат включает название, цель статьи, характеристику проблемного поля, описание методов и методологии исследования, информацию об основных научных результатах. Реферат на русском языке не публикуется.

Объем статьи не должен превышать 40 тыс. знаков (подсчет с пробелами) с учетом сведений об авторе, аннотации, англоязычной версии реферата, сносок, таблиц и рисунков. Объем информационных заметок и рецензий составляет не более 10 тыс. знаков.

Статьи и другие материалы для публикации направляются в электронном виде по e-mail: gumnauki@gmail.com

Правила оформления и рецензирования статей см.: <http://gumnauki.iisoran.ru/index.php/trebovaniya-k-materialam.html>

В библиографической ссылке в тексте указываются в квадратных скобках фамилия (фамилии) автора (авторов) или первые слова названия публикации без автора, год, страница (страницы). В списке литературы дается полное библиографическое описание работы.

4. К изданию принимается от автора не более одного материала в год. Рукописи, не удовлетворяющие указанным выше правилам, а также не принятые к публикации, авторам не возвращаются. Плата с авторов за публикацию не взимается.

Статьи, поступившие в редакцию, проходят экспертизу. Мотивированный отказ в публикации отправляется автору по электронной почте после заседания редколлегии по очередному номеру. Корректурa не высылается. Гонорар за публикуемые материалы не выплачивается.

5. В издательской деятельности журнал руководствуется Гражданским кодексом Российской Федерации, гл. 70 «Авторское право».

Автор статьи обязан соблюдать международные принципы научной публикационной этики. Редакция оставляет за собой право проверять текст статьи с помощью системы «Антиплагиат».

6. Направляя статью в редакцию журнала, автор (соавторы) на безвозмездной основе передает(ют) издателю на срок действия авторского права по действующему законодательству РФ исключительное право на использование статьи или отдельной ее части (в случае принятия редколлегией журнала статьи к опубликованию) на территории всех государств, где авторские права в силу международных конвенций являются охраняемыми, в том числе следующие права: на воспроизведение, распространение, на публичный показ, на доведение до всеобщего сведения, на перевод на иностранные языки и переработку (а также исключительное право на использование переведенного и (или) переработанного произведения вышеуказанными способами), на передачу всех вышеперечисленных прав другим лицам.

Одновременно с представлением статьи автор (соавторы) направляет в редакцию подписанный лицензионный договор на право использования научного произведения в журнале. Подписанный автором (соавторами) договор можно присылать в отсканированном виде электронной почтой.

Web-страница журнала: <http://gumnauki.iisoran.ru/index.php> (сайт издания); http://www.history.nsc.ru/publications/gns_magazine/index.htm (сайт Института истории СО РАН); <https://www.sibran.ru/journals/GNvSib/> (сайт Издательства СО РАН)

Полная текстовая версия выставляется e-library.ru.